

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский
политехнический университет»

На правах рукописи

Криворучко Анна Игоревна

**КОМБИНАТОРНОСТЬ
СТЕРЕОТИПНЫХ И КРЕАТИВНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ
В СПЕЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – «Теория языка»

Научный руководитель
Людмила Вениаминовна Кушнина,
доктор филологических наук,
профессор

Пермь–2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	12
1.1. Современное состояние теории дискурса с позиций эпистемической парадигмы	13
1.2. Когнитивное пространство специального юридического дискурса	23
1.3. Взаимодействие стереотипности и креативности в когнитивном пространстве специального юридического дискурса.....	32
1.4. Основные понятия комбинаторной лингвистики	41
1.5. Юридическая терминологическая коллокация как единица анализа стереотипности и креативности в специальном дискурсе	48
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	54
ГЛАВА 2. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ И КРЕАТИВНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	57
2.1. Квантитативно-квалитативный анализ стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций в специальном дискурсе	59
2.2. Составление коллокационных рядов стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций	73
2.3. Выявление комбинаторного потенциала стереотипных и креативных коллокаций в специальном юридическом дискурсе в парах французский-русский, английский-русский, французский-английский языки	76
2.3.1. Характеристика комбинаторного потенциала индивидуально-авторских (оказиональных) юридических терминологических коллокаций (коллокационный ряд № 1).....	78
2.3.2. Характеристика комбинаторного потенциала рекуррентных юридических терминологических коллокаций	

(коллокационный ряд № 2).....	89
2.3.3. Характеристика комбинаторного потенциала фиксированных юридических терминологических коллокаций (коллокационный ряд № 3).....	96
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	109
МЕДИАГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	129
Приложение 1. Глоссарий ключевых терминов	133
Приложение 2.....	136
Приложение 3.....	139

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению комбинаторного потенциала стереотипных и креативных юридических коллокаций в специальном дискурсе.

Решаемые в диссертации вопросы относят ее к разряду работ по когнитивной лингвистике, комбинаторной лингвистике, теории дискурса, теории перевода, юрислингвистике.

Актуальность работы обусловлена необходимостью рассмотрения эпистемической природы дискурса в его онтологическом, методологическом, аксиологическом аспектах, его соотношения с текстом, языком, культурой, коммуникацией. Актуальность настоящего исследования обусловлена также потребностью в более глубоком изучении закономерностей порождения и сочетаемости языковых и речевых единиц в когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Комбинаторность как естественное свойство языка проявляется на всех его уровнях, что можно проследить в сфере комбинаторно-синтагматических свойств когнитивных категорий стереотипности и креативности в процессе порождения специального дискурса на родном и иностранном языках. Недостаточно изученными являются такие признаки специального дискурса, как стандартность и динамичность терминологических единиц, объединенных в коллокации в специальной сфере коммуникации – текстах/дискурсах по юридической и юрислингвистической тематике.

Актуальность проблемы обусловила тему настоящего исследования «Комбинаторность стереотипных и креативных коллокаций в специальном дискурсе», главной идеей которого стало обоснование комбинаторности стереотипных и креативных компонентов специального юридического дискурса в оригинале и переводе, что может быть проанализировано на примере юридических коллокаций.

Степень разработанности исследования подтверждается следующими основными положениями, а именно:

1) расширение исследовательского интереса к проблеме дискурса как особой лингвистической категории, которая характеризует коммуникативно-речевую

и когнитивную деятельность субъектов (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Баженова, Э. Бенвенист, Н.Н. Белозерова, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Е.С. Кубрякова, Л.И. Макаров и др.);

2) повышенное внимание к проблеме отражения законов сочетаемости в языковом сознании носителя языка (А. Вежбицкая, А. Мартине, А.Е. Плеханов, Е.В. Рахилина, Л. Теньер, Л.В. Щерба, Н.В. Юдина и др.), что обусловлено обращением гуманитарных наук к антропоцентризму и когнитивизму как приоритетным направлениям современного языкознания;

3) системные исследования в области лингвистики текста, общей теории перевода, синергетической теории перевода, частных теорий юридического перевода и др., показавших взаимопроникновение стереотипных и креативных компонентов в процессе порождения текстов и дискурсов, принадлежащих различным коммуникативным средам (И.Р. Гальперин, Л.В. Кушнина, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, Н.К. Рябцева, А.Л. Факторович, В.Е. Чернявская и др.);

4) исследования в области комбинаторной лингвистики, направленные на изучение синтагматических отношений языковых единиц, в основе которых лежит идея изучения и выявления комбинаций единиц языка, обусловленных заданным смыслом, в частности, изучение коллокации как одного из видов лексико-семантической сочетаемости как результата переосмысления отдельных компонентов сочетания (Е.Г. Борисова, М.В. Влавацкая, А.В. Коршунова, Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук и др.).

Материал исследования представлен научными текстами по юридической и юрислингвистической тематике на французском языке, опубликованными исследовательским Центром перевода и юридической терминологии (Centre de traduction et de terminologie juridique) юридического факультета университета Монктона, Канада (Faculté de droit – Université de Moncton, Canada) и международным научным журналом для переводчиков META [URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/>] на французском и английском языках в период с 2011 по 2017 года (около 270 текстов); научно-популярными текстами на французском языке, представленными в блоге, посвященном юридическому пере-

воду, юрислингвистике и языку права (blog consacré à la traduction juridique, à la jurilinguistique et au langage du droit) *Juritracteur* [URL: <http://juritracteur.blogspot.com/>] (около 80 текстов) в период с 2016 по 2018 гг.

В данном корпусе текстов были отобраны юридические терминологические коллокации на французском (около 300 коллокационных единиц) и на английском языке (около 150 коллокационных единиц). Их перевод на русский язык был выполнен профессиональными переводчиками-лингвистами, переводчиками-юристами, выступавшими в роли экспертов, а также преподавателями и студентами старших курсов кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета в период с 2016 по 2018 гг.

Под коллокационной единицей понимаем терминологическую коллокацию на ИЯ и ПЯ, состоящую из ситуативно-, семантически-, экстралингвистически- обусловленного коллоката (присоединяемого слова) и базы (главного компонента).

В процессе апробации материала, относящегося к переводному дискурсу, с целью выявления коэффициента встречаемости коллокаций были привлечены открытые поисковые системы Google, Google Scholar и поисковая база Reverso-context [URL: <http://context.reverso.net/перевод/>] в следующих языковых парах: французский – русский, английский – русский, французский – английский.

Объектом исследования является когнитивное пространство специального юридического дискурса.

Предмет исследования – стереотипные и креативные юридические терминологические коллокации в когнитивном пространстве специального дискурса.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении комбинаторного потенциала стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций, обуславливающих порождение специального дискурса.

Реализация поставленной цели достигается путем решения следующих исследовательских **задач**:

1) обосновать эпистемическую природу дискурса в онтологическом, методологическом, аксиологическом аспектах;

- 2) выполнить обзор современных исследований категорий стереотипности и креативности в тексте/дискурсе;
- 3) описать когнитивное пространство специального юридического дискурса;
- 4) изучить основные понятия комбинаторной лингвистики: синтагматика, сочетаемость, сочетательная ценность, комбинаторика, контекст, коллокация, коллокационный ряд и др.;
- 5) рассмотреть юридическую терминологическую коллокацию как единицу анализа комбинаторной лингвистики и специального дискурса;
- 6) выявить внутриязыковую и межъязыковую сочетательную ценность стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций;
- 7) описать когнитивный механизм порождения специального дискурса.

Гипотеза исследования заключается в том, что когнитивным механизмом процесса порождения специального дискурса является комбинаторно обусловленное согласование стереотипных и креативных компонентов юридических терминологических коллокаций, что выражается различными типами сочетательной ценности внутриязыковых и межъязыковых коллокаций и варьируется в рамках определенного лингвокультурного и лингвоправового пространства.

Научная новизна работы состоит в разработке типологии и выявлении сочетательной ценности юридических коллокаций, содержащих стереотипные и креативные компоненты в текстах оригинала и перевода, что обусловлено стремлением автора и переводчика реализовать замысел, принимая во внимание расхождения языковых и правовых систем контактирующих лингвокультур. Новизна исследования определяется также описанием когнитивного механизма коллокаций, обладающих дискурсообразующим потенциалом.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в обосновании эпистемической природы дискурса в его целостном онтологическом, методологическом, аксиологическом освещении; в описании когнитивного пространства специального дискурса; в комплексном рассмотрении оппозитивных категорий стереотипности и креативности; в рассмотрении юридической коллокации как единицы анализа специального дискурса, в выявлении закономерностей порождения переводного дискурса.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в курсах по комбинаторной лингвистике, по теории коллокаций, по теории дискурса, по теории и практике перевода. Результаты исследования могут быть использованы при обучении специальному юридическому переводу с английского языка на русский и с французского языка на русский, предназначенному как для студентов-лингвистов, так и для студентов-юристов, что может послужить основанием для разработки программы специальности «Юридический переводчик».

Теоретико-методологическая база исследования сложилась под влиянием работ в следующих областях:

1) лингвистика текста (Э. Бенвенист, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Т.А. ван Дейк, О.И. Москальская, Л.Н. Мурзин, З.Я. Тураева, Л.В. Сахарный, А.С. Штерн и др.);

2) лингвистика дискурса (Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Белозерова, Э.Бенвенист, В.В. Богданов, В.З. Демьянков, М.Л. Макаров, П.Серио, В.Е. Чернявская и др.);

3) функциональная стилистика (Е.А. Баженова, В.В. Виноградов, Н.В. Данилевская, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова и др.);

4) когнитивная теория языка (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М.В. Пименова, З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.);

5) специальный дискурс (Н.А. Антонова, О.С. Ахманова, А.С. Герд, А.Ю. Левенкова, В.М. Лейчик, Н.А. Матвеева, В.Д. Табанакова и др.);

6) язык права (Н.Д. Голев, Л.С. Бурдин, А.М. Кузнецов, Н.Н. Лыкова, В.Д. Мансурова, Т.В. Матвеева, Н.В. Солнцева, Ч.Дж. Филлмор, Н.Г. Храмцова, G. Cornu, J.-Cl. Gémar и др.);

7) комбинаторная лингвистика (Е.И. Архипова, Е.Г. Борисова, М.В. Влавацкая, Д.О. Добровольский, И.А. Мельчук, F.J. Haussman, К. Peshkov и др.);

8) когнитивное переводоведение (Л.М. Алексеева, Н.Н. Гавриленко, Л.В. Енбаева, Т.А. Казакова, Л.В. Кушнина, С.С. Назмутдинова, Н.А. Пластинина, Л.А. Нефедова, А.О. Ушакова, Т.А. Фесенко, В.Н. Шевчук и др.);

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие **положения**:

1. Понимание и дефинирование термина «дискурс» в рамках эпистемической парадигмы исследования позволяют вычлениить его онтологический, методологический, аксиологический аспекты, релевантные для изучения специального юридического дискурса, когнитивное пространство которого характеризуется комбинаторностью оппозитивных категорий стереотипности и креативности.

2. Взаимоотношение стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций выражается следующими типами сочетаемости: речевые креативы, речезыковые креативы, языковые стереотипы, речезыковые стереотипы, исследование сочетательной ценности которых возможно посредством проведения квантитативно-квалитативного анализа и описания коллокационных рядов, представленных индивидуально-авторскими (оказиональными), рекуррентными и фиксированными юридическими терминологическими коллокациями.

3. К индивидуально-авторским коллокациям относятся речевые и речезыковые креативы; к рекуррентным коллокациям относятся речезыковые креативы и речезыковые стереотипы; к фиксированным относятся языковые и речезыковые стереотипы. Если сочетаемость стереотипности и креативности ЮТК, выраженная автором на внутриязыковом уровне, транслируется переводчиком на межъязыковой уровень, порождаемый текст/дискурс признается гармоничным. В случае нарушения данного соотношения в переводном дискурсе констатируем дисгармонию. Эквивалентность и адекватность занимают промежуточное положение.

4. Когнитивным механизмом взаимодействия стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций выступает характер сочетательной ценности стереотипности и креативности: соразмерность/несоразмерность, сбалансированность/несбалансированность как источник комбинаторного потенциала дискурсообразующих языковых единиц в соответствующей языковой и правовой культуре.

5. В переводном дискурсе при восходящем векторе формируется сбалансированная комбинаторность стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций, порождение гармоничного дискурса, взаимодействие лингвокультурных и правовых систем. При позитивном векторе имеет место эквивалентное соотношение стереотипности и креативности коллокаций. При нисходящем векторе наблюдается адекватное соотношение стереотипности и креативности коллокаций. При негативном векторе формируется несбалансированная комбинаторность стереотипности и креативности коллокаций, порождается дисгармоничный дискурс, что приводит к отклонению от лингвокультурных и правовых норм и непониманию коммуникантов.

Апробация работы. Основные положения и результаты работы отражены в 17 публикациях по теме исследования, в том числе 7 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и 1 статья, индексируемая в международной базе данных Scopus.

Основные положения исследования обсуждались на научных конференциях различного уровня: IV Международной научной конференции «Инновационные процессы в исследовательской и образовательной деятельности» (Пермь, ПНИПУ, 2015); V Международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2015); VII Международной научной конференции «Языки профессиональной коммуникации» (Челябинск, ЧелГУ, 26–27 ноября 2015); VIII, IX, X Международных научных конференциях «Индустрия перевода» (Пермь, ПНИПУ, 2016, 2017, 2018); конференциях молодых учёных гуманитарного факультета (Пермь, ПНИПУ, 2016, 2017); международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, ТюмГУ, 22–24 сентября 2016); VIII Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, ЧелГУ, 2016); II Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение» (Орёл, ОГУ им. И.С. Тургенева, 2017).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, содержащего 221 наименование на русском, французском и английском языках, трех приложений. Общий объем работы – 143 страницы. В тексте 5 таблиц, 2 схемы, 3 рисунка.

В Приложении 1 представлен глоссарий ключевых терминов, в Приложении 2 и Приложении 3 – параллельные тексты в сфере юрислингвистики на французском и английском языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая глава диссертационного исследования посвящена обзору работ отечественных и зарубежных исследователей в области порождения текста/дискурса и рассмотрению дискурса с точки зрения единства онтологических, методологических и аксиологических характеристик, обуславливающих эпистемическую природу его существования и функционирования.

В рамках теоретической главы исследования также рассматриваются стереотипность и креативность как закономерные, естественно возникающие когнитивные категории, функционирующие в специальном юридическом дискурсе, понимаемом как открытая, динамичная подсистема профессионально-ориентированного дискурса, периферийно расположенная к жестко регламентированным юридическим текстам/дискурсам, системам более высокого ранга, а именно: законодательному, судебному, административному, договорному и пр.

Разграничение ядерных и периферийных текстов/дискурсов подчеркивается в ряде отечественных исследований (Громова 2017, Музычук 2010, Садуов 2011, Сараева 2009, Шейгал 2002 и др.). Наряду с терминами «ядерный» и «периферийный» ученые используют термины «прототипический»/«маргинальный», «общий»/«узкий», «система»/«подсистемы», «гипоним»/«гипероним» и др.

Отправителем и реципиентом стереотипных и креативных элементов в рассматриваемых лингвокультурах являются как специалисты (носители специального знания: юристы, юристы-переводчики), так и неспециалисты (носители обыденного знания: переводчики с общей лингвистической подготовкой, неспециалисты).

Поясняя выбор материала исследования, кратко изложенного во Введении настоящей работы, подчеркнем, что, во-первых, мы не изучаем нормативно-правовые документы, законодательные акты и пр., так как их анализ требует специальной юридической компетентности. Во-вторых, профессиональный юридический дискурс отличается жесткостью формулировок, что исключает творческое текстопроизводство, в то время как в работе предполагается изучение процесса

взаимодействия креативных и стереотипных компонентов. В-третьих, исследуемый нами материал имеет разветвленный диапазон функционирования, предназначенный для различной целевой аудитории: профессиональные юристы, лингвисты-переводчики, студенты лингвистических и юридических специальностей, интересующиеся проблемами юридического перевода, и пр. Материал исследования связан с проблемами юридического перевода, взаимодействия естественного языка и языка права. Вслед за Н.Д. Голевым, представителем Барнаульской школы юрислингвистики, мы используем термин «юрислингвистическая тематика» [Юрислингвистика-5, 2004].

В рамках первой главы обосновывается необходимость рассмотрения когнитивно-дискурсивных категорий стереотипности и креативности, реализующихся посредством взаимодействия стереотипных и креативных компонентов при порождении терминологических коллокаций в рамках специального юридического дискурса.

В задачи первой главы входит:

- 1) обзор современных концепций по теории дискурса с позиций онтологии, методологии, аксиологии;
- 2) характеристика специального текста/дискурса по отношению к юридическому тексту/дискурсу;
- 3) рассмотрение когнитивно-дискурсивных категорий стереотипности и креативности с позиций теории языка, функциональной стилистики, теории перевода;
- 4) изучение основных понятий комбинаторной лингвистики;
- 5) уточнение понятия «юридическая терминологическая коллокация» в специальном дискурсе.

1.1. Современное состояние теории дискурса с позиций эпистемической парадигмы

Современная когнитивная лингвистика оперирует различными понятиями, без которых ее развитие было бы невозможно. Особую роль в понятийно-терминологическом аппарате современной лингвистики играет дискурс, который широко используется как в лингвистике, так и за ее пределами. Исследователи ка-

тегии дискурса предлагают самые различные подходы, парадигмы, методы анализа дискурса.

В нашей работе мы намерены проанализировать дискурс в рамках универсальной экстралингвистической модели научного текста, разработанной представителями Пермской школы функциональной стилистики М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой, которую ученые определили как эпистемическая ситуация.

Идея анализа категории дискурса с позиций эпистемической ситуации представляется нам плодотворной ввиду того, что эпистемическая ситуация рассматривается авторами как «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического <...> компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста и определяющих его целевую специфику» [Котюрова, Баженова 2007: 48–49]. Представленная выше дефиниция рассматривает эпистемическую ситуацию в широком смысле, а в узком смысле она включает в себя три следующих компонента: онтология, методология, аксиология.

Мы сочли возможным исследовать дискурс именно в этих трех аспектах, что позволит нам не только изложить сущность дискурса, но и спроецировать его понимание на специальный юридический дискурс, который является предметом настоящего исследования.

Начнем с определения *онтологического компонента эпистемической ситуации*. «Онтологический компонент связан с предметным содержанием знания, то есть научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека, общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий» [Котюрова, Баженова 2007: 49].

Переходим к обзору основных концепций дискурса, акцентирующих внимание на его онтологических свойствах.

Как показал анализ литературы, современный этап развития лингвистики можно условно обозначить как переходный от изучения текста к изучению дискурса. Актуальным является вопрос: что такое дискурс? При этом, при всей дис-

куссионности ответа на этот вопрос, лингвисты единодушно признают необходимость исследования текста в системе дискурса.

В нашей работе в фокусе исследовательских интересов находятся стереотипность и креативность как оппозитивные взаимно обусловленные когнитивные категории.

Для выявления онтологической сущности дискурса представляется необходимым рассмотреть его соотношение с текстом и с функциональным стилем.

Фундаментальные исследования дискурса проводились Е.С. Кубряковой. Ученый обращается к эволюции понятия «дискурс», подчеркивая, что интенсивное изучение языка во второй половине XX века привело к изменению первоначального смысла многих понятий, включая понятия дискурса и дискурсивного анализа: от традиционного понимания дискурса в таких терминах, как практика, использование языка, речь, речевая деятельность, коммуникативная деятельность, к его пониманию как особого интеракционного коммуникативного события между говорящим и слушающим, как фрагмента ментального мира человека, как явления, имеющего дело не только с передачей и оперированием знаний в определенной сфере, но и созданием новых знаний [Кубрякова 2000]. Так была сформирована современная когнитивно-коммуникативная парадигма изучения дискурса, которая постепенно преобразовывается в когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики в целом.

В работе В.Е. Чернявской «Лингвистика текста. Лингвистика дискурса» данная парадигма находит свое отражение. Как отмечает исследователь, текст признается результатом коммуникативно-когнитивной деятельности, а дискурс – самим процессом, что свидетельствует о результативности и процессуальности, о статичности и динамичности коммуникации. При этом текст не является сугубо статичным, текст динамичен [Чернявская 2013].

Процессуальность текста отмечалась учеными ранее. Л.Н. Мурзин в работе «Основы дериватологии» писал: «В языке как диалектическом единстве ведущей стороной является динамика, а не статика» [Мурзин 1984: 10]. Позднее в совместном исследовании с А.С. Штерн «Текст и его восприятие» ученые подчеркивают: «Текст – это не просто продукт речевой деятельности, но и сам процесс создания

такого продукта. ... Текст неразрывно связан с процессом мышления» [Мурзин, Штерн 1991: 22–23].

В.Е. Чернявская анализирует соотношение текста и дискурса. В основе рассуждений лежит представление о том, что текст как целое возникает под воздействием совокупности экстралингвистических факторов, так как интралингвистических данных недостаточно для понимания самого текста: «Дискурс в одном из его возможных пониманий обозначает текст в его неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста...» [Чернявская 2013: 102]. В качестве экстралингвистических факторов рассматриваются социальные, культурно-исторические, идеологические, психологические и др. Дискурс рассматривается как принципиально открытое множество текстов: если текст является относительно законченной сущностью, то дискурс является потенциально возможным текстом: «Дискурс не может быть приравнен к одному тексту и не конституируется отдельным текстом» [Чернявская 2013: 113].

Исследования функционального стиля речи, проводимые Пермской школой функциональной стилистики, основанной М.Н. Кожиной, позволили, на наш взгляд, не только по-новому взглянуть на проблему функционального стиля, но и заложить теоретический фундамент изучения дискурса. И если сам термин «дискурс» пришел в русский язык из работ франкоязычных и англоязычных авторов, его сущностные характеристики были описаны при изучении функциональных стилей. Как явствует из работ М.Н. Кожиной и ее последователей, выделение основных функциональных стилей соотносится с основными сферами человеческого сознания и деятельности, что имеет самое непосредственное отношение к дискурсивной деятельности.

В работах М.П. Котюровой прослеживается неразрывная связь функциональной стилистики в том виде, как ее основные положения были постулированы М.Н. Кожиной, и дискурсом. Их сходство обусловлено, прежде всего, «речеведческим» аспектом теории языка. Более того, как отмечает другой представитель этой школы Е.А. Баженова, было бы рационально исследовать текст в рамках единой дискурсивно-стилистической парадигмы. Ученые поясняют данную мысль на

примере анализа научного дискурса и научного текста: «Применительно к научной коммуникации дискурсивная составляющая такой парадигмы позволяет учесть экстралингвистический контекст порождения текста, прежде всего, структуру познавательной деятельности и ее результата – научного знания, а также структуру речевого акта в научной сфере с присущими ему признаками взаимодействия коммуникантов» [Баженова 2009: 25]. Существенно подчеркнуть, что представители Пермской школы функциональной стилистики не отождествляют функциональный стиль и дискурс. Если стиль создается говорящим человеком в процессе порождения текста, то дискурс трактуется как речевая деятельность в широком контексте ее реализации с учетом условий и факторов внешней среды. При этом само понятие экстралингвистических факторов в концепции М.Н. Кожиной также претерпевает изменения: «...адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием излагаемого научного знания» [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011: 49].

В исследовании М.П. Котюровой, Н.В. Соловьёвой «Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений)» подчеркивается мысль о том, что «содержание текста имеет дискурсивный характер...» [Котюрова, Соловьева 2017: 66].

В настоящее время существует множество подходов к трактовке и пониманию дискурса. По мнению Е.Ю. Викторовой, изучающей вспомогательную систему дискурса, можно вычлениить два основных направления. Первое восходит к англосаксонской традиции, второе – к французской, но оба направления успешно развиваются отечественными учеными. Представители первого направления акцентируют внимание на изучении влияния социальных, культурных, психологических и других факторов на внутритекстовую организацию: «...текст в совокупности с его вокругтекстовым (экстралингвистическим) фоном» [Викторова 2015: 8]. Текст и дискурс четко разграничиваются, дискурс трактуется как коммуникативный, ментальный процесс, текст – как формальная конструкция, результат это-

го процесса. Представителей второго направления интересует, «какой» дискурс, «чей» дискурс. Речь идет о функционировании дискурса в определенной сфере деятельности, что приводит к выделению специальных видов дискурса: медицинский, педагогический, юридический и др.

Вслед за В.Е. Чернявской *дискурс* рассматривается нами как динамическая система, имеющая принципиально открытый характер. При этом под текстом понимаем «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

В рамках нашего исследования важно охарактеризовать такие понятия, как «юридический», «правовой», «юридический/правовой дискурс», «юридический/правовой жанр», «юридическая/правовая информация».

Согласно Н.Г. Храмцовой, термины «юридический» и «правовой» являются синонимами, но не абсолютными...» [Храмцова 2009: 81]. При этом, как отмечает ученый, «во-первых, в теории права используются словосочетания «юридические обязанности», «юридические нормы», «юридические факты», «юридическая техника», и хотя почти каждое словосочетание возможно с употреблением прилагательного «правовой» и слухового восприятия, для самого термина «право» достаточно сложно подыскать синоним из латинского языка с корнем «jus». Однако вместе с тем первый вариант предпочтительнее и удобнее для понимания. Так же сложно сконструировать удачные синонимы с этим же корнем, например, для терминов «правотворчество», «правоотношения», «правовое государство» и др.» [Храмцова 2009: 81–82].

Юридический текст и юридический дискурс традиционно рассматриваются отечественными и зарубежными учеными как жестко регламентированное закрытое единство, имеющее свои четкие границы. Попытки классификации и типоло-

гизации приводят исследователей к выделению типичных подвидов, таких как законодательный дискурс, судебный, административный [Otto 1981] и некоторые другие. Ввиду сложности построения единой таксономии дискурсов исследователи приходят к изучению феномена с позиций дискурсологии, понимаемой как «регистрация и описание социально-ориентированных практик для осуществления успешного социального взаимодействия» [Силанова 2017].

Разграничивая понятия «юридический жанр» и «юридический текст», И.В. Палашевская приходит к следующему выводу: «Жанры дискурса являются способами организации взаимодействия правовых субъектов в институциональном мире. <...> Формулы связывания всех элементов воедино (ситуативных, нормативно-ценностных и речевых) образуют жанровые форматы – типы текстов взаимодействия правовых субъектов» [Палашевская 2010: 29]. При этом ученый не отрицает некоторой степени автоматизированности, стереотипности коммуникативных взаимодействий на основе жанровых схем в юридическом дискурсе, но при этом отмечает: «Индивидуальные версии жанровых формул неизбежно обладают уникальными и неповторимыми свойствами...» [Там же, с. 28]. Выявленная закономерность подтверждает нашу идею о существовании и взаимодействии стереотипного и креативного начал в юридическом дискурсе.

Характеризуя правовую информацию, Н.Г. Храмцова отмечает, что данный тип «...выступает в качестве компонента правового дискурса и составляет его предмет – содержание речевой коммуникации. Правовая информация выражается в правовых текстах и передается с помощью юридического языка и иных знаковых форм: слов, правовых понятий, терминов, выражений, суждений и т.п.» [Храмцова 2012: 31].

В целом, обращая внимание на междискурсивный характер функционирования юридического дискурса, ученые подчеркивают: «Понимать юридический дискурс исключительно как профессиональный язык также представляется не совсем корректным, потому как зона проникновения юридического языка распространяется не только на сферу профессионального общения. Использование дискурсивного подхода к изучению языка позволяет проследить динамические процессы, происходящие на стыке различных дискурсивных образований» [Силанова 2017: 37]. Мы исследу-

ем специальный юридический дискурс, который представляет собой междискурсивный феномен, функционирующий на стыке языка права, естественного языка и, в рамках нашего исследования, теории перевода.

Выделение специального юридического дискурса требует методологического обоснования, что соотносится в исследовании с описанием *методологического компонента эпистемической ситуации*.

Обращаясь к исходным позициям, подчеркнем мысль исследователей Пермской школы функциональной стилистики, согласно которой «методологический компонент характеризует познавательную деятельность со стороны способов получения, развития и обоснования научного знания» [Котюрова, Баженова 2007: 49].

Согласно общей теории метода, представленной З.И. Комаровой, метод сводится «к совокупности определенных правил, приемов, способов, норм познания и действия. Он есть система предписания, принципов, требований которые должны ориентировать в решении конкретной задачи в достижении определенного результата в той или иной сфере деятельности» [Комарова 2013: 219].

Анализ дискурса представлен в работе М.Л. Макарова «Основы теории дискурса» [Макаров 2003]. С позиций рассматриваемой нами концепции комбинаторности в языке и речи ученый приводит следующее утверждение: «Для синтагматического измерения линейного развития речи ее важным свойством, соотносящимся с нормой правильной оформленности, оказывается предсказуемость возможных путей продолжения дискурса. Предшествующий, левый элемент в последовательности языковых выражений обуславливает, предписывает набор возможных вариантов следующего за ним элемента» [Там же, с. 178].

В рамках нашего исследования понятия предсказуемости и предписываемости в структуре дискурса играют важную роль в методологии дискурса, в частности, в методологии порождения ожидаемых, неслучайных единиц в рамках специального дискурса.

М.Л. Макаров, анализируя понятие дискурсивного акта, определяет его как минимальную коммуникативную единицу, которая имеет свою специфическую значимость с точки зрения коммуникативных планов и стратегий [Там же 2003], что мож-

но соотносить с коммуникативным ходом. Можно заключить, что коммуникативная задача, которую решает переводчик, решается в рамках дискурсивного акта.

Принципы дискурсивного анализа, представленные В.Е. Чернявской, позволяют различить несколько уровней анализа, а именно: уровень отдельного коммуникативного акта, уровень отдельного текста, уровень глубинного макросемантического анализа текста или его смысловой структуры, уровень над- и вокруг-текстового анализа, уровень межтекстового дискурсивного анализа.

В нашем исследовании методологический компонент анализа дискурса ориентирован на выявление над- и вокругтекстового анализа, который позволяет, как пишет В.Е. Чернявская, «...связать те или иные слова или высказывания, порождаемые ими смыслы с «духом времени», то есть историческими, психологическими, идеологическими, социальными, межличностными и др. экстралингвистическими факторами» [Чернявская 2013: 141].

Рефлексия над содержанием специального юридического дискурса привела нас к выводу о том, что его над- и вокругтекстовое окружение характеризуется наличием языковых, речевых, речезыковых единиц, выраженных в виде стереотипных и креативных компонентов.

Проблема восприятия, когнитивной обработки и оценки рассматривается в работе с точки зрения *аксиологического компонента эпистемической ситуации*, определяющей развёртывание дискурса / специального дискурса.

Как отмечают авторы универсальной модели научного текста, «аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как предшествующее (старое), так и новое знание, получаемое лично автором» [Котюрова, Баженова 2007: 49].

Посмотрим, как в работах по анализу дискурса проявляется аксиологический компонент.

Как отмечает Н.Н. Белозерова, термин дискурс используется для определения сущности речевой деятельности. Ученый высказывает идею о том, что само появление термина дискурс было обусловлено «...определенной формальностью, не-

достаточностью сосюрговской дихотомии язык/речь. Важно было определить, какие процессы регулируют превращение системы языка в речевое событие» [Белозерова, Чуфистова 2013: 18].

Для выявления аксиологического компонента дискурса представляется целесообразным акцентировать внимание на проявлении в дискурсе внутриличностных ценностей, смыслов, отношений, в результате чего «приоритеты внимания неизбежно смещаются в сторону субъективного» [Братченко 2001: 171]. Как отмечает исследователь А.А. Ивин, «аксиология в целом выясняет отношение между сущим и должным, проясняет степень повышения объективности суждений о ценностях, исследует мыслительные операции, которые неразрывно связаны с ценностями, прослеживает историю формирования определенных ценностей, разрабатывает проблему существования, значимости ценностей, субъектно-объектной природы оценочного и ценностного отношений» [Ивин 2006: 3]. «Понимание является не постижением истины, а постижением ценности, которая носит субъективный характер и стандарты которой меняются от человека к человеку, от среды к среде и от общества к обществу» [Там же, с. 37].

Согласно исследованиям Н.В. Данилевской, оценочная деятельность «пронизывает всю ткань текста» [Данилевская 2009: 21]. Автор подчеркивает градуальность категории оценки и недостаточность аксиологической шкалы «хорошо – плохо», что позволяет ей ввести понятие познавательной оценки научного текста, которая представляет собой «... когнитивный стержень, объединяющий все частные взаимодействия компонентов знания и подчиняющий это взаимодействие основной цели научного текста....» [Там же, с. 22].

В нашем исследовании принцип градуальности оценки находит отражение при построении коллокационных рядов как способе систематизации и выявления стереотипных и креативных единиц анализа; интерпретации сочетательной ценности и комбинаторности стереотипности и креативности в специальном переводном дискурсе.

Заложенная в гипотезе нашего исследования идея естественного порождения, функционирования и взаимопритяжения двух дуалистических начал – стереотип-

ности и креативности – может быть объяснена и эпистемологическими характеристиками юридического дискурса, выявляемыми членом РАН РФ И.В. Палашевской, описывающей функции юридического дискурса и действия его участников [Палашевская 2010]. Ученый заключает, что, с одной стороны, «... право – это, прежде всего, нормативный регулятор, <...> применяющий равную меру, одинаковый масштаб к различным людям»; с другой стороны, «право выступает как нечто, артикулированное языком, говорящих на нем. Речедетельность – суть юридической практики и способ существования права. <...> Передача отдельных видов знания требует общения лицом к лицу, непосредственного взаимодействия, когда смысл понимается из его контекста» [Палашевская 2010: 535–536].

Заключая, подчеркнем, что вышеизложенные положения подтверждают гипотезу исследования и обуславливают необходимость изучения как универсальных, стандартизированных форм речетворчества, так и индивидуально порождаемых, креативных элементов в системе специального юридического дискурса.

1.2. Когнитивное пространство специального юридического дискурса

Приступая к изучению когнитивного пространства специального юридического дискурса, подчеркнем мысль Е.С. Кубряковой о том, что «... по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, то есть имеющее дело с передачей знаний, оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000: 23]. По мнению ученого, «в основе языка как знаковой системы и деятельности лежит система знаний о мире – концептуальная картина мира, которая формируется в сознании человека в результате его познавательной активности, в процессе коммуникации и преобразующей деятельности» [Кубрякова 1994: 34]. Вслед за учёным мы понимаем когницию не только как процесс отражения окружающей действительности в сознании человека, как процесс познания в самом широком смысле слова, но и как «внутренний», «ментальный», «интериоризированный» процесс речемыслительной деятельности [Кубрякова 2004: 9]. Как подчеркивают З.Д. Попова и И.А. Стернин, когнитивная лингвистика «... иссле-

дует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку, имеющихся в распоряжении лингвистики, собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [Попова, Стернин 2007: 12].

Исследуемый нами специальный юридический дискурс рассматривается учеными под углом зрения когнитивной лингвистики. Как считает Л.В. Колесникова, «юридический дискурс может трактоваться как результат когнитивной деятельности человека в сфере права, как вербальный итог классификации мира, требующий упорядоченности правовой информации и её адекватной интерпретации, связанной со способностью участников дискурса к осмыслению правовых положений, их анализу и синтезу» [Колесникова 2007: 6].

В нашей работе мы оперируем юридическими коллокациями – особыми юридическими реалиями, которые отражают сферу юридической коммуникации, правовые знания и правовую культуру индивида, а также то, как происходят рост знаний и его прогресс. В связи с этим необходимо обратиться к различным трактовкам юридического дискурса.

Выстраивание содержательной архитектоники юридического дискурса соотносится учеными со следующими факторами развития юридического языка: «...соотнесение общего и частного, известного и нового, объективного и субъективного, эксплицитного и имплицитного, ...» [Чернышев 2016: 23], что ведет к «<...> бесконечному вариативному смыслообразованию в пределах неофициального толкования (профессионального, доктринального и обыденного) <...>» [Голев 2015: 141]». При этом, как отмечает французский исследователь-правовед J.-Cl. G mar: «Le droit  tant un ph nom ne social, le produit d'une culture, il acquiert dans chaque soci t  un caract re unique. Chaque soci t  organise son droit ou son syst me juridique selon la conception qu'elle en a et selon la structure qu'elle veut se donner» [G mar 1979: 38]. – «Право – это социальное явление, продукт культуры, специфичный и уникальный для каждого общества. Каждая этнокультура выстраивает свою концептуальную и структурно-единичную правовую или юридическую систему» (Перевод наш. – А.К.).

Эти положения можно признать основополагающими при изучении любого типа юридического дискурса, особенно если рассматривать его с позиций стереотипности и креативности, обуславливающих действительное вариативное смыслообразование.

Прежде чем перейти к анализу когнитивного пространства специального дискурса, рассмотрим его различные типы, на которые обращают внимание отечественные и зарубежные исследователи.

Как показал анализ источников литературы, функционирование жанрового разнообразия в рамках юридического дискурса обусловлено различными критериями, выдвигаемыми учеными: 1) институциональной соотнесенностью», представляющей собой «структурно-содержательную принадлежность к <...> институту права, и наличие определенных ритуализованных форм поведения, стандартов оформления текстов, жанров (их в юридическом дискурсе много), определенной специфики взаимодействия субъектов; 2) созданием, исполнением, соблюдением, использованием и применением права; 3) толкованием права [Шлепнев 2013].

В результате изучения работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных содержанию и структуре юридического дискурса, мы составили следующую таблицу (Таблица 1).

Таблица 1 – Функционально-смысловые типы юридического дискурса в российской и зарубежной терминологической традиции

Российская терминологическая традиция	Зарубежная терминологическая традиция
Н.Д. Голев: 1) язык как объект правового регулирования; 2) язык как средство законодательной деятельности; 3) язык как средство правоприменительной деятельности; 4) язык как средство юридической науки [Голев 2004]	Cl. Vocquet: textes normatifs – нормативные тексты; textes juridictionnels ou syllogistiques – судебные или силлогистические тексты; textes de doctrine (descriptifs) – доктринальные (описательного характера) тексты [Vocquet 2008] (Перевод наш. – А.К.).

О.В. Косоногова: юридические документы (тексты законов, определения судов, письменные показания свидетелей, завещания и т.д.) и публичная речь (обвинительные, оправдательные речи судей, вступительные и заключительные речи адвокатов, научные доклады по вопросам юриспруденции и пр.) [Косоногова 2015].	G.Cornu: discours législatif – законодательный дискурс; discours juridictionnel – судебный дискурс; discours coutumier – дискурс обычного права [Cornu 1990] (Перевод наш. – А.К.).
О.А. Крапивкина: юридический дискурс институционального типа; юридический дискурс с точки зрения категории субъекта [Крапивкина 2010].	J.-Cl. Gémar: textes des lois – тексты законов; textes des jugements – судебные тексты; textes des contrats – тексты договоров; textes de doctrine – доктринальные тексты [Gémar 2005] (Перевод наш. – А.К.).

Продолжение Таблицы 1

Российская терминологическая традиция	Зарубежная терминологическая традиция
К.М. Левитан: коммуникативные ситуации в сфере юридического образования; коммуникативные ситуации в научно-правовой деятельности; коммуникативные ситуации в правоохранительной деятельности; коммуникативные ситуации в правоприменительной деятельности; коммуникативные ситуации в творческой деятельности; коммуникативные ситуации в организационно-управленческой деятельности; коммуникативные ситуации в экспертно-консультационной деятельности [Левитан 2008].	К. Peshkov: discours normatif – нормативный дискурс; discours juridictionnel – судебный дискурс; discours des traités – договорной дискурс; discours doctrinal – доктринальный дискурс [Peshkov 2012] (Перевод наш. – А.К.).
И.В. Палашевская: статусные характеристики участников дискурса (н-р: следователь: допрос, запрос, постановление, поручение, повестка, ходатайство и т.п.); характер диалогических связей между участниками юридического дискурса (н-р: вопрос – ответ, требование – возражение, требование – удовлетворение, предложение – принятие, приказ – исполнение и т.п.); зафиксированные в сценарных последовательностях события (н-р: купля-продажа, аренда, поручительство, разбой и др.) [Палашевская 2010].	M. Politis, M. Canellopoulou-Botti: des textes contenant des règles de droit – тексты, содержащие правовые нормы; des textes pris en application des règles de droit – тексты правоприменительного характера; des textes de doctrine – доктринальные тексты; des textes de vulgarisation des notions juridiques – тексты популяризирующие юридическую информацию [Politis 2000 : URL] (Перевод наш – А.К.).

Е.В. Попова: законодательный, следственно-дознательный, полицейский, нотариальный, дискурс адвокатуры и пр. [Попова 2016].	P. Tiersma: Operative legal documents (pleadings, petitions, orders, etc.); expository documents (juridical opinions, clients letters); persuasive documents (briefs to a court and memoranda of authorities) [Tiersma 1999]. – Оперативные юридические документы (судебные прения, петиции, предписания, и т.д.); разъяснительные документы (судебные заключения, письма клиентов); аргументативные документы (записки по судебным делам, докладные записки). (Перевод наш – А.К.).
А.М. Силанова: «застывший» подстиль функционального стиля, «наполненный устойчивыми языковыми оборотами и клише ...» и юридический медиадискурс, «специфическая зона пересечения дискурса права и дискурса медиа» [Силанова 2017: 20].	H. Vass: two legal discourse types: Supreme Court opinions and journal articles [Vass 2004]. – два типа юридического дискурса: решения Верховного Суда и публицистические статьи. (Перевод наш – А.К.).
А.Н. Шепелев: 1) язык закона; 2) профессиональная речь юристов; 3) язык процессуальных актов; 4) язык договоров [Шепелев 2002].	J. Wroblewski: discours jurisprudentiel – судебный дискурс; discours juridique scientifique – научный юридический дискурс; discours juridique commun – общий юридический дискурс [Wroblewski 1988] (Перевод наш – А.К.).

Очевидно, что выделяемые исследователями функционально-смысловые типы в рамках профессионального дискурса обуславливают «живое функционирование» юридического дискурса, не исключающего наличие субъективного, творческого начала.

С нашей точки зрения, наиболее релевантным для анализа юридических терминологических коллокаций, функционирующих в специальном дискурсе, является типология франкоязычных исследователей, использующих термины «доктринальный текст» [Vocquet 2008; Gémar 2005] и «доктринальный дискурс» [Peshkov 2012]. Это объясняется тем, что исследуемые нами научные и научно-популярные тексты по своей тематике относятся к проблемам юрислингвистики и юридического перевода, то есть, пользуясь терминологией К. Пешков (K.Peshkov), можно условно определить корпус исследуемых нами текстов как доктринальный дискурс. Но в связи с тем, что в российской терминологической традиции данный термин не принят, мы обратились к термину «специальный дискурс», который включает, кроме прочих, и доктринальный дискурс.

Мы рассматриваем специальный дискурс как когнитивный феномен, описывающий процесс репрезентации специальных юридических знаний и представлений в виде терминологических коллокаций. Мы придаем особое значение когнитивной природе термина, что неоднократно подчеркивается современными исследователями. Так, В.Ф. Новодранова отмечает, что «когнитивные аспекты исследования, характерные для современной лингвистики, особенно интересны для терминологии, где за каждым термином стоит четкая, точная структура знания» [Новодранова 1998: 13]. В качестве важнейшей идеи терминоведения, которая сформировалась под влиянием когнитивной лингвистики, Е.И. Голованова рассматривает выяснение причины и механизмов динамических процессов в сфере терминологической номинации с учетом меняющихся когнитивно-коммуникативных потребностей людей: «Когнитивный подход позволяет терминоведам выйти за пределы строго структурированной системы понятий, выявить объективно существующие взаимосвязи между обыденным и абстрактно-логическим знанием, между наивной и научной картинами мира» [Голованова 2011: 42].

Данные положения представляют для нас несомненный интерес в связи с тем, что в качестве единицы анализа мы рассматриваем юридическую терминологическую коллокацию, обладающую когнитивным потенциалом в процессе функционирования в специальном дискурсе.

В работе специальный юридический дискурс противопоставлен жестким ядерным типам юридического дискурса (законодательному, судебному, административному и т.п.) с точки зрения активности тезаурусного обогащения речевыми и речезыковыми единицами в результате расширения круга коммуникантов и становится своего рода особым «удвоенным» миром (термин А.Ф. Черданцева) [Черданцев 2000: электронный ресурс], т. е. когнитивной средой. Исследуемый нами специальный юридический дискурс является не жестко заданной средой, в которой возможно взаимодействие индивидуальных представлений, образов, «когнитивных схем» о том или ином правовом феномене, возникающих на уровне сознания индивида – автора, переводчика, реципиента.

Данное предположение может быть обосновано постулатами, изложенными в работах отечественного правоведа А.Ф. Черданцева. Как отмечает ученый, особенность юридической науки заключается в том, что она изучает право, которое не только служит средством регулирования общественных отношений, но и само выступает формой отражения действительности. В ходе правоприменения возникают идеальные объекты, создаваемые участниками правоприменения. <...> Идеальные объекты, посредством которых осуществляется правовое регулирование, с помощью языка обретают материальную форму, становятся доступными для восприятия, получают определенную независимость от участников правового регулирования, в том числе от субъектов, их создавших, обретают свое собственное существование» [Черданцев 2000: электронный ресурс].

Размышляя над природой юридической терминологии, её взаимосвязи с юридическим языком, В.Ю. Туранин приходит к выводу об индивидуализации юридических терминов: «Способом передачи субъективных мыслей о праве является юридический язык, реализуемый в большинстве случаев с помощью специального текста, в котором нормативно закрепляется на какое-то время то, что является *однократно* или *перманентно* важным и значимым для индивидуума, общества, государства [Туранин 2017]. При этом, ученые, анализирующие юридические текст/дискурс, подчеркивают необходимость обращения к смежным областям для достижения объективности изучения языка права. Как подчеркивает М.В. Боровкова, «обращение исследователей к лингвостилистическому аспекту обусловлено тем, что естественный язык, необходимый юристу при изложении своей точки зрения в аудитории, не укладывается в узкие рамки терминологии права и юридических норм» [Боровкова 2010: 7].

Совокупность юридических и лингвистических текстов и дискурсов изучается в другом смежном русле, юрислингвистике, основные положения которой сформулированы в работах Н.Д. Голева [Голев 1999, 2000, 2004, 2015]. Ученый подчеркивает, что современное состояние юрислингвистики характеризуется двумя противоположными процессами: с одной стороны, имеет место юридизация естественного человеческого языка, с другой стороны, происходит деюридизация специального

юридического языка [Голев 2000]. Эти процессы находят отражение и при образовании юридических коллокаций.

Таким образом, специалисты в области правоведения, правотолкования и юридической лингвистики признают когнитивную природу порождения юридического дискурса, акцентируя внимание на уникальных единицах, получающих право на существование в пространстве дискурса. Мы прослеживаем функционирование таких единиц через стереотипные и креативные компоненты, образующие когнитивное пространство специального юридического дискурса.

Понимание когнитивного пространства специального дискурса с общесемиотических позиций может быть основано на следующем положении Ю.М. Лотмана: «... культуры – коммуникативные системы, а человеческие культуры создаются на основе той всеобъемлющей семиотической системы, которой является естественный язык» [Лотман 2004: 400].

Исследуя когнитивное пространство юридического дискурса в аспекте перевода, необходимо кратко остановиться на концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной [Кушниная 2004, 2007, 2009, 2014].

Ключевым понятием данной концепции является категория *гармонии*, предполагающая, что между смыслами текстов оригинала и перевода устанавливаются соразмерные отношения. Гармоничных переводов может быть бесконечное число, но каждый гармоничный перевод является уникальным и неповторимым. Категория переводческого пространства необходима, чтобы показать, что множественность смыслов, развивающихся и саморазвивающихся в его полях, порождает различные гармоничные смыслы и различные тексты. Гармоничным признается такой текст перевода, который порождает в сознании реципиента те же смыслы, что и текст оригинала [Кушниная 2004, 2009].

В качестве одного из критериев гармоничности автор называет *приращение новых смыслов в тексте перевода*, что обуславливает его естественное вхождение в принимающую лингвокультуру. Согласно концепции переводческого пространства гармоничное переводческое мировоззрение позволяет переводчику-субъекту раскрыть его когнитивные способности, а исследователю процесса перевода –

обозначить пути изучения когнитивных механизмов данного процесса. Переводческая когниция – сложнейший феномен, актуализация которого в процессе коммуникации приводит к активизации интеллектуальных усилий переводчика, творческому решению существующих задач и постановке новых задач. Преодолевая межъязыковые и межкультурные барьеры, переводчик приобретает гармоничное переводческое мировоззрение и создает качественный продукт, обогащая тем самым принимающую культуру [Кушникова 2004, 2009, 2017].

В рамках проводимого исследования мы выявляем уровень гармоничности перевода текста, содержащего стереотипные и креативные компоненты. Высшим уровнем качества перевода является гармоничный перевод. На противоположном полюсе находится дисгармоничный перевод. Промежуточное положение занимают эквивалентность и адекватность.

Мы заключаем, что когнитивное пространство специального юридического дискурса представляет собой разновидность периферийного семиотического пространства, отражающего мир права в пределах лингвокультуры-источника и лингвокультуры-реципиента, субъектами которого являются как специалисты (носители специального знания: юристы, преподаватели права, переводчики-юристы), так и неспециалисты (носители неспециального знания: переводчики-лингвисты, преподаватели перевода, неспециалисты).

Наряду с понятием «когнитивного пространства» необходимо ввести понятие «когнитивная среда», разрабатываемое В.М. Широным и определяемое им как «... знание, если иметь в виду не только индивидуальное знание, а систему знания и коммуникации, созданную неким социумом и так или иначе доступную данному человеку. Можно также сказать, что когнитивная среда – это порядок, способ упорядочения отношений с миром» [Широнин 2013: 8].

В рамках исследуемого нами когнитивного пространства можно вычленить когнитивную среду, аккумулирующую в себе знания и информацию взаимодействующих субъектов в сфере специального юридического дискурса. В ходе анализа иллюстративного материала мы выделили следующие когнитивные среды:

- 1) Когнитивная среда текстов на французском, английском языках ранее не переведенных текстов;
- 2) Когнитивная среда текстов на французском, английском языках переведенных в рамках лингвопереводческого эксперимента;
- 3) Когнитивная среда Reverso-контекстов на французском и английском языках с переводом на русский язык. Reverso-контекст есть фрагмент текста, отобранный из поисковой базы для переводов Reverso-context (URL: <https://context.reverso.net/перевод/>).

Схематическое изображение когнитивного пространства специального юридического дискурса будет представлено в разделе 2.2. (Рисунок 2) на основе составления коллокационных рядов исследуемых коллокационных единиц.

1.3. Взаимодействие стереотипности и креативности в когнитивном пространстве специального юридического дискурса

Обращаясь к проблеме взаимодействия категорий стереотипности и креативности в специальном дискурсе, подчеркнем её общелингвистическую значимость и недостаточную разработанность. Как отмечает Н.И. Пушина, «... факт связи и взаимодействия языковых категорий уже не дискутируется, проблемной по-прежнему остается метаязыковая сторона, поскольку теория взаимодействия в лингвистике еще не разработана. <...> Для всякого объекта существовать – значит взаимодействовать, как то проявлять себя по отношению к другим телам, находиться с ними в объективных отношениях» [Пушина 2001: 5–6].

Переходим к рассмотрению оппозитивных категорий стереотипности и креативности. Современное состояние проблемы соотношения творческого и стереотипного в тексте/дискурсе можно охарактеризовать как разветвленная система мнений и оценок данных феноменов, научная палитра которых простирается от полного противопоставления до неизбежного взаимопритяжения и взаимообусловленности, что отражено в работах по философии, психологии, общей лингвистике, когнитивной лингвистике, лингвистике текста, лингвистике дискурса,

коммуникативной лингвистике, функциональной стилистике и др., и что придает данной проблеме междисциплинарный характер.

Идея изучения стереотипных и креативных компонентов в тексте и дискурсе возникла в результате изучения работ представителей Пермской школы функциональной стилистики и смежных с ней лингвистических направлений. Научный редактор тематического сборника «Стереотипность и творчество в тексте» проф. М.П. Котюрова утверждает, что «глобальным механизмом функционирования языка является гармоническая совокупность двух начал – стереотипного (жесткого, устойчивого, надежного) и творческого. В основе действия этого механизма в процессе текстообразования <...> лежат смысловая инвариантность (устойчивость) и (в большей или меньшей степени) стандартизованность речевой формы [Котюрова 2003: 3].

Охарактеризованный выше механизм текстообразования является для нас своего рода «точкой отсчета» для выявления и анализа когнитивных механизмов, лежащих в основе порождения дискурса как в аспекте монологической, так и двуязычной коммуникации.

С этой целью в рамках данного раздела мы рассмотрим проблему изучения стереотипности и креативности в языковом функционировании в освещении авторов данного тематического сборника научных трудов, публикуемого в течение двадцати лет. Кроме того, мы обратимся к другим публикациям, раскрывающим исследуемую нами проблему.

Начнем с энциклопедических изданий, с общенаучной трактовки данных понятий.

Согласно Новейшему философскому словарю «творчество – высшая форма универсально понимаемой креативности, имманентно присущая всем уровням иерархии бытия <...> Творчество в природе суть ее обновление и изменение, переход от хаоса к порядку <...> Человеческое творчество суть интегральная совокупность фантазии, предвидения и интуиции» [Новейший философский словарь 2003: 1019].

Проблема стереотипности исследуется с позиций межкультурной коммуникации. Как отмечают Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова, «одним из проявлений социальной перцепции одновременно с ее результатом являются стереотипы» [Гришаева, Цурикова 2004: 200]. Ученые исследуют закономерности межкультурной коммуникации, что имеет самое непосредственное отношение к переводческой деятельности в целом и к переводящей личности в частности. Стереотипы являются обобщениями социального опыта, когнитивными образцами определенной лингвокультуры в процессе категоризации мира. Функция стереотипов в процессе межкультурного общения двояка: с одной стороны, знание стереотипов упрощает процесс общения, с другой стороны, социально-культурная обусловленность стереотипов, соотносимых с определенным вербальным кодом, может оказаться препятствием для установления взаимопонимания. Как подчеркивают авторы данной работы, можно анализировать следующие типы стереотипов: прямые, переносные, автостереотипы, гетеростереотипы, нейтральные стереотипы, оценочные стереотипы [Гришаева, Цурикова 2004].

Проблема стереотипов исследуется франкоязычными учеными, различным аспектам анализа которых посвящен сборник трудов «Le Stéréotype. Usages, formes et stratégies. Actes du 21e Colloque d'Albi – Languages et significations», опубликованный в 2001 году. Как отмечает в предисловии к сборнику организатор коллоквиума Пьер Марийо (Pierre Marillaud), стереотипы – словно волны, и невозможно различить, где кончается первая волна и начинается вторая: «Il en est du stéréotype comme des vagues <...> il n'arrivait pas à déterminer où finissait la première vague et où commençait la seconde» [Marillaud 2001: 9].

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет статья Р. Готье, озаглавленная «За и против стереотипов» (R.Gautier, «Pour et contre stéréotypes»), представленная в этом сборнике. Автор высказывает мысль о парадоксальности стереотипов, которые являются одновременно и положительным, и отрицательным фактором. Стереотипы, по мнению автора, являются способом нормального функционирования человеческого ума. Стереотипы присутствуют во

всех без исключения сферах жизни, включая вербальное общение и культурный взаимообмен. Стереотипы являются продуктом жизни общества и даже правилом жизни в обществе. И дети, и взрослые являются своего рода жертвами стереотипов, и если люди отходят от стереотипов, это их пугает. Мы можем не осознавать их существование, но мы не существуем вне стереотипов. Мы вынуждены приспособливаться к стереотипам [Gautier 2001].

Как видим, автор статьи анализирует роль стереотипов в нашей повседневной жизни, в реальной речевой практике носителей языка.

Лингвистический анализ стереотипов предлагает Т.М. Пермякова, трактующая стереотип как разновидность прецедентного текста, который носит «сверхличностный» характер как хорошо известный широкому окружению данной личности и обращение к которому типично в дискурсе этой личности. Автор подчеркивает, что знание прецедентных текстов является показателем принадлежности языковой личности к определенной социальной группе и определенной эпохе, при этом прецедентные тексты являются значимыми для личности в познавательном и эмоциональном отношении [Пермякова 2002].

В работе Е. Малиновской стереотип анализируется на примере стереотипа чиновника. Исследуя проблему функционирования стереотипов в сознании, ученый подчеркивает, что стереотипный образ мира является субъективным, а сами стереотипы тесно связаны с действием и поведением личности. Автор подчеркивает мысль о том, что «стереотипы с трудом преодолеваются, этот процесс очень медленный, потому что навыки и привычки легко закрепляются в нашем сознании» [Малиновская 2002: 362].

Если стереотипность как лингвистическая категория рассматривается в исследованиях ученых как самостоятельный предмет изучения, то креативность изучается преимущественно в ее отношении к стереотипности. В связи с этим считаем целесообразным рассматривать данные категории в комплексе как *оппозицию стереотипное – креативное*.

Ведущую роль в изысканиях творческого и стереотипного в тексте играют труды М.П. Котюровой. Ученый анализирует стереотипность научной речи, рас-

смаывая ее как положительно-конструктивное средство [Котюрова 2003]. Наряду со стереотипом изучаются такие средства, как стандарт, клише, шаблон, штамп. Подчеркнем, что наряду с понятием «творческое» используется близкое наименование «креативное», которые мы рассматриваем в работе как синонимичные.

Языковой стандарт отличается воспроизводимостью, однозначной семантикой, нейтрально-нормативной окраской. Штампом являются слова и выражения, лишенные образности, часто воспроизводимые в тексте. Основное отличие стандарта от шаблона или штампа состоит в том, что стандарт предполагает определенный положительный эффект, а штамп и шаблон связаны с отрицательным эффектом. М.П. Котюрова дает следующее определение стереотипа: «...стереотип – применительно к функциональному стилю – служит критерием комплексной оценки правильности речи, то есть представляет собой ядро стилового узуса, которое соотносится с понятием коммуникативно-стилистической целесообразности речи (высказывания)» [Котюрова 2003: 398]. В целом, по мнению ученого, *языковая стереотипизация* представляет собой «постепенное “заполнение” компонентов моделей смыслов комплексами языковых единиц, наиболее пригодными для этой цели» [Там же, с. 398]. Исходя из идеи коммуникативно-стилистической целесообразности речи применительно к тексту перевода, мы можем предположить, что достижение гармоничного перевода отвечает данному положению, то есть языковая стереотипизация не является негативным фактором, противопоставленным языковому творчеству, как, казалось бы, на первый взгляд. Сложность переводческой деятельности состоит в поиске языковых стереотипов, приемлемых в принимающей культуре, что позволяет их рассмотреть как «пограничные» феномены. Являясь стереотипными в одном языке, они становятся творческими в другом, так как переводчик выбирает не зафиксированные словарно соответствия, а обращается к поиску культурно ориентированных соответствий, что понимается как творческий процесс.

Аналогичную позицию занимает Е.С. Кара-Мурза, которая предлагает рассматривать соотношение стереотипного и креативного не с позиции прямолинейной оценки, поскольку стереотипное не обязательно является неудачным, а твор-

ческое – целесообразным [Кара-Мурза 2015]. Исследуя существование стереотипов в рекламном дискурсе, автор констатирует, что в рекламе, как и во многих других видах дискурса, именно стереотипное обеспечивает возможность коммуникации и адекватного восприятия сообщения, так как стереотипы ориентированы на простейшие схемы и реакции.

Особую позицию в осмыслении стереотипных и творческих компонентов в тексте и дискурсе занимает А.Л. Факторович, поэтому остановимся более подробно на положениях ученого.

А.Л. Факторович анализирует перспективы формирования *творческого начала* в реализации речевых стереотипов в тексте и выдвигает предположение о том, что процесс взаимодействия стереотипов является источником творческой сущности текста. Ученый пишет: «Подчеркнем принципиальную допустимость их тяготения: стереотипы и творчество могут определяться не только в самодостаточности, но и во взаимопритяжении: тесном, отчасти скрытом и оттого еще более значимом...» [Факторович 2015: 46]. Исследуя творческое художественное пространство, ученый отмечает, что при взаимодействии стереотипов появляется не новый стандарт, не сочетание клише, а творческая сущность, творческое художественное пространство. При анализе данного феномена ученый выявляет два типа стереотипов: элементарные (предложенческие) и комплексные (текстовые); при этом в тексте наблюдается динамика стереотипов, их разнообразие, их различная соотнесенность друг с другом, их различные семантические отношения, что в результате характеризует индивидуальное творческое начало.

Подобный вывод имеет существенное значение для анализа соотношения креативного и стереотипного при переводе. Каждая стереотипная коллокация может являться как обобщённым, так и индивидуальным видением правовой картины, воссоздаваемой при переводе, в поле переводчика возникают индивидуально-образные смыслы, что приводит к порождению качественно новых текстов, вариативность которых будет возрастать по мере их переводов на другие языки и культуры.

Ученый неоднократно обращается к проблеме соотношения творческого и стереотипного, развивая идею о том, что взаимодействие стереотипов становится источником творческой сущности текста, и обе категории объединяются не столько с позиций самодостаточности, сколько с позиций «самопритяжения» (термин А.Л. Факторовича) [Факторович 2015]. Исследуя закономерности медийного текста, которые могут быть экстраполированы на другие типы текстов, ученый констатирует: «Сама стереотипность не требует специального обоснования; она соотносится с достаточно стандартными способами развертывания медийного текста. Но стереотипы связаны так, что порождают творческую сущность. Ей служит специфический комплекс, включающий показатели ряда системных семантических отношений, прежде всего, гипо-гиперонимических [Факторович 2015: 51].

В рамках нашего исследования важно подчеркнуть идею А.Л. Факторовича о том, что стереотипы вместе превращаются в текстовое единство, предполагающее столкновение стереотипов и нестандартной, индивидуальной, самобытной реакции на этот процесс. Это означает, что творческая сущность раскрывается многомерно, как своего рода преодоление стереотипа: «Творческое начало в тексте тем естественнее и важнее, чем крепче, прилипчивее одолеваемый стереотип» [Там же, с. 52].

Ученый приходит к выводу о том, что стереотипность и творчество отличаются специфичной взаимной необходимостью: «Само разнообразие стереотипов оригинально. Поэтому оно может служить творческой сущности текста. Эта возможность и осуществляется в текстовом пространстве; его гармония обладает целым рядом характеристик и импликаций, в том числе – уравнивает дисгармонию воссозданных обстоятельств» [Факторович 2015: 59].

Таким образом, А.Л. Факторович отвечает на вопрос о том, как связаны в тексте стереотипные и креативные компоненты и доказывает их взаимообусловленность, взаимную необходимость. В нашей работе мы рассмотрим решение данного вопроса в рамках комбинаторной лингвистической парадигмы на материале специального переводного дискурса и попытаемся показать, что креативы и сте-

реотипы не только взаимонеобходимы, но между ними существуют закономерные комбинаторные отношения.

Обращаясь к проблеме креативного и стереотипного в структуре специального юридического дискурса, рассмотрим критерии стереотипности и новизны, сформулированные М.Н. Кожиной относительно целого текста в научной сфере коммуникации. К их числу ученый относит следующие: «...с одной стороны, использование готовых средств языковой системы и известный автоматизм при их употреблении, с другой – осознанный целенаправленный выбор средств из языковой системы, а также творческое формирование новых терминированных понятий и конструирование текста» [Кожина 1996: 52].

Мы считаем, что данное высказывание М.Н. Кожиной в полной мере можно отнести к анализу внутри- и межъязыковых стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций. Данные аспекты получают свое развитие в исследовательской части нашей работы.

Изучение творческого и стереотипного потребовало проведения междисциплинарных исследований. В психологии «стереотипы – это формы, в которых действия и мысли людей сводятся к простейшим схемам и реакциям. Подобно штампам, оставляющим отпечатки на множестве копий, стереотипы закрепляют в людях элементарные связи поведенческих и мыслительных актов, сохраняют устойчивость этих связей в меняющихся ситуациях» [Современный философский словарь 1998: 621].

Проблема соотношения творческого и стереотипного в переводе обсуждается в исследованиях Н.К. Рябцевой [Рябцева 2008, 2013]. Ученый отмечает, что комбинаторность этих двух начал в данном типе деятельности не только уникальна, но парадоксальна: «Оказывается, что одним из наиболее творческих моментов в переводе выступает поиск наиболее стереотипного выражения» [Рябцева 2008: 12]. На творческий характер процесса перевода, по мнению ученого, влияют такие факторы, как позитивные, эпистемические, эвристические знания, озарение, интуиция, изобретательность, спонтанность, невербализуемость. Исследуя творческие аспекты перевода, Н.К. Рябцева акцентирует внимание на идиоматичности выражения заданного

смысла, что обусловлено асимметрией между языком перевода и языком оригинала, и что проявляется «... в неизбежной асимметрии между текстом перевода и текстом оригинала и заключается в том, что один и тот же смысл можно выразить в любом языке, в том числе и в тексте перевода, различными, синонимичными в широком смысле средствами» [Там же, с. 17]. Ученый приходит к выводу о том, что творческое переводческое мышление означает стремление выразить заданный в оригинале смысл идиоматично, стандартно, стереотипно, то есть понятно.

С позиций концепции переводческого пространства можно сказать, что грань между творческим и стереотипным достаточно трудно уловить: достижение понятного, стереотипного варианта перевода в принимающей культуре мы трактуем как гармоничность. Иными словами, между творчеством и стереотипностью в переводе стоит гармоничность, таким образом, исчезает парадоксальность, о которой пишет Н.К. Рябцева, а выстраивается закономерность соотношения данных понятий.

Мы проанализировали работы современных исследователей и вычленили, с одной стороны, компоненты, которые авторы относят к стереотипным, с другой стороны, – к творческим, креативным компонентам текстопорождения. Подчеркнем, что выявленные нами параметры отражены в теоретических исследованиях, которые мы берем за основу. Как мы увидим ниже, эмпирический анализ материала показал, что этот список может быть существенно расширен, что станет дополнительным аргументом при анализе компонентов креативного и стереотипного в структуре специального юридического дискурса.

В работе представлена классификация типов сочетаемости исследуемых языковых единиц – коллокаций, состоящих из базы (главного компонента) и коллоката (присоединяемого слова). В основу классификации положены термины, предложенные А.Л. Факторовичем: речезыковые креативы и речевые креативы [Факторович 2014]. Изучение стереотипов позволило нам использовать термины: языковые стереотипы и речезыковые стереотипы.

Т а б л и ц а 2 – Классификация типов сочетаемости стереотипности и креативности

Речевые креативы	Речезыковые креативы	Речезыковые стереотипы	Языковые стереотипы

Авторское изменение лексической, морфосинтаксической, функционально-семантической связи коллоката и базы	Сохранение функционально-семантической связи коллоката и базы при изменении лексического состава	Сохранение функционально-семантической связи коллоката и базы и лексического состава	Шаблон, клише, штамп
Порождение новых смыслов не выводимых значений из коллоката	Воссоздание исходных значений и смыслов	Использование повторяющихся компонентов коллокаций	Использование стандартных компонентов коллокаций
Языковая догадка, инсайт, озарение, высокая экспрессивность коллоката	Низкая экспрессивность коллоката	Ослабление коннотативного значения коллоката	Отсутствие коннотативного значения коллоката
Метафоризация, реметафоризация	Частичная реметафоризация	Частичная деметафоризация	Деметафоризация
Индивидуальная концептуализация, категоризация	Обобщенная концептуализация, категоризация	Нейтральная концептуализация, категоризация	Стандартная концептуализация, категоризация
Эвристичность новизна, оригинальность	Незначительная новизна, оригинальность	Отсутствие эвристичности	Отсутствие оригинальности и новизны

Завершая данный раздел, приведем высказывание А.Л. Факторовича: «Речевая языковая стереотип и речевой креатив – нерасторжимое единство, они связаны линиями взаимной необходимости. Эти линии оберегают дискурс как от излишних общих мест, так и от тотального речевого хаоса. Отмеченная связь проявляется в выдвигании разнообразных доминант...» [Факторович 2014: 52].

Развивая идеи ученого, мы намерены выявить соответствующие доминанты, что позволит нам охарактеризовать, с одной стороны, внутриязыковую комбинаторность, с другой стороны, межъязыковую комбинаторность стереотипов и креативов в речевой цепи и в целом, порождении текста/дискурса.

Решение данной проблемы представляется возможным при условии вычленения единицы анализа языковых стереотипов, речевых стереотипов, речевых креативов и речевых креативов. В качестве такой единицы мы избрали коллокацию, изучаемой в области комбинаторной лингвистики.

1.4. Основные понятия комбинаторной лингвистики

Исследуя специальный юридический дискурс с позиций порождения стереотипных и креативных компонентов, мы столкнулись с идеей их сочетаемости, что обусловило наше обращение к принципам и подходам современной комбинаторной

лингвистики. Данное направление исследований, зародившееся в эпоху структурной лингвистики и восходящее к трудам Ф. де Соссюра, начало свое активное развитие в середине прошлого века, когда лингвистов заинтересовала проблема синтагматических отношений языковых единиц и их комбинаторный потенциал.

Самостоятельный статус это направление лингвистики приобрело относительно недавно, с появлением работ М.В. Влавацкой, которая всесторонне исследовала теоретические проблемы комбинаторной лингвистики [Влавацкая 2011, 2013, 2016] и др.

В связи с тем, что изучение стереотипного и креативного компонентов мы проводим на материале коллокаций, необходимо остановиться как на содержании данного понятия, так и на соотносимых с ним других понятиях и положениях комбинаторной лингвистики, на которые мы будем опираться в работе.

Явление сочетаемости языковых единиц разнообразно и включает в себя множество терминов и их дефиниций.

Как отмечает М.В. Влавацкая, самым общим понятием является синтагматика, изучающая горизонтальные отношения языковых единиц в системе языка, акцентирующая внимание на линейных отношениях языковых знаков, на правилах сочетаемости одноуровневых, позиционно упорядоченных единиц.

«В отличие от синтагматики комбинаторика занимается составлением и изучением комбинаций слов, подчиненных определенным коммуникативным задачам при данных условиях их реализации, и которые можно образовать из заданного количества слов» [Влавацкая 2016: 37]. Иными словами, синтагматика охватывает широкий круг задач, а комбинаторика включает в себя более конкретные задачи, обусловленные главным образом экстралингвистической ситуацией и целью высказывания. Следовательно, комбинаторика входит в область синтагматики лишь частично.

Следующее ключевое понятие комбинаторной лингвистики – позиция, а также значимость позиции. Речь идет, во-первых, о месте, которое занимает данная единица, во-вторых, о тех языковых свойствах, которые присущи единице в данной позиции.

Понятие «валентность» употребляется в следующих значениях: 1) необходимые синтаксические связи, нужные для раскрытия значения слова и правильного его употребления в речи; 2) разграничение уровней языка и речи. Автор оперирует

термином «валентность», подразумевая потенциальную сочетаемость слова, фигурирующую на языковом уровне системы [Влавацкая 2011, 2016].

Переходим к толкованию следующих ключевых терминов комбинаторной лингвистики, которые имеют непосредственное отношение к проводимому исследованию: *дистрибуция, коллокация, контекст*.

В широком смысле *дистрибуция* означает сумму всех окружений, в которых встречается данный элемент языка. Как известно, дистрибутивный метод и дистрибутивный анализ были широко использованы зарубежной лингвистикой. Отечественные лингвисты использовали данный термин в более узком смысле.

На основании проведенного дефиниционного анализа М.В. Влавацкая обозначила следующие современные трактовки термина дистрибуция: «Во-первых, это совокупность всех линейных окружений данной языковой единицы, и, во-вторых, – совокупность всех сочетаний исследуемой языковой единицы» [Влавацкая 2016: 78].

Рассмотрим понятие «контекст». По мнению ученого, «контексты – это комбинаторно обусловленные фрагменты речи, содержащие единицу анализа, в которых реализуется (полностью или частично) коммуникативная задача (смысл). Множество или несколько таких контекстов образуют дистрибуцию анализируемой единицы (слова) и представляют сумму окружений, в которых она встречается [Влавацкая 2016: 87].

Исследуя терминологическое поле комбинаторной лингвистики, обратим особое внимание на термин «*коллокация*», который мы намерены использовать как единицу анализа стереотипности и креативности в специальном юридическом дискурсе на ИЯ и ПЯ.

М.В. Влавацкая предлагает следующую дефиницию данного понятия: «... это характерные, часто встречающиеся сочетания слов; их совместное появление основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а чисто семантическими факторами» [Влавацкая 2016: 79]. Коллокация трактуется как связь классов слов или их категорий, как устойчивое словосочетание, которое нельзя путать с фразеологизмом: «Коллокации обычно образуются в процессе изменения значений слов в результате переосмысления отдельных компонентов сочетания. Основной признак коллокаций – сохранение лексического значе-

ния одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом и отсутствие или ослабление значения образности и эмоционально оценочной нагрузки» [Влавацкая 2016: 80]. Именно динамика значения коллокаций может стать, по нашему мнению, основой творческого начала в процессе порождения переводного дискурса.

В этой же работе ученый ссылается на работы современных отечественных лингвистов, которые изучают сочетаемостные аномалии, и что также может рассматриваться как разновидность коллокаций.

М.В. Влавацкая приходит к выводу о том, что коллокации в широком смысле – это комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Коллокации пронизывают все естественные языки, а их использование является фундаментальным, так как они обеспечивают понимание речи в процессе коммуникации.

В своих работах автор неоднократно подчеркивает, что понятие коллокации претерпело существенные изменения, то есть подверглось семантическому сдвигу с целью реализации своей основной функции – сделать речь, текст не только линейными, но главным образом понятными.

В рамках проводимого нами исследования мы используем понятие коллокации в широком смысле, принимая *коллокацию как единицу анализа категорий стереотипности и креативности в тексте/дискурсе*.

Кроме того, мы расширительно используем и сам термин «комбинаторика», подразумевая текстуальную сочетаемость, комбинаторность стереотипных и креативных коллокаций в одном и том же тексте, создаваемом автором, переводчиком. Мы считаем, что этот процесс настолько же естественен, как и процесс порождения оригинального или переводного текста/дискурса, за которым стоит сложный механизм человеческого языкового поведения.

Завершая рассмотрение основных терминов комбинаторной лингвистики, которыми мы будем оперировать в настоящей работе, остановимся на разграничении понятий «комбинаторика», «синтагматика», «сочетаемость», «сочетательная

ценность». Лексикографическое представление метаязыка комбинаторной лингвистики, составленное М.В. Влавацкой, содержит следующие трактовки:

1) Комбинаторика (лингвистическая) – составление и изучение комбинаций слов, подчиненных определенным коммуникативным задачам при данных условиях их реализации и которые можно образовать из заданного количества слов [Мельчук 2012]; «одноуровневые отношения языковых знаков, основанные на линейном характере языка и реализующиеся в последовательности элементов в потоке речи» [Влавацкая 2011: 427]; «механизм, управляющий комбинированием знаков при формировании высказывания» [Там же, с. 427]; «синтагматический компонент лексического значения слова – семантически корректное и нормативно обусловленное сочетание данного слова с другим словом (его распространителем)» [Там же, с. 428].

2) *Сочетаемость* – «способность слова объединяться в речи с определенными словами для выполнения того или иного смыслового задания или реализации его валентности», <...> совокупность синтагматических потенций, принадлежность которых слову характеризует его как определенное свойство <...>, набор и условия реализации распространителей слова...» [Влавацкая 2011: 432–433].

4) *Сочетательная ценность* М.В. Влавацкой соотносится с понятием «синтагматический потенциал», который трактуется как «совокупность лексических единиц, каждая из которых способна соединяться с данным словом для обозначения некоторой ситуации или для выполнения определенного смыслового задания, а также совокупность правил такого соединения» [Там же, с. 429].

Уточним, что в центре нашего исследования – комбинаторный потенциал стереотипных и креативных терминологических юридических коллокаций, когнитивным механизмом которого является сбаласированная сочетательная ценность. Это означает, что сочетательная ценность стереотипности и креативности коллокаций в дискурсе оригинала соразмерна их сочетательной ценности в переводном дискурсе.

Как отмечалось, существенный вклад в становление отечественной комбинаторной лингвистики внесли работы М.В. Влавацкой: «... синтагматика является

общим понятием, охватывающим широкий спектр задач и включающим в себя другие понятия <...>, содержащие сему «сочетаемость». Под комбинаторикой единиц языка подразумевают более конкретные задачи, обусловленность экстралингвистической ситуацией с целью высказывания (смысла) <...> Так происходит построение высказывания и выход в речевую синтагматику» [Влавацкая 2016: 38]. Данные положения являются для нас основополагающими при выявлении единиц анализа стереотипности и креативности в дискурсе – коллокаций.

Как поясняет М.В. Влавацкая, сферой действия комбинаторики является речевой уровень синтагматики, в рамках которого происходит образование различных комбинаций слов, подчиненных определенным коммуникативным задачам. Исследователь опирается на принцип дифференциации сочетаемости по характеру связи между компонентами коллокационной единицы и вычленяет на этом основании три типа сочетаемости между коллокатом и базой [Влавацкая 2013].

К первому типу относятся такие словосочетания, компоненты которых расположены на минимальном расстоянии друг от друга, что получило название контактной сочетаемости. Ко второму типу относятся такие соотносимые по смыслу слова, которые расположены на некотором расстоянии друг от друга, что определяется автором как дискретная сочетаемость. К третьему типу автор относит словосочетания, которые не полностью вербализованы, возникают в сознании и характеризуют дистантную сочетаемость [Влавацкая 2013]. Ученый иллюстрирует это следующим примером: «... описание фрагмента теленовостей, в котором демонстрируют успешный результат операции по поимке опасного преступника. На экране появляется руководитель оперативной группы и говорит: “Операция прошла успешно”. Данный контекст, как представляется, без визуального восприятия ситуации понять невозможно, так как не ясно, о какой операции идёт речь. Ведь эту фразу, кроме руководителя оперативной группы, мог произнести и врач, и генерал армии» [Влавацкая 2013:10].

Данная классификация была частично положена нами в основу изучения процесса внутриязыкового взаимодействия стереотипных и креативных компонентов, образующих юридические коллокации в специальном дискурсе. С каждым

вышеизложенным типом сочетаемости, мы соотнесли определенный тип юридической коллокации, описанные во второй главе исследования.

В работе необходимо выяснить уровень комбинаторности стереотипности и креативности ЮТК. С этой целью мы выстроили следующую иерархию уровней комбинаторности: восходящий вектор, позитивный вектор, нисходящий вектор, негативный вектор. Анализ уровней комбинаторности посвящена вторая глава исследования.

Таким образом, мы рассмотрели основные понятия комбинаторной лингвистики, которые могут быть использованы при анализе специального юридического дискурса. Выявление соотношения стереотипных и креативных компонентов в специальном дискурсе может базироваться на понятии *комбинаторность*, трактуемом нами в расширительном аспекте, а именно как *комбинаторика стереотипных и креативных языковых и речевых единиц, функционирующих в когнитивном пространстве специального юридического дискурса*. Мы акцентируем внимание на комбинаторно-синтагматических свойствах комбинаций единиц языка, обусловленных выбором стереотипных или креативных единиц, которые способствуют реализации когнитивной деятельности переводчика в процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации. Размышляя о природе этих единиц, мы остановили свой выбор на понятии «*коллокация*», подразумевающим комбинацию языковых единиц, имеющую тенденцию к совместной встречаемости. В связи с этим мы предполагаем, что в исследуемом нами специальном дискурсе в качестве коллокаций могут образовываться как стереотипно обусловленные, так и креативно обусловленные единицы, а их комбинаторика является лингвокогнитивным механизмом, который регулирует переводной дискурс.

В следующем разделе работы мы акцентируем внимание на содержании понятия «юридическая терминологическая коллокация».

1.5. Юридическая терминологическая коллокация как единица анализа стереотипности и креативности в специальном дискурсе

Наш анализ мы проводим в рамках нескольких научных направлений современной лингвистики: теории текста, теории дискурса, когнитивной лингвистики, комбинаторной лингвистики, функциональной стилистики, теории коллокации и др. Междисциплинарный подход к исследованию компонентов стереотипности и креативности в языке и речи позволил нам выбрать такую единицу анализа, которая находится на пересечении нескольких направлений, но целенаправленно изучается в рамках комбинаторной лингвистики, основные понятия которой были представлены выше.

Коллокации – чрезвычайно широкое понятие, раскрывающее когнитивный механизм языка, о чем свидетельствуют результаты исследований франкоязычного учёного К. Peshkov (К. Пешков). В своей работе *«Le discours juridique en français et en russe: une approche typologique»*, опубликованной на французском языке, автор рассматривает функционирование юридических коллокаций в специальном дискурсе, а именно в области исполнительного, судебного, доктринального и договорного права в паре французский-русский языки. [Peshkov 2012].

К. Пешков разрабатывает классификацию юридических коллокаций и характеризует их следующим образом: «Nous proposons ici de nommer collocations spécialisées les collocations qui fonctionnent dans le discours spécialisé et ont des traits caractéristiques par rapport aux collocations de la langue générale, mais ne sont pas forcément terminologiques (ou bien contenant un terme). Collocation spécialisée du discours juridique est une occurrence lexicale privilégiée par l'usage d'éléments linguistiques entretenant une relation syntaxique de subordination ou de coordination dans le discours spécialisé» – «Мы предлагаем понимать под специальными коллокациями единицы, которые функционируют в специальном дискурсе и содержат характеристики, сближающие их с коллокациями естественного языка, но при этом они – не абсолютное единство терминов (скорее сочетание, содержащее термин). Специальная коллокация в юридическом дискурсе представляет собой неслучайную лексическую встречаемость, обусловленную использованием лингвис-

тических элементов, соединяемых синтаксической связью подчиняемости или согласования в специальном дискурсе» (Перевод наш. – А.К.) [Peshkov 2012: 535].

Представим данную классификацию:

I. Collocations non terminologiques. «Le trait distinctif des collocations non terminologiques est l'absence d'un terme dans leur composition <...> En même temps, les collocations non terminologiques ne peuvent être considérées comme une catégorie de la langue générale...» Нетерминологические коллокации: «Главная отличительная черта нетерминологических коллокаций – это отсутствие термина в её составе <...> В то же время нетерминологические коллокации не могут быть рассмотрены как категории естественного языка» (Перевод наш. – А.К.). К. Пешков приводит следующие примеры такого типа коллокаций: применить меры, вносить изменения и дополнения; entrer en vigueur, application de l'alinéa, avec les adaptations nécessaires, rendre applicable [Peshkov 2012: 465–466] и др.

II. Collocations terminologiques – «Du point de vue morphosyntaxique les collocations terminologiques comprennent deux parties : une base et un collocatif. La base est représentée par un terme juridique, ce dernier peut être simple ou complexe. Le collocatif n'est pas un terme». Терминологические коллокации. – «С морфосинтаксической точки зрения терминологические коллокации состоят из двух частей: базы и коллоката. База представлена юридическим термином, который может быть однословным или многословным. Коллокат не является термином» (Перевод наш. – А.К.). Примеры коллокаций такого типа: не оговорено законом, произвести арест, подписать международное соглашение; refus du brevet, pour cause légitime, appliquer une convention collective, prendre par voie d'ordonnance [Ibid, P. 466] и др.

III. Collocations de termes – «Les collocations de termes se composent de deux ou plusieurs termes juridiques qui peuvent à leur tour être simples ou composés. L'emploi d'un grand nombre de cooccurrences constituées par quelques termes dans un même contexte juridique, représente alors une caractéristique de la collocation. A la différence des collocations terminologiques, dans les collocations de termes les deux parties sont équivalentes, de telle sorte qu'il est difficile, voire impossible de définir une base et un collocatif». – Коллокации-термины. «Состоят из двух или нескольких

юридических терминов, которые, в свою очередь, могут быть однословными или многословными. Множественная встречаемость терминов, входящих в один и тот же правовой контекст, представляет собой характеристику таких коллокаций. В отличие от терминологических коллокаций две части коллокаций-терминов равносильны друг другу настолько, что практически невозможно различить, где база и где коллокат» (Перевод наш. – А.К.) [Ibid, P. 467–468].

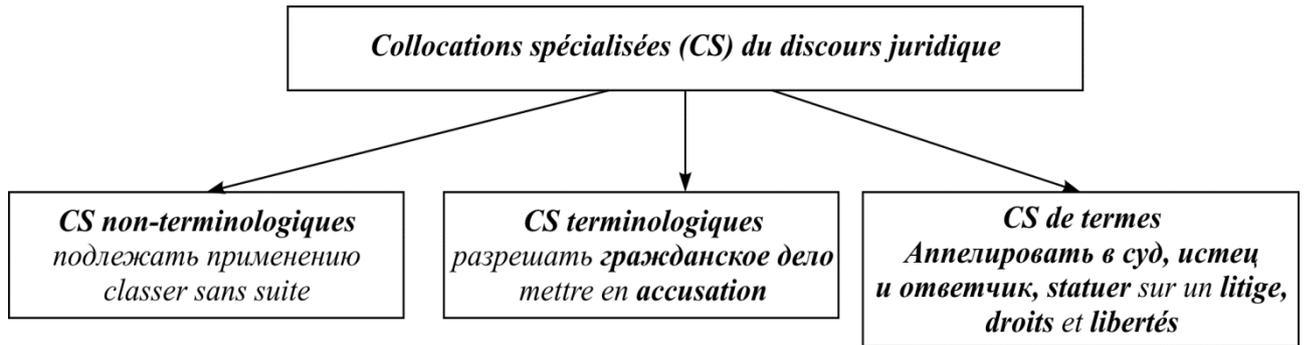

Рисунок 1 – Классификация специальных коллокаций
в юридическом дискурсе по концепции К. Peshkov (2012)

Как видим, данная схема отражает специализированные коллокации юридического дискурса, распределенные на три группы: нетерминологические коллокации, терминологические коллокации и коллокации терминов. При этом каждая группа сопровождается иллюстративными русскоязычными примерами из сферы права. В рамках нашей работы представляют интерес юридические терминологические коллокации.

Подчеркнем, что в работах М.В. Влавацкой также анализируются терминологические коллокации, представляющие собой «терминологические словосочетания, которые относятся к определенной области знаний и выражают одно понятие...» [Влавацкая 2015: 59]. Анализируя типы сочетаемости слов по характеру связи между компонентами, ученый заключает, что «...в семантике слова сочетаемость слова определяется синтагматическим макрокомпонентом значения, содержащим в себе различные микрокомпоненты, которые строго «контролируют» сочетаемость слов языка» [Влавацкая 2013: 32].

В проводимом нами исследовании *юридическая терминологическая коллокация* понимается как двусоставная (многосоставная) единица, включающая в себя *базу* в виде лексем «juridique» – для франкоязычных коллокаций, «legal» – для англоязычных коллокаций (или морфем «juri» – для франкоязычных и «leg» – для англоязычных коллокаций) и *коллокат*. При этом, коллокатом как в английском, так и во французском языке может быть как термин, отражающий специальное понятие, так и нетермин. Под термином «коллокация» подразумевается лексико-семантическая сочетаемость, которая входит в уровень речевой синтагматики.

На основании изучения работ М.В. Влавацкой приходим к выводу, что с позиций коллокационной сочетаемости, база, выраженная как существительным, так и прилагательным в виде компонентов *juri*, *juridique* (фр.яз.) *legal*, *leg* (англ.яз.), является доминирующим компонентом, имеющим тенденцию к стереотипности. Коллокат может быть выражен существительным с предлогом, наречием, глаголом, прилагательным и выполняет коннотативную функцию, имеющей тенденцию к креативности.

В связи с тем, что предметом нашего исследования являются юридические терминологические коллокации, необходимо остановиться на современных подходах к трактовке *термина*.

Специалисты-терминологи вычленяют следующие свойства термина: однозначность, точность, эмоциональность и экспрессивность, номинативность, системность (Алексеева, 1998; Табанакова, 1999; Лейчик, 1986, 1987, 2009; Лыкова, 2005) и др.

Как подчеркивает А.В. Суперанская, «термин – это специальное слово или словосочетание», принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин – это основной понятийный элемент языка для специальных целей» [Суперанская 1989: 14].

В исследованиях М.Н. Володиной подчеркивается двуединая сущность термина, который аккумулирует общезыковую и специальную информацию. Ученый

называет термины «носителями коллективной профессиональной научной памяти», «активными участниками специального общения», которые способствуют «развитию научно-познавательной и преобразующей деятельности человека [Володина 1996: 55].

Креативная природа термина подчеркивается в работах Л.М. Алексеевой: «Индивидуально создаваемое в ходе творческого акта слово <...> результат процесса познания» [Алексеева 1998: 5]. Вариативность термина, демонстрирующая динамику отношений, обусловлена, по мнению ученого, «вероятностной природой термина как следствием вероятностного характера самого знания, являющегося объектом отражения» [Алексеева 1998: 38].

В.Д. Табанакова, И.С. Трифонова обращают внимание на двойственную природу термина-знака, «его принадлежность одновременно двум системам: логической системе языка и терминологической системе, за которой стоит система специальных понятий» [Табанакова 1999: 34]. В работе «Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу» В.Д. Табанакова подчеркивает, что «термин-знак вмещает в себе и реализует два начала – образное и логическое» [Табанакова 2013: 198]. Особый интерес в рамках нашей работы вызывает введенное исследователем понятие «авторский термин», которое «... расширяется до авторского концепта, до авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе» [Табанакова 2013: 6].

С позиций современного когнитивного подхода трактовка термина дается В.М. Лейчиком: «...динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [Лейчик 2009: 21].

Необходимо также разграничить термины и нетермины, подчеркнув при этом динамичный характер терминологической лексики. Как писал А.А. Реформатский, «...между терминами и нетерминами происходит постоянный обмен: слова общего языка, утрачивая некоторые свои свойства, становятся терминами, не переста-

вая быть фактами общего языка <...> и, наоборот, термины входят в общий язык...» [Реформатский 1996: 62].

Таким образом, термин выступает динамической единицей, способной к модификациям в зависимости от типа дискурса и сферы функционирования. В нашей работе будет рассмотрена не только специфика функционирования термина в специальном дискурсе, но и специфика его функционирования в рамках коллокационной единицы, для которой термин выступает «сердцевиной», «ядром», вокруг которого формируются значения коллоката и формируется общее значение юридической терминологической коллокации. При этом значения коллоката варьируются в зависимости от их принадлежности к языковым и/или речезыковым стереотипам; к речевым и/или речезыковым креативам.

Принимая во внимание свойство сочетательной ценности, подчеркнем, что в рамках проводимого нами исследования мы акцентируем внимание, как на межъязыковых, так и на внутриязыковых сопоставлениях, а именно на том, как в одном и том же переводном тексте сочетаются стереотипные юридические коллокации, креативные юридические коллокации и как проявляется их комбинаторика, определяющая характер переводного дискурса. Решению этой проблемы посвящена следующая глава нашей работы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Теоретические и методологические основы изучения комбинаторной сочетаемости компонентов стереотипности и креативности в структуре юридических терминологических коллокаций в рамках специального дикурса состоят в обосновании понятийного аппарата и подходов, применяемых в исследовании.

Во-первых, в работе использовано понятие эпистемической ситуации, которое в силу своего универсального характера может служить основанием изучения других лингвистических явлений, включая дискурс. В работе рассмотрены онтологическая, методологическая, аксиологическая составляющие дискурса, что в совокупности позволило представить его эпистемическую природу, приобретающую особую значимость в юрислингвистическом аспекте, в частности, для анализа примеров юридических терминологических коллокаций.

С онтологических позиций дискурс понимается, вслед за В.Е. Чернявской, как «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2014: 112]. Данная трактовка является значимой в рамках исследуемого нами материала, обращенного к текстам юридической тематики, в которых изучаем юридические терминологические коллокации. Именно коллокации составляют предметное содержание знания, представленное в текстах.

С методологических позиций дискурсивный анализ – это «анализ макросемантический и одновременно глубинно-семантический» [Чернявская 2014: 142]. Это означает, что дискурсивная семантика охватывает интертекстуальный и интердискурсивный аспекты функционирования употребляемых в дискурсе единиц разных уровней. Более того, исследование дискурса предполагает изучение экстралингвистического фона – социальных, исторических, идеологических, культурных, а также межличностных факторов.

С аксиологических позиций при изучении любого типа дискурса важна ценностная ориентация всех субъектов дискурсообразующей деятельности. Как отмечает М.П. Котюрова, «оценочные средства рассредоточены по всей ткани научного произведения» [Котюрова 2007: 90]. Мы опираемся на концепцию переводческого пространства Л.В. Кушниной, которая ввела в научный оборот новую аксиологическую доминанту перевода – категорию гармонии как высший критерий качества перевода, означающий, что смыслы текстов оригинала и перевода соразмерны друг другу в широком лингвокультурологическом аспекте [Кушникова 2004, 2009, 2016, 2017].

Во-вторых, исследование проводилось в свете современных достижений когнитивной лингвистики. Как показало изучение литературы, в процессе формирования *когнитивного пространства* специального юридического дискурса взаимодействуют следующие типы когнитивных пространств: 1) Когнитивная среда текстов на французском, английском языках ранее не переведенных текстов; 2) Когнитивная среда текстов на французском, английском языках переведенных в рамках лингвопереводческого эксперимента; 3) Когнитивная среда Reverso-контекстов на французском и английском языках с переводом на русский язык.

В-третьих, мы исходим из идеи о неразрывной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности стереотипного и творческого (креативного) компонентов при порождении текста/дискурса, на что обращают внимание специалисты в области лингвистики текста, лингвистики дискурса, функциональной стилистики, переводоведения и др.

Важно подчеркнуть, что стереотипность выступает положительно-конструктивным свойством текста, которая, наряду с креативностью, участвует в процессах текстопорождения и дискурсопорождения. По мнению А.Л. Факторовича, «текстовое пространство далеко не исчерпывается стереотипом – творческая сущность раскрывается как его преодоление. Причем раскрывается многомерно. Творческое начало в тексте тем естественнее и важнее, чем крепче, прилипчивее преодолеваемый им стереотип» [Факторович 2015: 58].

В-четвертых, рассмотрены основные понятия комбинаторной лингвистики в трактовке М.В. Влавацкой, которые были использованы при анализе специального юридического дискурса: синтагматика, комбинаторика, дистрибуция, валентность, контекст, коллокация, сочетательная ценность. Выявление соотношения стереотипных и креативных компонентов в специальном дискурсе может базироваться на понятии комбинаторности, трактуемом нами в расширительном аспекте, а именно как комбинаторика стереотипных и креативных языковых единиц в специальной сфере коммуникации, представленной текстами по юридической/правовой тематике. Данные отношения рассматриваются на основе анализа юридических терминологических коллокаций.

Изучение проблемы юридических терминологических коллокаций потребовало обращения к пониманию термина современными лингвистами-терминологами. В работе мы опираемся на трактовку Л.М. Алексеевой, которая акцентирует внимание на креативной природе термина, понимая его как «результат процесса познания», «индивидуально создаваемое в ходе творческого акта слово» [Алексеева 1998: 5].

Изучение переводного дискурса базируется в работе на концепции переводческого пространства Л.В. Кушниной, согласно которой качественный – гармоничный перевод текста или дискурса является результатом естественного вхождения данного текста в принимающую языковую и культурную среду. В условиях специального дискурса речь идет также о правовой среде, в которой функционируют юридические терминологические коллокации в динамике взаимодействия стереотипности и креативности.

В работе охарактеризовано понятие «*сочетательная ценность*» как неотъемлимое свойство любой коллокации, которое может быть прослежено на примере сочетательной ценности стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций в специальном дискурсе, что будет представлено во второй главе исследования.

ГЛАВА 2. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ И КРЕАТИВНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В первой главе нашего исследования были рассмотрены ключевые понятия исследования – стереотипность и креативность как когнитивные категории специального юридического дискурса, а также были проанализированы основные категории комбинаторной лингвистики, что положено в основу эмпирического анализа терминологических коллокаций во франкоязычном и англоязычном юридическом дискурсе и что позволяет проследить взаимодействие их креативных и стереотипных компонентов в языке оригинала и переводе (русский язык).

Исследовательская задача второй главы состоит в выявлении комбинаторно обусловленного согласования как когнитивного механизма, обуславливающего сочетательную ценность и комбинаторность стереотипности и креативности юридических коллокаций в специальном дискурсе в паре французский – русский языки с привлечением примеров в паре английский – русский языки. Решение данной задачи осуществляется по двум направлениям: с одной стороны, мы анализируем внутриязыковую комбинаторность стереотипности и креативности на материале англоязычных и франкоязычных коллокаций, с другой стороны, мы изучаем межъязыковую и межкультурную комбинаторность стереотипности и креативности, сопоставляя иноязычные/инокультурные коллокации с русскоязычными, свойственными русской правовой и языковой культуре.

В рамках исследовательской главы мы обратились к квантитативно-квалитативному анализу внутри- и межъязыковой комбинаторности стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций. Эффективность количественных методов анализа для изучения когнитивных явлений и процессов подчеркивает А.А. Кибрик, изучающий структуры естественного дискурса с позиций когнитивного квантитативного подхода [Кибрик 2003].

Как подчеркивает современный болгарский исследователь К. Попов: «...статистические данные полезны только тогда, когда они раскрывают действи-

тельные закономерности, когда они не самоцель и не украшение, а вспомогательное средство, чтобы убедительно доказать то или иное утверждение» [Попов 2007: 331].

Обращение в работе к нескольким корпусам текстов: текстов ранее не переведенных на русский язык статей франко- и англоговорящих ученых по юридической/юрислингвистической тематике и Reverso-контекстов в анализируемых языках необходимо нам для понимания специфики изучаемого типа дискурса, так как «...помогает выявить как нетривиальные семантические и дискурсивные особенности слов, не имеющих в других языках стандартных эквивалентов, так и специфику их кросс-лингвистических функциональных соответствий» [Добровольский 2015: 413].

Приступая к эмпирическому анализу материала, представленного юридическими терминологическими коллокациями, подчеркнем его принадлежность к специальному дискурсу. Как подчеркивают в своей работе «Омонимичность естественно-научного термина в дискурсе и словаре» В.Д. Табанакова и И.С. Трифонова, «дискурсивная теория термина зарождается в лингвистике в начале XXI века. Мы можем сказать, что она только начинает развиваться. <...> Далеко не каждый специальный текст или словарь можно считать дискурсом. <...> При подходе к научному дискурсу как речевой деятельности общения на специальных языках, языках разных наук, разных специальностей очень важно отметить, что научный дискурс будет отличаться от научного «дискурса-текста» неизбежным наличием в речевой коммуникативной ситуации обратной связи. Так, например, текст научной статьи, как и текст словарной статьи традиционного печатного словаря, вряд ли можно назвать дискурсом, поскольку он не рассчитан на мгновенный отклик адресата. В то время как публичное выступление, доклад на научной конференции или лекция, прочитанная и обсужденная в аудитории, а также электронный специальный словарь открытого типа предоставляют нам возможность наблюдать дискурсивные особенности семантики и прагматики современного научного термина» [Табанакова, Трифонова 2018: 7–8].

Данные положения послужили для нас основанием отнести анализируемые в работе фрагменты контекстуальной базы Reverso-context, содержащие ЮТК, к специальному дискурсу.

2.1. Квантитативно-квалитативный анализ стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций в специальном дискурсе

Анализ комбинаторности стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций в специальном дискурсе представлен, во-первых, в квантитативном аспекте, во вторых, в квалитативном аспекте.

Квантитативный аспект.

Первым этапом квантитативного анализа является сплошная выборка юридических терминологических коллокаций:

1. Из ранее не переведенных текстов научных статей по юридической и юрислингвистической тематике на французском языке, опубликованных исследовательским Центром перевода и юридической терминологии (Centre de traduction et de terminologie juridique) юридического факультета университета Монктона, Канада (Faculté de droit – Université de Moncton, Canada) (около 270 текстов). Отметим, что анализируемые франко- и англоязычные статьи локализованы на различных платформах: Erudit [URL: <https://www.erudit.org/fr/>] (в том числе международный научный журнал для переводчиков META); Persée [URL: <https://www.persee.fr/>]; открытого архива данных при Министерстве Юстиции Канады [URL: <https://www.justice.gc.ca/fra/>] и нек. др. Хронологические рамки корпуса исследуемых текстов – период с 2011 – по 2017 гг.;

2. Из ранее не переведенных научно-популярных текстов на французском языке, представленных в блоге, посвященном юридическому переводу, юрислингвистике и языку права (blog consacré à la traduction juridique, à la jurilinguistique et au langage du droit) *Juritracteur* [URL: <http://juritracteur.blogspot.com/>] (около 80 текстов) в период с 2016 по 2018гг.

Вторым и третьим этапами количественного анализа являются привлечение анализируемых франко-, англоязычных ЮТК к открытым поисковым системам Google/Google Scholar и Reverso-context для фиксации уровня встречаемости (количественного показателя) ЮТК по корпусу текстов и их распределение по соответствующим коллокационным рядам.

В случае отсутствия юридической коллокации в базе переводов Reverso-context и единичного или минимального количества употребления в Google/Google Scholar, мы относим единицу к *Коллокационному ряду №1*, объединяющему индивидуально-авторские (оказиональные) ЮТК. Заметим, что в данном случае, поисковой запрос может содержать до 10-15 ответных результатов, при этом в граф «Количественный показатель ЮТК» мы заносим количественную отметку, не учитывая источники дублирующие информацию. Например, выше описанная единица «*la saisie du plurijuridisme*» (фр.яз.) относится нами к индивидуально-авторской ЮТК на основании полученных результатов поискового запроса по привлеченным системам: Reverso-context: точных совпадений: 0; Google Scholar: 4, но 3 – неуникальные источники. Таким образом, фиксируемый количественный показатель данной коллокации по корпусу текстов – 1. В графе «Количественный показатель ЮТК» мы фиксируем: 0/4 (1).

Если результаты встречаемости привлеченных систем свидетельствуют о тенденции к повторяемости, что может быть обозначено как относительно средний уровень встречаемости, или результаты отображают высокую и максимально высокую встречаемость коллокационной единицы, то мы относим её ко второму или третьему коллокационным рядам, соответствующие рекуррентным и фиксированным ЮТК. Если мы отмечаем, что коллокация встречается в Reverso-context лишь один раз, при этом известно, что это достаточно употребительная единица, мы проверяем коллокацию по Google/Google Scholar и заносим соответствующую отметку: например, «*désigner la juridiction*» (фр.яз.) – Количественный показатель по Reverso-context/Google: 1/36 000, на основании чего единица может быть охарактеризована как фиксированная ЮТК во франкоязычном специальном дискурсе.

Коллокационный ряд №2 «Рекуррентные юридические терминологические коллокации» содержит единицы с более высоким (чем для первого коллокационного ряда) квантитативным показателем встречаемости по корпусу анализируемых текстов (условно средний уровень встречаемости от +20 до +300).

Коллокационный ряд №3 «Фиксированные юридические терминологические коллокации» содержит единицы высокого и максимально высокого уровня встречаемости по корпусам Reverso-context/Google или Google Scholar, что в большинстве проанализированных случаев подтверждается количеством точных совпадений по результатам поисковых запросов. Это наиболее терминологичные, часто встречаемые коллокации, с фиксированными границами употребления, диктуемые языком права. Например: «*legal procedure*» (англ.яз.) – Квантитативный показатель по Reverso-context/Google: 282/895000; «*procédure juridique*» (фр.яз.) – Квантитативный показатель по Reverso-context/Google: 38/159000. Отметим, что в границах анализируемых коллокаций артикль рассматривался как стоп-слово, не несущее самостоятельной смысловой нагрузки.

По результатам сплошной выборки единиц из анализируемых корпусов и выявления их квантитативных показателей получаем: общее количество проанализированных ЮТК – 450 коллокационных единиц. Из них: 270 – франкоязычные ЮТК (60%), 180 – англоязычные (40%). Из них: к франкоязычным индивидуально-авторским (окказиональным) ЮТК относятся 60 единиц (13%), к рекуррентным – 80 (18%), к фиксированным – 130 (29%); к англоязычным индивидуально-авторским (окказиональным) относятся 30 единиц (7%), к рекуррентным – 60 (13%), к фиксированным – 90 (20%).

Схематически процентное соотношение распределения трех типов ЮТК во франкоязычном и англоязычном специальном дискурсе можно представить следующим образом:

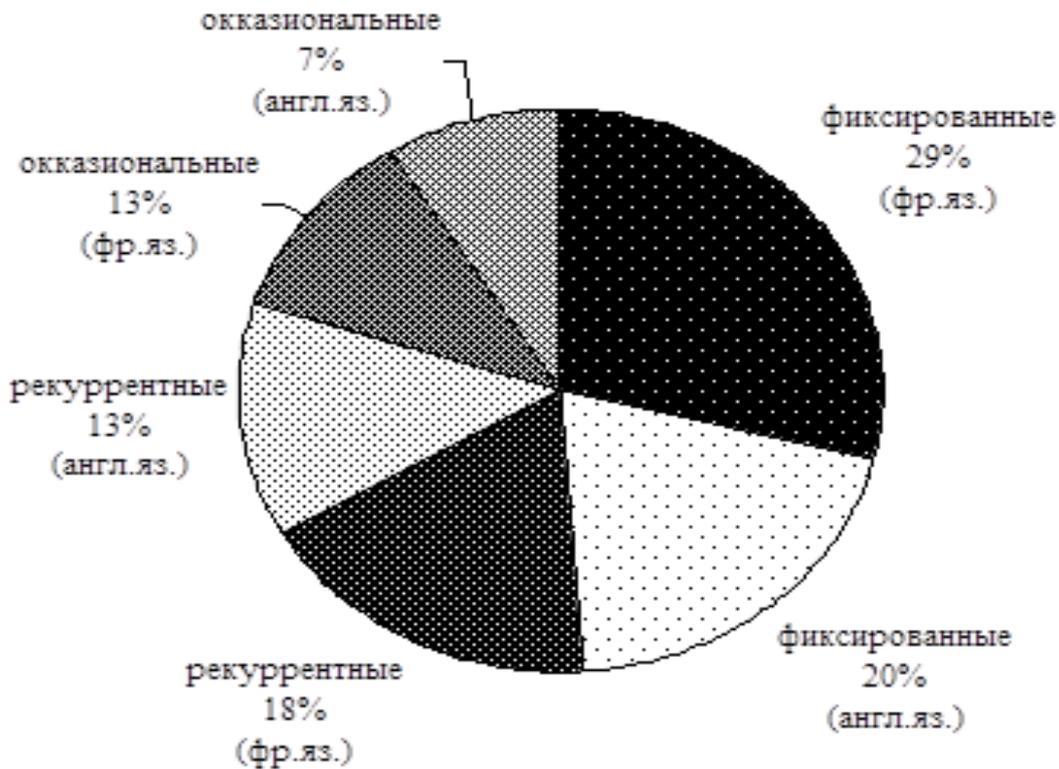

Схема 1 – Распределение оказиональных (индивидуально-авторских), рекуррентных, фиксированных ЮТК в специальном дискурсе

Квалитативный аспект анализа связан с осмыслением характера, качества создаваемого контента юридических терминологических коллокаций.

Во-первых, качественный критерий анализа ЮТК касается распределения отобранных единиц на внутриязыковом уровне по четырём типам сочетательной ценности: речевой креатив, речезыковой стереотип; речезыковой креатив, языковой стереотип (Таблица 2; раздел.1.3.), что обусловлено доминированием стереотипных или креативных компонентов ЮТК.

Во-вторых, данное положение раскрывается непосредственно при проведении лингвопереводческого эксперимента и интерпретации полученных переводов фрагментов, содержащих ЮТК. А именно:

1. Выявление соразмерного или несоразмерного характера сочетательной ценности стереотипности и креативности ЮТК на межъязыковом уровне;
2. Определение уровня гармоничности перевода ЮТК в соотносимых контекстах: дисгармонии (переводческой ошибки), адекватности, эквивалентно-

сти, гармонии (градация критериев гармоничности производится в соответствии с концепцией переводческого пространства Л.В. Кушниной) [Кушниная 2004];

3. Выявление комбинаторного потенциала стереотипности и креативности ЮТК в специальном переводном дискурсе: а) восходящий вектор комбинаторности стереотипности и креативности; б) позитивный вектор комбинаторности; в) нисходящий вектор; г) негативный вектор комбинаторности стереотипности и креативности ЮТК.

В работе комбинаторность стереотипных и креативных ЮТК выявляется на уровне целого текста и на уровне семантического окружения коллокационных единиц в дискурсах оригинала и перевода.

Проиллюстрируем количественно-качественный анализ комбинаторности стереотипных и креативных ЮТК. Приведем фрагмент ранее не переведенного текста на французском языке «Le bijuridisme au Canada et dans le monde: quelques considérations», авторами которого являются М.–К. Жерве (Marie-Claude Gervais, conseillère juridique, Bureau de la Francophonie, Secteur du droit civil et de la gestion ministérielle, ministère de la Justice du Canada), М.–Ф. Сеген (Marie-France Séguin, conseillère spéciale – droit civil, Bureau du sous-ministre délégué, Secteur du droit civil et de la gestion ministérielle, ministère de la Justice du Canada). Статья опубликована в 2018г. на сайте Министерства Юстиции Канады [URL: <https://www.justice.gc.ca/fra/pr-rp/sjc-csj/harmonization/hlf-hfl/f2-b2/bf2.pdf>].

Объем текста составляет 48 051 печ. знаков (20 страниц). Ниже приведен текст *Введения* статьи (одна страница = 2598 знаков). Количество коллокаций (без повторов) в целом тексте составляет 45 словоупотреблений, в анализируемом фрагменте – 8.

В Приложении 2 представлен данный текст.

Une société produit des discours et elle les met en scène. Elle apprend ainsi à se connaître et à évoluer. Elle se sémiotise. Le droit y joue un rôle et ce rôle se définit par sa relation à des modes de raisonnement et de régulation, par son identification à des valeurs qui en assure la cohérence.

La saisie du juridique à travers les modes de législation intéresse certes plus d'une discipline. *La saisie du plurijuridisme* au sein d'une même collectivité pose quant à elle des défis plus grands, encore tant *les différentes traditions juridiques* qui coexistent ont leur identité propre. Mais la représentation linéaire que nous serions tentés de donner au mode de *développement des traditions*

juridiques peut être dans ce contexte commode, mais inexacte. Trop de rencontres conceptuelles et fortuites ont façonné l'histoire de ces traditions pour que l'on ignore ce qui les apparente et ce qui les lie. Cela intéressera bien davantage les sociologues et les historiens du droit. Nous ne sommes ni les uns ni les autres. Nous ne nous intéressons pas tant aux actants du droit non plus qu'aux *représentations socio-juridiques* mais aux relations signifiantes entre les discours différents du droit, voire entre *les traditions juridiques*. Ce sont les zones de superposition, les zones d'appropriation, les zones de complémentarité qui nous conduisent à *penser le bijuridisme* en son lieu propre pour qui la mondialisation nous oblige, aujourd'hui, à consacrer des espaces multidimensionnels et des ères communes, des champs de cohabitation ou d'assimilation.

Le bijuridisme désigne, dit-on, la coexistence, au sein d'un même État, de deux *traditions juridiques*. La common law et le droit civil y coexistent, dans les deux langues officielles, on dit du Canada qu'il est un *pays bijuridique*.

Bien que de nombreux pays sont eux aussi régis par une combinaison de plusieurs systèmes de droit, la combinaison droit civil/common law est beaucoup plus rare; on la trouve dans à peine une quinzaine d'États. Selon les pays, *le bijuridisme prend différents visages*.

Dans une présentation intitulée Le bijuridisme au Canada, l'honorable Michel Bastarache, juge à la Cour suprême du Canada, soulignait en effet qu'« il y a relativement peu de pays où coexistent deux *régimes juridiques* fondamentalement différents. Le Canada est l'un de ces pays. Le «bijuridisme» ou «bijuralism» au Canada désigne la coexistence des traditions de la common law anglaise et du droit civil français, dans un pays possédant un système fédéral».

Le texte qui suit souhaite dégager un lieu de signification destiné à une meilleure compréhension de la nature des liens qui unissent deux des grandes *traditions juridiques contemporaines*.

En cela, le but de notre communication est d'exposer les différentes formes que revêt la coexistence des deux *traditions juridiques* au Canada et sans exhaustivité, ailleurs dans le monde, en faisant référence notamment à l'entreprise d'harmonisation mise en œuvre par le ministère de la Justice du Canada, soucieux de développer et de partager cette expertise en devenir (Gervais, Séguin 2018).

Как видно из представленного выше фрагмента текста, он содержит следующую цепочку коллокационных единиц (без повторов): *La saisie du juridique – La saisie du plurijuridisme – les différentes traditions juridiques – développement des traditions juridiques – représentations socio-juridiques – penser le bijuridisme – un pays bijuridique – le bijuridisme prend différents visages – régimes juridiques – traditions juridiques contemporaines* (10 коллокаций). В ходе дальнейшего анализа они распределяются по трем типам коллокационных рядов в зависимости от внутриязыковой и межъязыковой комбинаторности стереотипных и креативных компонентов коллокационных единиц.

В качестве примера рассмотрим коллокационную единицу «*La saisie du plurijuridisme*» (фр.яз.).

Согласно разработанной нами процедуре анализа ЮТК, начнем с выявления количественного показателя встречаемости по результатам поиска в контексту-

альной базе переводов Reverso-context и открытых поисковых системах Google/Google Scholar.

Данная коллокация имеет следующий количественный показатель по Reverso-context/Google Scholar: 0/4 (1), означающий, что из четырех результатов встречаемости три являются повторными, и один – уникальный, на основании чего данная коллокация признается нами **индивидуально-авторской**. Что касается соотношения стереотипности и креативности на внутриязыковом уровне, мы относим эту коллокацию к *речевым креативам* (см. Таблица 2; раздел 1.3.). В соответствии с Glossaire Juridique, Boursier et Financier лексема «*saisie*» (fem.) имеет следующее толкование: «*La saisie est une mesure par laquelle un créancier fait appréhender un bien appartenant à son débiteur*» и переводится как «наложение ареста на имущество; выемка, изъятие, захват» [Мачковский 1995: 381]. Авторы переосмысливают понятие «*saisie*», которое становится первым компонентом коллокационной единицы «*la saisie du plurijuridisme*», при этом второй компонент также является результатом авторского переосмысления. Мы заключаем, что на внутриязыковом уровне полученная коллокация является *речевым креативом*.

Переходим к выявлению межъязыкового уровня функционирования данной коллокации. С этой целью проводим лингвопереводческий эксперимент. В эксперименте участвуют три переводчика-лингвиста и один переводчик-юрист. Результаты представлены ниже:

1. Толкование множества различных правовых систем в рамках одной общности вызывает серьезные проблемы, так как каждая из сосуществующих юридических традиций обладает своей идентичностью.	Речезыковой стереотип
2. В связи с тем, что различные сосуществующие юридические традиции сохраняют собственную идентичность, еще более серьезные вызовы возникают в рамках объединений, порождая тем самым разные юридические толкования.	Языковой стереотип
3. Понимание правового плюрализма внутри сообщества представляет ещё большую трудность, тем более что сосуществующие правовые традиции обладают собственной идентичностью.	Речевой креатив
4. Понимание юридического или правового плюрализма	Речевой креатив

– это такое положение вещей внутри одного социального поля, при котором каждая из сосуществующих юридических традиций имеет свою идентичность, что приводит к определенным сложностям.	

При анализе результатов лингвопереводческого эксперимента мы основывались на концепции переводческого пространства, разработанной Л.В. Кушниной [Кушникова 2004], согласно которой гармоничным является такой вариант перевода, при котором соотношение стереотипности и креативности соразмерно, согласовано с их соотношением в оригинале, то есть формируется восходящий вектор комбинаторности и сбаластированная сочетательная ценность стереотипности и креативности. В данном случае гармоничным является перевод, выполненный переводчиком-юристом.

Рассмотрим другую коллокационную единицу, отобранную из той же статьи: «*un pays bijuridique*» (Gervais, Séguin, 2018). Данная коллокация имеет следующий количественный показатель по Reverso-context/Google: 0/278, что означает средний уровень встречаемости ЮТК по корпусу текстов или тенденцию к **рекуррентности** (повторяемости). Анализируя сочетательную ценность стереотипности и креативности на внутриязыковом уровне, мы относим эту коллокацию к речезыковым креативам (см. Таблица 2; раздел 1.3.).

Проанализируем коллокацию «*legal literacy*», отобранную из текста ранее не переведенной статьи на английском языке «Mediation and Legal Literacy» (Tomlinson, 2009). Её количественный показатель по Reverso-context/Google Scholar – 319 / 7 310, на основании чего мы констатируем высокий уровень встречаемости и относим данную коллокацию к **фиксированной**. Как мы ранее отмечали, и что соответствует результатам исследований К. Пешков, в коллокациях данного типа трудно разграничить базу и коллокат, возможно лишь разграничение термина и нетермина. В данном случае – речь идет о термине «*literacy*», который в соответствии с Кембриджским словарем английских слов толкуется следующим образом: 1. «The ability to read and to write»; 2. «Knowledge of a particular subject, or a particular type of knowledge» [Cambridge Dictionary: electronic resource]. – 1. «Способность читать и писать»; 2. «Знание специального предмета, или знание опреде-

ленного типа» (Перевод наш. – А.К.). В целом, ЮТК «*legal literacy*», имеющая соответствие на рус. яз. «правовая грамотность» [Macmilan Collocation Dictionary 2010], характеризуется высокой частотностью в корпусе анализируемых текстов, в связи с чем данная единица характеризуется как языковой стереотип.

Переходим к анализу коллокаций, представляющих выявленные нами типы коллокационных рядов. Для анализа мы выбирали юридические терминологические коллокации, которые требуют специального толкования для русскоязычного реципиента, так как, во-первых, они вызывают переводческие трудности, во-вторых, они не имеют готовых эквивалентов в русском языке, в-третьих, они характеризуются несовпадением правовых систем, в результате чего комбинаторные возможности коллокаций на одном языке не могут однозначно проецироваться на другой язык.

Рассмотрим индивидуально-авторскую коллокацию «*texte parajuridique*» и приведем контексты ее употребления в оригинале и переводе.

*«Gémar nous met en garde contre une extension trop grande du concept: pour le profane peu averti, la notion de texte juridique recouvre généralement celle du **texte parajuridique** ou à coloration juridique qu'est par exemple l'article d'un quotidien consacré à la chronique judiciaire»* (Lavault-Olléon 2007: 87).

Переводчик-лингвист: *Жемар предостерегает от излишнего расширения данного понятия: для неспециалиста понятие «юридический текст» часто включает и **параюридический текст**, или текст на юридическую тему, например судебную хронику в газете (перевод №1).*

Переводчик-лингвист: *Жемар предупреждает нас о слишком большом распространении данного понятия: для неспециалиста понятие юридического текста обычно полностью соотносится с **параюридическим текстом** или с **текстом**, юридической тематики, каковым является, например, газетная публикация, посвященной судебной хронике (перевод №2).*

Профессиональный переводчик: *Жемар предупреждает нас об опасности широко рассматривать данный концепт: для обывателя понятие юридического текста обычно соотносится **метаюридическим текстом** или с **текстом**,*

содержащим юридические коннотации, например, речь идет о газетной публикации, посвященной судебной хронике (перевод №3).

Преподаватель перевода: *Жемар предупреждает нас об опасности широко рассматривать данный концепт: для обывателя понятие юридического текста обычно соотносится **метаюридическим текстом** или с текстом, содержащим юридические коннотации, например, речь идет о газетной публикации, посвященной судебной хронике (перевод №4).*

С точки зрения внутриязыковой сочетательной ценности данная колокация может быть отнесена к речезыковому креативу (см. Таблица 2; раздел 1.3.).

Сопоставим четыре варианта перевода коллокации. Переводчики-лингвисты предложили буквальный перевод: «*параюридический текст*» (переводы № 1 и 2). Обратим внимание, что в контексте мы находим другую дистантно расположенную коллокацию, которая служит объяснением первой: «*coloration juridique*», которая в буквальном переводе звучит как «юридический оттенок» (или «юридический колорит»). Несмотря на то, что данный вариант перевода также не представляется достаточно ясным, при этом он проясняет значение первой коллокации. Как видим, для понимания коллокации необходимо выводное знание. Мы исходим из того, что компонент «*para*» в русскоязычной версии переводится как «мета» [Пластинина 2018]. Отсюда лингвистические термины – метатекст, метаперевод, метадискурс и пр. Данная коллокация может быть переведена как «метаюридический текст», что мы наблюдаем в вариантах, предложенных профессиональным переводчиком и преподавателем перевода. Речь идет о тексте на юридическую тему, который относится к разряду периферийных юридических текстов, не обладающих жесткой структурой, не относящихся к законодательным правовым документам, но может касаться научных или научно-популярных статей по юридической тематике. Исходная юридическая терминологическая коллокация относится к речезыковому креативу, т.к. содержит и стереотипный, и креативный компоненты, но с доминированием креативного. Так порождается окказиональное словосочетание, которое является продуктом авторского понимания. Задача переводчика состоит в создании такой коллокационной единицы, которая также станет речезы-

зыкавым креативом, но состав ассоциатов будет иным, что мы констатируем в переводах № 3 и 4. В данных вариантах перевода реализуется сбалансированная, соразмерная сочетательная ценность стереотипности и креативности.

Рассмотрим рекуррентную колокацию «*le niveau de juridicité*». Приведем фрагмент текста оригинала, содержащий коллокационную единицу: «Seront ici présentés les critères et la méthode à appliquer afin d'établir, de façon neutre tant axiologiquement que théoriquement, le niveau de juridicité d'une règle» (Barraud, 2013).

В результате введения данной коллокации в поисковую строку Reverso-context, было установлено, что «*le niveau de juridicité*» отсутствует в заданной лексико-грамматической форме в контекстуальной базе переводов. Обращение к платформе Google Scholar предоставило нам 29 результатов встречаемости по корпусу текстов, вследствие чего мы заносим в граф «Квантитативный показатель ЮТК» число 29, что свидетельствует о невысоком уровне встречаемости, но с тенденцией к повторяемости этой коллокации. Согласно выявленной нами типологии данная коллокация относится к речезыковым креативам.

Представим переводы этого фрагмента.

Переводчик-лингвист: *Далее мы представим критерии и методы, позволяющие определить – с теоретической и ценностной точек зрения – уровень правовой интензивности какой-либо нормы* (перевод №1).

Переводчик-лингвист: *Ниже определены общетеоретические методы и критерии для определения и оценки уместности правовых норм* (перевод №2).

Переводчик-лингвист: *Предоставляются критерии и методы для установления ценности степени легитимности того или иного юридического правила* (перевод №3).

Переводчик-юрист: *Нам представлены далее критерии и методы для непредвзятой оценки уровня легитимности той или иной правовой нормы* (перевод №4).

Анализируя результаты переводов данной рекуррентной коллокации, констатируем, что в вариантах № 3 и № 4 переводчик-лингвист и переводчик-юрист

воссоздают речезыковой креатив, поэтому данный перевод мы признаем гармоничным, и имеет место восходящий вектор комбинаторности стереотипности и креативности. Как видим, стереотипность не является отрицательным фактором порождения текста/дискурса, а может выступать и конструктивным фактором, особенно, если речь идет о ее взаимодействии с креативностью. В данном случае также наблюдаем *комбинаторно обусловленное согласование* стереотипных и креативных компонентов ЮТК.

Поясним, что термин «согласование» трактуется в работе, вслед за Н.В. Данилевской, которая дает следующую дефиницию понятия «стилистическое согласование»: «грамматическая и семантико-стилистическая непротиворечивость языковых единиц в рамках одного контекста <...>. Стилистическое согласование и стилистический контраст, являясь отличными друг от друга закономерностями, не противоречат друг другу, а, напротив, находятся во взаимной зависимости, часто предполагая друг друга...» [Данилевская 2003: 496]. Как видим, стилистическая сочетаемость неразрывно связана со стилистическим контрастом. В нашей работе согласование подразумевает взаимообусловленность и взаимосвязь стереотипного и креативного. Мы полагаем, что *комбинаторно обусловленное согласование* означает, прежде всего, *наличие стилистического согласования, относящегося к функциональным закономерностям языка, его деятельностной стороне, а также взаимную зависимость функционирования в дискурсе стереотипных и креативных компонентов коллокаций.*

Что касается вариантов № 1 и № 2, переводчики-лингвисты пытаются понять данную коллокацию и создают речевые креативы, которые не воспринимаются адекватно культурой реципиента, в частности, правовой культурой. Данные варианты перевода мы признаем дисгармоничными, т.к. комбинаторность стереотипности и креативности, заложенная в текст автором текста (предположительно, юристом), не передана при переводе, она утеряна. Следовательно, разрушение или потеря взаимодействия стереотипности/креативности при переводе означает негативный вектор комбинаторности.

Рассмотрим фиксированную коллокацию «**produire des effets juridiques**».

В результате введения данной коллокации в поисковую строку Reverso-context, было установлено, что терминологическое сочетание «*produire des effets juridiques*» имеет 64 точных совпадений по контекстуальной базе переводов в паре французский–русский языки. Граф «Квантитативный показатель ЮТК» по Reverso-context/Google Scholar содержит следующую отметку: 64/832. Согласно выявленной нами типологии сочетательной ценности данная коллокация относится к языковому стереотипу.

Переводчику-юристу было предложено проанализировать 20 Reverso-контекстов, содержащих коллокацию «*produire des effets juridiques*». Каждому варианту была дана оценка с точки зрения корректного перевода коллокации в том виде, как она функционирует в русскоязычном правовом дискурсе. Таким образом, мы получили своеобразный переводческий метатекст, который является для нас критерием качественного, в нашем случае, гармоничного перевода.

Переводчик-юрист приходит к выводу, что гармоничным является следующий вариант перевода: «*создавать определенные правовые последствия*», т.к. норма права создает последствия, а не вызывает их. Кроме того, использование лексемы «намерение» нецелесообразно, наиболее приемлема лексема «цель», иными словами, можно сказать так: «*с целью вызвать определенные юридические последствия*».

Таким образом, исходная коллокация, будучи фиксированной в языке, обозначена нами как языковой стереотип. Если при переводе она сохраняет форму и значение языкового стереотипа, перевод мы признаем гармоничным. Например, «*produire des effets juridiques*» = «*создать правовые последствия*». При этом появление речезыковых стереотипов или речевых креативов не обязательно ведет к дисгармонии в переводе, но и к гармонии. Таким образом, вектор комбинаторности стереотипности и креативности является восходящим, что мы расцениваем как сбалансированную комбинаторность. Например, «*produire des effets juridiques*» = «*вызвать правовые последствия*» = «*порождать правовые последствия*» = «*создавать правовые последствия*». В данном случае можно сказать,

что при переводе происходит комбинаторно обусловленное согласование стереотипных и креативных компонентов ЮТК.

По результатам количественно-качественного анализа стереотипности и креативности ЮТК приходим к следующим выводам:

1. *Внутриязыковая сочетательная ценность* стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций может быть выражена в виде следующего процентного распределения ЮТК: речевые креативы (20%), речезыковые креативы (31%), языковые стереотипы (30%), речезыковые стереотипы (19%);

2. *Межъязыковая сочетательная ценность* варьирует в зависимости от языковых и правовых культур, что выражено следующим распределением типов сочетательной ценности ЮТК: речевые креативы (9%), речезыковые креативы (23%), языковые стереотипы (44%), речезыковые стереотипы (24%);

3. Соотношение стереотипности и креативности ЮТК на межъязыковом уровне определяет комбинаторный потенциал стереотипности и креативности: негативный вектор комбинаторности – 13%, нисходящий – 37%, позитивный – 19%, восходящий – 31% и соответствующие им уровни гармоничности перевода: дисгармоничный, адекватный, эквивалентный, гармоничный.

Процентное соотношение стереотипности и креативности ЮТК на межъязыковом уровне схематически может быть представлено следующим образом:

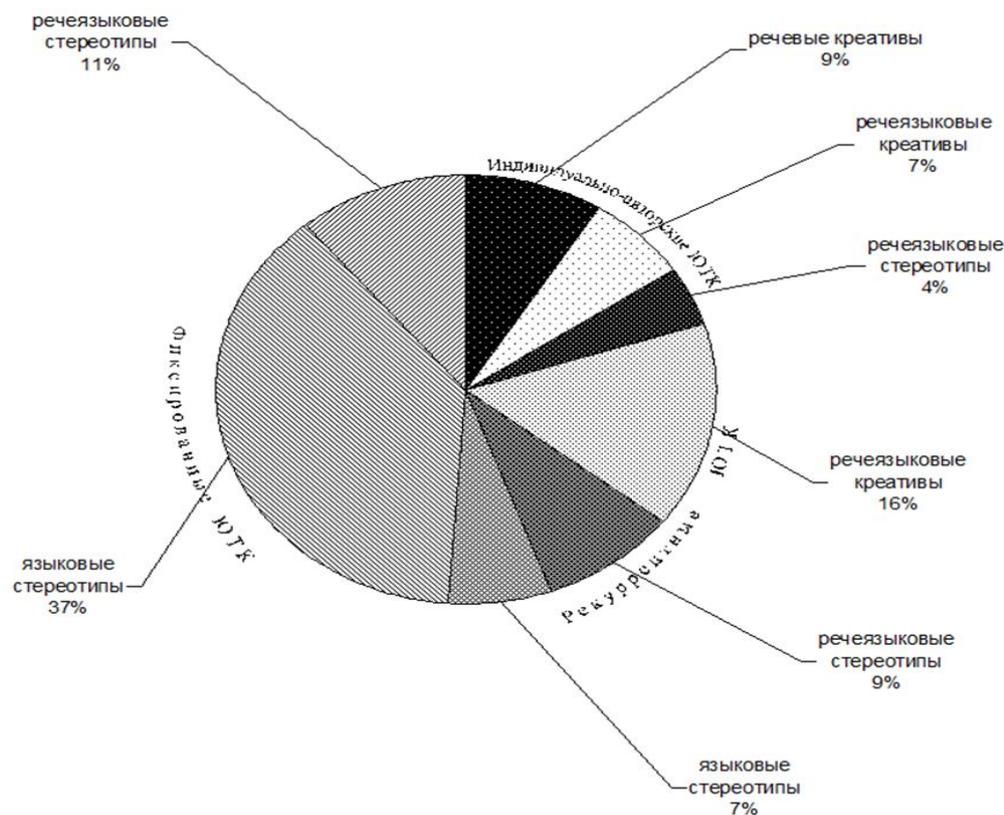

Схема 2 – Процентное соотношение стереотипности и креативности межъязыковых ЮТК

2.2. Составление коллокационных рядов стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций

Изучение специальных юридических коллокаций в специальном дискурсе с целью выявления тенденции их стереотипности или креативности при переводе позволило нам выделить три коллокационных ряда, каждый из которых представляет определенный тип актуализации терминологического сочетания и имеет определенный диагностический маркер. Исходным принципом нашего анализа является составление коллокационных рядов стереотипных и креативных юридических коллокаций в специальном дискурсе на основе вышеописанного количественно-качественного анализа.

Сформулируем наше понимание коллокационного ряда: *способ классификации терминологических коллокаций, основанный на рассмотрении их семантических признаков, служащий для выявления сочетательной ценности и комбина-*

торного потенциала стереотипности и креативности анализируемых единиц в контекстах при переводе специального дискурса.

При составлении коллокационных рядов анализируемых ЮТК мы опирались на положения, изложенные М.В. Влавацкой, согласно которой, «...значение слова формируется под воздействием экстралингвистических условий, в то время как смысл высказывания является результатом чисто языкового фактора – контекста, или окружения, в которое попадает слово, актуализирующее определенное значение» [Влавацкая 2016: 120]. Сочетаемость слов также связана с явлением актуализации, т.е. юридические коллокации в процессе функционирования в специальном дискурсе могут быть отнесены к тому или иному типу. Кроме того, в процессе перевода имеет место, образно говоря, вторичная актуализация, которая переосмысливается и переводчиком, и реципиентом. Мы предположили, что переводчиком таких текстов и дискурсов может быть как переводчик-лингвист, так и переводчик-юрист. Характер их вторичной актуализации может оказаться разным, в частности, проявление стереотипности и креативности может не совпадать.

В связи с этим, для анализа сочетательной ценности и комбинаторности стереотипности и креативности юридических коллокаций в переводном специальном дискурсе сначала мы разделили все коллокации на две группы:

А. Оказиональные юридические терминологические коллокации (Коллокационный ряд №1). Единицы, созданные авторами текстов ранее не переведенных научных и научно-популярных статей по юридической тематике, в связи с чем, они пока не вошли в переводные словари и не имеют постоянных эквивалентов. Для данного типа коллокаций диагностирующим маркером мы предлагаем считать вариант перевода, предложенный переводчиком-юристом, который выполнен с опорой на вариант переводчика-лингвиста.

В. Юридические коллокации, характеризующиеся средней, высокой и максимально высокой воспроизводимостью. В рамках данного типа коллокаций мы выявили две разновидности, что позволило описать Коллокационный ряд № 2 и Коллокационный ряд № 3.

Представим коллокационные ряды ЮТК:

1. Коллокационный ряд индивидуально-авторских (оказиональных) юридических терминологических коллокации;
2. Коллокационный ряд рекуррентных юридических терминологических коллокаций;
3. Коллокационный ряд фиксированных юридических терминологических коллокаций.

Внутри коллокационных рядов были выявлены четыре группы юридических коллокаций: языковые стереотипы, речезыковые стереотипы, речезыковые креативы и речевые креативы, комбинаторные сочетания которых представлены взаимоперекрещенными путями контактирования в лингвокультурах-источниках (французский, английский языки) и лингвокультуре-реципиенте (русский язык).

Определив характер сочетательной ценности стереотипности и креативности юридических коллокаций в ИЯ, мы устанавливаем характер коллокаций в ПЯ, что позволяет нам проследить вектор комбинаторности стереотипности и креативности в переводном дискурсе.

Комбинаторность стереотипного и креативного может быть прослежена в рамках целого текста, где возможно «взаимопритяжение» стереотипных и креативных компонентов, на основании чего делается вывод о наличии или об отсутствии комбинаторно обусловленного согласования стереотипных и креативных компонентов ЮТК.

В соответствии с данным принципом были составлены сводные таблицы, иллюстрирующие функционирование выявленных нами трех типов юридических коллокаций в специальном дискурсе. Как было отмечено выше, коллокации извлечены из ранее не переведенных текстов по юридической и юрислингвистической тематике на французском и английском языках, а затем апробированы на материале поисковых баз Reverso-context, а также Google/ Google Scholar, содержащих анализируемые франко- и англоязычные коллокации.

Рассмотренные выше ключевые понятия, касающиеся функционирования специального юридического дискурса: когнитивное пространство, когнитивная среда, юридические терминологические коллокации, комбинаторно обусловлен-

ное согласование стереотипных и креативных ЮТК схематически могут быть представлены следующим образом:

Рисунок 2 – Когнитивное пространство специального юридического дискурса

В рамках следующих разделов будут рассмотрены более подробно выявленные нами типы юридических терминологических коллокаций.

2.3. Выявление комбинаторного потенциала стереотипных и креативных коллокаций в специальном юридическом дискурсе в парах французский-русский, английский-русский, французский-английский языки

В соответствии с заявленной целью исследования, переходим к анализу комбинаторного потенциала стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций, образующих специальный дискурс. Поясним, что в качестве параметров отбора ЮТК мы используем, вслед за В.Д. Табанаковой, следующие критерии: семантическая целостность, семантическая отнесенность к определенной сфере, логико-интуитивный критерий. При анализе ЮТК наибольшую

значимость в рамках нашего исследования приобретает критерий семантической отнесенности к юридической сфере коммуникации.

В качестве исходного принимаем положение о том, что все ЮТК на ИЯ распределены на три группы: индивидуально-авторские коллокации, рекуррентные коллокации, фиксированные коллокации в соответствии с их уникальным или тиражированным характером.

В рамках данного раздела необходимо выяснить, каким образом меняется вектор комбинаторности в переводном дискурсе, как он варьирует в разных типах коллокаций, как реализуется сочетательная ценность стереотипности и креативности коллокаций в переводном дискурсе.

В разделах 2.3.1., 2.3.2., 2.3.3. представлены таблицы, в которых содержатся:

- 1) Фрагмент текста оригинала, содержащий стереотипные и креативные коллокации (фр. яз./англ. яз.);
- 2) Квантитативный показатель ЮТК по Reverso-context, Google или Google Scholar;
- 3) Внутриязыковая сочетательная ценность стереотипности и креативности;
- 4) Фрагмент текста перевода (рус. яз.);
- 5) Межъязыковая сочетательная ценность стереотипности и креативности;
- 6) Уровень гармоничности (дисгармоничный перевод, адекватный перевод, эквивалентный перевод, адекватный перевод);
- 7) Вектор комбинаторности стереотипных и креативных ЮТК (восходящий, нисходящий, позитивный, негативный).

В качестве иллюстративного материала мы используем тексты/дискурсы в паре французский–русский языки с привлечением примеров из английского и русского языков. Нам необходимо проследить, при каких условиях происходит порождение гармоничного перевода стереотипных и креативных ЮТК, которые становятся фактом другой языковой и правовой культуры.

2.3.1. Характеристика комбинаторного потенциала индивидуально-авторских (оказиональных) юридических терминологических коллокаций (коллокационный ряд № 1)

В связи с тем, что цель проводимого исследования состоит в выявлении, описании и интерпретации когнитивных механизмов комбинаторности стереотипных и креативных коллокаций, порождаемых переводчиком в текстах/дискурсах в системе специального юридического дискурса, на данном этапе эмпирического анализа мы выявляем динамику юридических коллокаций в текстах ПЯ относительно текстов ИЯ. Это позволит предположить, каковы когнитивные механизмы процесса комбинаторности стереотипности и креативности и выстроить модель взаимодействия креативных и стереотипных компонентов при построении специального дискурса, когнитивным ядром которого выступают юридические терминологические коллокации.

В связи с этим мы выстраиваем коллокационные ряды исследуемых юридических терминологических коллокаций. В рамках данного параграфа будет представлен первый коллокационный ряд, представляющий собой тип *индивидуально-авторских юридических коллокаций*, что мы определяем следующим образом: *коллокационная единица, которая характеризуется единичной или минимальной встречаемостью в корпусе текстов, при порождении которой имеет место изменение лексической, морфо-синтаксической или функционально-семантической связи между стереотипным и креативным компонентами базы и коллоката, и которая соотносится с конкретным коммуникативно-правовым событием.*

Критериями отнесения юридической коллокации к данной группе мы считаем следующее положение:

Если в юридической коллокации автором нарушена лексическая, морфосинтаксическая или функционально-семантическая сочетаемость слов и частотность её употребления в корпусе текстов минимальна, речь идет об индивидуально-авторских (оказиональных) юридических коллокаций. Данный тип коллокаций имеет главный дифференцирующий признак – «функциональную одноразовость,

которая обусловлена специфическим индивидуальным авторством» [Терехова 2010]. Мы предполагаем, что индивидуально-авторские (окказиональные) юридические терминологические коллокации являются *речевыми креативами* в естественной лингвокультуре.

В целом, данный тип юридических коллокаций в специальном дискурсе, так же как и окказиональные слова, словосочетания или иные синтаксические образования, «...не узуальны, то есть не соответствуют общепринятому употреблению, характеризуются индивидуальным вкусом, обусловлены специфическим контекстом употребления» [Ахманова 2010: 284].

В представленной ниже Таблице 3 даны фрагменты текстов, содержащих стереотипные и креативные коллокационные единицы в оригинале и переводе (нескольких вариантах перевода); количественный показатель ЮТК по корпусу ранее не переведенных текстов (поисковые системы Reverso-context, Google Scholar или Google); внутриязыковую и межъязыковую сочетательную ценность стереотипности и креативности ЮТК, вектор комбинаторности.

Первый коллокационный ряд создан в процессе проведения лингвопереводческого эксперимента, в котором участвовали преподаватели перевода, студенты переводческого отделения, практикующие переводчики-лингвисты, переводчики-юристы. Приведем **фрагмент** коллокационного ряда № 1 (Таблица 3).

Таблица 3 – Коллокационный ряд № 1. Индивидуально-авторские юридические терминологические коллокации

Фрагмент текста оригинала, содержащий стереотипные и креативные коллокации (фр. яз./англ. яз.)	Квантитативный показатель ЮТК	Внутриязыковая сочетательная ценность	Фрагмент текста перевода (рус. яз.)	Межъязыковая сочетательная ценность	Уровень гармоничности	Вектор комбинаторности
1	2	3	4	5	6	7
<i>I. La saisie du plurijuridisme</i> au sein d'une même collectivité pose quant à elle des défis plus grands, encore tant les différentes traditions juridiques qui coexistent ont leur identité propre.	0/4 (1)	Речевой креатив	<i>1. Толкование множества различных правовых систем</i> в рамках одной общности вызывает серьезные проблемы, так как каждая из сосуществующих юридических традиций обладает своей идентичностью	Речезыковой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
		Речевой креатив	2. В связи с тем, что <i>различные сосуществующие юридические традиции</i> сохраняют собственную идентичность, еще более серьезные вызовы возникают в рамках объединений, порождая тем самым <i>разные юридические толкования</i> .	Языковой стереотип	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
		Речевой креатив	<i>3. Понимание правового плюрализма</i> внутри сообщества представляет ещё большую трудность, тем более что сосуществующие правовые традиции обладают собственной идентичностью	Речевой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
		Речевой креатив	<i>4. Понимание юридического или правового плюрализма</i> – это такое положение вещей внутри одного социального	Речевой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Продолжение Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
			поля, при котором каждая из сосуществующих юридических традиций имеет свою идентичность, что приводит к определенным сложностям.			
2. Gémar nous met en garde contre une extension trop grande du concept: pour le profane peu averti, la notion de texte juridique recouvre généralement celle du <i>texte parajuridique</i> ou à coloration juridique qu'est par exemple l'article d'un quotidien consacré à la chronique judiciaire	0/3 (1)	<i>Речевой креатив</i>	1. Жемар предостерегает от излишнего расширения данного понятия: для неспециалиста понятие «юридический текст» часто включает и <i>параюридический текст</i> , или текст на юридическую тему, например судебную хронику в газете	<i>Речевой стереотип</i>	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
		<i>Речевой креатив</i>	2. Жемар предупреждает нас о слишком большом распространении данного понятия: для неспециалиста понятие юридического текста обычно полностью соотносится с <i>параюридическим текстом</i> или с текстом, юридической тематики, каковым является, например, газетная публикация, посвященная судебной хронике.	<i>Речевой стереотип</i>	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
		<i>Речевой креатив</i>	3. Жемар предупреждает нас об опасности широко рассматривать данный концепт: для обывателя понятие юридического текста обычно соотносится с <i>метаюридическим текстом</i> или с текстом, содержащим юридические коннотации,	<i>Речевой креатив</i>	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Продолжение Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
			например, речь идет о газетной публикации, посвященной судебной хронике.			
		Речезыковой креатив	4. Жемар предупреждает нас об опасности широко рассматривать данный концепт: для обывателя понятие юридического текста обычно соотносится <u>метаюридическим текстом</u> или с текстом, содержащим юридические коннотации, например. речь идет о газетной публикации, посвященной судебной хронике.	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Pourtant, rien n'interdit, a priori, l'existence de <u>règles semi-juridiques</u> . Seront ici présentés les critères et la méthode à appliquer afin d'établir, de façon neutre tant axiologiquement que théoriquement, le niveau de juridicité d'une règle.	0/3 (1)	Речезыковой креатив	1. Тем не менее, априори не исключено существование <u>полуправовых норм</u> . Далее мы представим критерии и методы, позволяющие определить – с теоретической и ценностной точек зрения – уровень правовой интенсивности какой-либо нормы	Речезыковой стереотип	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
		Речезыковой креатив	2. Однако никто не отвергает изначальное существование <u>полуюридических норм</u> . Далее представляются критерии и методы для установления на первый взгляд субъективной меры правомерности нормы	Речезыковой стереотип	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
		Речезыковой креатив	3. Тем не менее, априори не исключено существование <u>полуправовых норм</u> . Далее мы представим нейтральные критерии	Речезыковой стереотип	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор

Продолжение Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
			и методы для определения – с теоретической и ценностной точек зрения – уровня правовой интенсивности какой-либо нормы.			
		Речезыковой креатив	4. Тем не менее никто не может опровергнуть <u>изначальное существование программных норм, не обладающих правовыми качествами, но характеризующих степень интенсивности правовой нормы.</u> Далее мы представим критерии и методы для определения – с теоретической и ценностной точек зрения – уровня правовой интенсивности какой-либо нормы	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Christian Atias semble opérer un <u>transfert de mission des épaules du juge aux épaules du juriste</u> en forçant une distinction essentielle mais néanmoins surannée. Est-ce un même et autre enjeu historique, à son tour de rôle?	0/1	Речезыковой креатив	1. Вероятно, Кристиан Атья намерен <u>переложить ответственность с плеч судьи на плечи юриста</u> , обратившись к устаревшим способам разграничения полномочий	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
		Речезыковой креатив	2. Кристиан Атиас словно <u>перекладывает данную обязанность с плеч судьи на плечи юриста</u> , подчёркивая существенное, но при этом, устаревшее различие. В свою очередь, носит ли эта проблема исторический <i>характер</i> ?	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Продолжение Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
		Речевой креатив	Кажется, Кристиан Атиас <u>перенес задачу с судьи на юриста</u> , преодолев существенное, но тем не менее старомодное разграничение. Имеет ли это ту же или другую историческую значимость, в свою очередь?	Речевой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
Mais malgré son CV impressionnant, Larry Solan est tout sauf hautain : on ne peut qu'être frappé par son accessibilité et son humilité, qui ne sont pas sans rappeler celles d'un Jean-Claude Gémard, autre <u>jurilinguiste de haut vol</u> dont les travaux forcent l'admiration.	0/2	Речевой креатив	1. Несмотря на то, что Ларри Солан имеет великолепное резюме, он совершенно лишен высокомерия: мы поражены его открытостью, покорностью, что не свойственно Жану Клоду Жемару, <u>другому специалисту высокого полета в области юрлингвистики</u> , работы которого вызывают восхищение	Речевой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
		Речевой креатив	2. Однако, несмотря на его впечатляющее резюме, работы Ларри Солана лишены всякого высокомерия: напротив, вас наверняка поразит доступность и скромность, отличающие его труды от работ <u>другого крупного специалиста в области юридического перевода</u> , Жан-Клода Гемара, чьи работы призваны вызывать восхищение. (Ф. Юбер)	Речевой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
		Речевой креатив	3. Несмотря на свое впечатляющее резюме, Ларри Солан абсолютно лишен надменности:	Речевой креатив	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор

Продолжение Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
			его доступность и покорность поражают, но заставляют вспомнить те же качества Жан-Клода Жемара, <u>другого выдающегося юрислингвиста</u> , чьи работы вызывают восхищение (Ф. Убер)			
Le meilleur conseil à donner à celles et ceux qui ont la sagesse de penser qu'ils ne possèdent pas la science infuse et qui se posent encore la question «Que sais-je ? », c'est encore de lire cet ouvrage de la première à la dernière page, et d'en découvrir des détails, nuances et précisions tant juridiques que linguistiques, qu'un <u>jurilinguiste de haut vol</u> a préparés pour le plus grand bonheur de notre langue française et de son langage du droit.		Речевой креатив	1. Лучший совет, который можно дать всем тем, которые полагают, что они не обладают интуицией, и которые еще задают себе вопрос: « Что я об этом знаю?» – это прочитать это произведение с первой до последней страницы и открыть в нем для себя как юридические, так и лингвистические уточнения, детали, нюансы, которые приготовил для них <u>юрист высокого полета</u> , что представляется замечательным и для французского языка, и для языка права	Речевой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
		Речевой креатив	2. Наилучшим советом для тех, у кого хватает мудрости думать, что они не обладают вселенским умом, и задаваться вопросом «Что я знаю?», будет прочитать эту книгу от корки до корки и открыть для себя как юридические, так и лингвистические нюансы и тонкости, любезно проанализированные <u>крупными специалистами в области юридической терминологии французского языка</u> (Ж.-К. Гемар)	Речезыковой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор

Окончание Таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7
<i>Le juritraducteur</i> est souvent confronté, lorsqu'il passe d'une culture juridique à une autre à travers le texte source et le texte d'arrivée, à un problème de non équivalence juridique entre les notions se trouvant dans le texte source et celles de la langue du texte d'arrivée.	0/4 (3)	Речевой креатив	1. Переходя от одной правовой культурой к другой, <u>юридический переводчик</u> часто сталкивается с асимметрией юридической терминологии в исходном тексте и языке перевода	Речевой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
		Речевой креатив	2. <u>Переводчик юридических текстов</u> часто сталкивается с проблемой, связанной с переходом от одной правовой культуры к другой, с проблемой нарушения (искажения) юридической эквивалентности между понятиями текстов оригинала и перевода	Речезыковой креатив	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
		Речевой креатив	3. <u>Переводчик юридических текстов</u> часто сталкивается с проблемой, связанной с переходом от одной правовой культуры к другой, с проблемой нарушения (искажения) юридической эквивалентности между понятиями текстов оригинала и перевода	Речезыковой креатив	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
Since the Constitution of 1988, the Brazilian State was redefined as pluriethnic, within a <u>plurilegal context</u>. Paradoxically, these advances did not materialize as an improvement of the social and political situation of the minority ethnical groups.	0/1	Речевой креатив	С момента принятия Конституции 1988 года бразильское государство получило статус многонационального в рамках <u>различных правовых аспектов</u>. Как это ни парадоксально, предложенные изменения не привнесли реальных улучшений в общественно-политический статус этнических меньшинств.	Языковой стереотип	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор

Комментируя результаты анализа первого коллокационного ряда, характеризующего индивидуально-авторские юридические терминологические коллокации (ЮТК), подчеркнем, что гармоничным мы признаем перевод, выполненный или откорректированный переводчиком-юристом, выступавшим в роли эксперта. Переводы, предложенные переводчиками-лингвистами, можно отнести к различному характеру комбинаторности: сбалансированной комбинаторности при гармоничном переводе, несбалансированной комбинаторности при дисгармоничном переводе, а также – отношениям эквивалентности или адекватности.

Рассмотрим индивидуально-авторскую коллокацию «*Règles semi-juridiques*» и соответствующий контекст на французском языке:

L'étude est également originale par le fait qu'elle propose, ensuite, de «mesurer le droit». Nul, jusqu'à lors, n'a jamais appréhendé le phénomène juridique en termes de degrés d'intensité. Classiquement, les juristes raisonnent de manière binaire et manichéenne : soit une norme est juridique, soit elle ne l'est pas. Pourtant, rien n'interdit, a priori, l'existence de règles semi-juridiques. Seront ici présentés les critères et la méthode à appliquer afin d'établir, de façon neutre tant axiologiquement que théoriquement, le niveau de juridicité d'une règle (Barraud 2013).

Прежде всего, подчеркнем, что комбинаторно-синтагматические свойства внутриязыковых единиц, в частности, сочетаемость стереотипности и креативности, исследуются нами, в соответствии с принципами, изложенными М.В. Влавацкой, согласно которым, реализация сочетаемости слов в речи необходима для осуществления процесса коммуникации. Из этих принципов мы приходим к выводу о том, что в тексте оригинала естественным образом взаимодействуют стереотипные и креативные компоненты. Иными словами, изучаемые нами коллокации могут принадлежать одному из четырех описанных ранее типов: речевые креативы, речезыковые креативы, речезыковые стереотипы, языковые стереотипы.

Исходя из этого, мы относим коллокацию «*règles semi-juridiques*» к речезыковому креативу, в связи с тем, что в данном случае имеет место незначительная новизна и оригинальность коллокационной единицы за счет использования префикса «semi».

Опираясь на принцип дифференциации сочетаемости коллокаций по характеру связи между компонентами, сформулированный М.В. Влавацкой, необходимо, прежде всего, определить к какому типу сочетаемости принадлежит данная коллокация. Констатируем, что данная коллокация является контактной, т.к. ее компоненты находятся в непосредственной связи друг с другом. Мы считаем, что это формальная характеристика коллокации.

Переходим к содержательной характеристике данной коллокации. Представляется, что исследуемая нами коллокация «*règles semi-juridiques*» отражает в тексте оригинала порождение нового актуального смысла за счет варьирования семантических компонентов значения исходного терминологического сочетания «*règles juridiques*», не представленного в тексте. Автор статьи создает окказиональное сочетание, отражающее его индивидуальное представление об описываемом юридическом феномене. Речь идет о стремлении автора определить уровень правомерности существующих правовых норм. Можно сказать, что в сознании автора осуществляется переход от образного восприятия к понятийному, что создает окказиональное сочетание слов, раскрывая тем самым авторскую идею. Морфема «*semi*» переводится на русский язык как такие морфемы и слова как «полу, наполовину, частично». Если во французском языке коллокация «*règles semi-juridiques*», будучи окказиональной, принимается системой языка, то при переводе на русский язык для ее адекватного понимания необходимо выйти за рамки контекста и сформулировать экстралингвистические цели, относящиеся к правовым аспектам. Исходя из буквального, неприемлемого для русского языка перевода «полуправовые нормы», мы получаем следующий возможный вариант перевода данной коллокации: «пограничные правовые нормы». С позиции переводчика-юриста данный перевод неприемлем, так как термин не используется российскими юристами и является культурологической лакуной. С нашей точки зрения, в данном случае имеет место несбалансированная сочетательная ценность стереотипности и креативности, т.е. нисходящий вектор комбинаторности или дисгармоничный перевод,

Приведем вариант перевода коллокации, предложенный переводчиком-юристом: «*программные нормы, не обладающие правовыми качествами, но характеризующие степень интенсивности правовой нормы*». Полученный перевод мы можем признать гармоничным, характеризующийся сбалансированной сочетательной ценностью стереотипности и креативности, что может стать фактом русской лингвоправовой культуры и соответствующего дискурса.

2.3.2. Характеристика комбинаторного потенциала рекуррентных юридических терминологических коллокаций (коллокационный ряд № 2)

Следующий тип исследуемых ЮТК – рекуррентные терминологические коллокации, анализ которых производился в работе также на основании интерпретации переводов, полученных в ходе лингвопереводческого эксперимента и данных привлеченных Reverso-context, Google или Google Scholar. Частотность их употребления в корпусах текстов мы характеризуем как тенденцию к тиражированию или относительно средний уровень встречаемости.

Термин «рекуррентный» восходит к лат. *recurrens* (recur-rentis) «возвращающийся». Согласно исследованиям И.А. Белокопытовой, в современном научном пространстве существует «... возможность через рекуррентность конституировать смысл и действительность, создавать событийность, порождать новые смыслы» [Белокопытова 2010: 3].

Применительно к исследованию коллокаций данный термин использован в работах Е.В. Тереховой. В результате исследования политического дискурса автор приходит к выводу, что политическая коллокация экспрессивно окрашена в контексте и употребляется в условиях «...тиражирования, рекуррентности, повторяемости» [Терехова 2010]. Этот тип юридических коллокаций «... требуют формирующий, созидающий контекст и своего творца, ...» [Терехова 2010]. В связи с этим, мы заключаем, что, как и индивидуально-авторские юридические терминологические коллокации, рекуррентные являются креативными с тенденцией к по-

вторяемости, то есть *речезыковыми креативами* для естественной лингвокультуры. Они возникают в специальном юридическом дискурсе как ответная реакция на те или иные экстралингвистические события. При этом, как считает Е.В. Терехова, отличительной особенностью рекуррентных конструкций <...> является их «событийная и жанровая отнесенность» [Терехова 2010].

В нашем исследовании мы вычленили отдельный тип коллокаций, который обозначили как *рекуррентная юридическая коллокация*, которая трактуется нами как *коллокационная единица, характеризующаяся относительно средней встречаемостью, в семантике которой креативный коллокат сочетается с воспроизводимой стереотипной базой, что соотносится с определенными правовыми событиями в заданной лингвокультуре.*

Коллокационный ряд №2 отражает те же аспекты анализа, которые были представлены выше.

Таблица 4 – Коллокационный ряд № 2. Рекуррентные терминологические юридические коллокации в специальном дискурсе (фрагмент)

Фрагмент текста оригинала, содержащий стереотипные и креативные коллокации (фр. яз./англ. яз.)	Квантитативный показатель ЮТК	Внутриязыковая сочетательная ценность	Фрагмент текста перевода (рус. яз.)	Межъязыковая сочетательная ценность	Уровень гармоничности	Вектор комбинаторности
1	2	3	4	5	6	7
Appliquer les Conventions de l'ONU dans les pays» <u>formation parajuridique</u> dispensée par l'organisation à but non lucratif, Mapusaga Aiga Samoa.	2/25	Речезыковой креатив	«Применение конвенций Организации Объединенных Наций в странах», документ представлен на <u>программе подготовки помощников юристов</u> в МОА, 21-25 июня 1999 года, Апия.	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Nous ne nous intéressons pas tant aux actants du droit non plus qu'aux <u>représentations socio-juridiques</u> mais aux relations signifiantes entre les discours différents du droit, voire entre les traditions juridiques.	0/145	Речезыковой креатив	Нас интересуют не столько субъекты права и <u>социально-правовые представления</u> , сколько существенные отношения между разными правовыми дискурсами, в первую очередь, между разными правовыми традициями.	Речезыковой креатив	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Продолжение Таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
		<i>Речезыковой креатив</i>	2. Нас интересуют не столько субъекты права, не столько <u>социальные и юридические представительства</u> , сколько отношения, возникающие между различными дискурсами права, а именно, между различными юридическими традициями	<i>Языковой стереотип</i>	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
		<i>Речезыковой креатив</i>	3. Нас интересуют не столько представители закона и не столько <u>социально-правовые представительства</u> , сколько значимые отношения между различными типами правового дискурса, точнее, между различными юридическими традициями.	<i>Языковой стереотип</i>	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
Etienne Le Roy (who prefers to refer to legal pluralism as <u>“multi-legalism”</u>) works a synthesis of these two definitions by describing the three pillars which according to him are the necessary foundation of the equilibrium between the state law and the law of the peoples	0/279	<i>Речезыковой креатив</i>	1.Этьен ЛеРой (человек, предпочитающий ссылаться на правовой плюрализм как на <u>«мульти-легализм»</u> , «соблюдение всех законов») работает над синтезом этих двух понятий, описывая три этапа, которые, по его мнению, являются необходимой основой равновесия между законом штата и народным законом	<i>Языковой стереотип</i>	Дисгармоничный вектор	Негативный вектор

Окончание Таблицы 4

1	2	3	4	5	6	7
However a notion of <u>legal sedimentation</u> is essential for grasping the manner in which modern legal culture fulfils the tasks it has inherited from the tradition of traditional law: such as providing legal actors with their pre-understanding, disciplining the law's voluntas, as well as guaranteeing its coherence.	0/120	<i>Речезыковой креатив</i>	1. Однако понятие <u>правовой седиментации</u> необходимо для быстрого понимания того, каким образом современная правовая культура выполняет задачи, которые она унаследовала от устоев традиционного права: например, предоставление субъектам права предварительного понимания, упорядочение воли закона, а также гарантия его согласованности.	<i>Языковой стереотип</i>	Дисгармоничный перевод	Негативный вектор
		<i>Речезыковой креатив</i>	2. Тем не менее, понятие <u>пре-емственности в формировании правовой культуры</u> необходимо для описания способов современного права, унаследованных от обычного права, таких как обеспечение первичного понимания законодательных актов, предотвращение несправедливости в правоотношениях, обеспечение и гарантия их согласованности.	<i>Речезыковой креатив</i>	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Комментируя представленную выше таблицу рекуррентных юридических терминологических коллокаций, поясним, что наряду с речезыковым стереотипом, мы вычленили речезыковой креатив, который расширяет диапазон анализируемых коллокаций.

Проиллюстрируем функционирование рекуррентной юридической коллокации «*sédimentation juridique*», которая не включена в таблицу.

«À partir de 1810, les Mauriciens ont pu conserver le Code civil, mais présence anglaise oblige, d'autres lois, inspirées de la common law, ne tardèrent pas à se superposer à celui-ci dans un processus de sédimentation juridique qui s'est poursuivi pendant des décennies».

Перевод № 1. Преподаватель перевода:

«Начиная с 1810 г., жители острова Маврикий смогли сохранить Гражданский кодекс, но английское присутствие и различные законы, обусловленные английским законодательством, повлияли на местное законодательство, на весь процесс юридического становления, продолжавшегося в течение десятилетий».

Перевод № 2. Переводчик-лингвист

«После 1810 года Гражданский кодекс на Маврикии продолжал действовать, но принадлежность к Британской империи не прошла бесследно: на него стали накладываться новые нормы, основанные на англосаксонской правовой системе, и такое правовое наслаивание продолжалось десятилетиями».

Перевод № 3: Переводчик-лингвист

«С 1810 г. жители острова Маврикий сохранили Гражданский кодекс, но английское присутствие, а также законы, основанные на английском законодательстве, не могли не оставить свой след в процессе формирования местной правовой системы, продолжавшегося в течение десятилетия».

Перевод № 4. Переводчик-юрист:

«С 1810 г. жители острова Маврикий сохранили Гражданский кодекс, но английское присутствие, а также законы, основанные на английском законодательстве, отразились в процессе насаждения норм англосаксонской правовой системы, продолжавшегося в течение десятилетия».

Поясним, что выделенная юридическая коллокация рассматривается нами как рекуррентная по следующим основаниям: 1) воспроизводится в текстах статей блога Juritraducteur в рамках профессионального сообщества; 2) является рекуррент-

ной; 3) включает базу (*juridique*) и коллокат (*sedimentation*), буквальный перевод которого означает «осаждение»; «отложение осадка»; «осадкообразование», «оседание»; 4) обладает событийной отнесенностью (описывается конкретное временное событие, а именно период в развитии правовой системы о. Маврикий). Таким образом, в языке оригинала данная рекуррентная юридическая коллокация относится к речезыковому креативу.

При переводе анализируемой коллокации на русский язык констатируем: 1) *преподаватель перевода* выбирает языковой стереотип, нейтрализуя образность выражения коллокации, что приводит к переводческой дисгармонии и характеризуется негативным вектором комбинаторности стереотипности/креативности и несбалансированной сочетательной ценностью; 2) *переводчик-лингвист* выбирает языковой стереотип – «правовое наслаивание», что является адекватным переводом и отражает нисходящий вектор комбинаторности стереотипности/креативности; 3) *переводчик-лингвист* выбирает речезыковой стереотип «формирование местной правовой системы», что приводит к переводческой дисгармонии и характеризуется негативным вектором комбинаторности стереотипности/креативности, 4) *переводчик-юрист* выбирает коллокацию, принадлежащую к специальному юридическому дискурсу, – «насаждение норм англосаксонской правовой системы», что мы соотносим с речезыковым креативом и характеризуется восходящим вектором комбинаторности стереотипности/креативности и сбалансированной сочетательной ценностью, представляет гармоничный перевод.

Как подчеркивает эксперт (*переводчик-юрист*), в данном случае при переводе на русский язык корректнее использовать коллокацию «правовая аккумуляция» (правовое взаимодействие), которая выступает одной из форм конвергенции национального (русскоязычного) и зарубежного (франкоязычного) права.

В действительности правовая система Маврикия «пережила» в свое время британское правление, что отразилось в том, что конституционное, трудовое и уголовно-процессуальное законодательство о. Маврикий основано на английском праве.

Можно констатировать, что только переводчику-эксперту удалось создать такие стереотипные и креативные коллокации, которые приводят к комбинаторно обусловленному согласованию стереотипных и креативных компонентов ЮТК.

2.3.3. Характеристика комбинаторного потенциала фиксированных юридических терминологических коллокаций (коллокационный ряд № 3)

При выявлении фиксированных юридических терминологических коллокаций мы исходили из концепции терминопорождения Л.М. Алексеевой: «В основу понятия терминопорождения положена динамическая концепция термина, которая трактует его как конструируемую единицу текстового характера, предназначенную не столько для конечной сферы фиксации, сколько для вербализации новизны полученного научного знания» [Алексеева 1998: 20].

В рамках данного раздела конструируемой единицей является коллокационная единица, в составе которой база представлена юридическим термином, а коллокат может быть как термином, так и не-термином, порождаемым в коммуникативно-дискурсивном пространстве. Для интерпретации терминов данного типа, мы обратились к поисковым системам Google Scholar, Google и Reverso-context. В первом случае, это - поисковая система по полным текстам научных публикаций всех форматов и дисциплин на разных языках, во втором – контекстуальная база переводов. В работе мы используем Reverso-контексты, представленные на французском и английском языках в переводах на русский язык.

Под фиксированной юридической терминологической коллокацией мы понимаем коллокационную единицу, внутри которой лексическая, морфосинтаксическая или функционально-семантическая связь нормирована, а частотность употребления в корпусах юридических текстов на ИЯ и ПЯ определяется как средняя, высокая или максимально высокая.

Коллокационный ряд №3 отражает те же аспекты анализа, которые были представлены выше.

Таблица 5 – Коллокационный ряд № 3. Фиксированные юридические терминологические коллокации в специальном дискурсе (фрагмент)

Фрагмент текста оригинала, содержащий стереотипные и креативные коллокации (фр. яз./англ. яз.)	Квантитативный показатель ЮТК	Внутриязыковая сочетательная ценность	Фрагмент текста перевода (рус. яз.)	Межъязыковая сочетательная ценность	Уровень гармоничности	Вектор комбинаторности
1	2	3	4	5	6	7
Il ne faudrait pas perdre de vue que la tradition de <u>pluralisme juridique</u> cherche précisément à traiter de ces problèmes	17/5100	Речезыковой стереотип	Не следует забывать, что решать такие проблемы непосредственно призвана традиция <u>правового плюрализма</u>	Речезыковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Le plan renforce <u>le statut juridique</u> des femmes par la promotion de leurs droits et l'élimination des lois et pratiques discriminatoires.	938/20100	Языковой стереотип	Этот стратегический план повышает <u>правовой статус</u> женщин за счет поощрения их прав и отказа от дискриминационных законов и практики	Языковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Ceci contribuerait non seulement à clarifier <u>l'interprétation juridique</u> des règles internationales, mais aussi à promouvoir le dialogue entre les praticiens du commerce et ceux des droits de l'homme à l'échelle nationale, régionale et internationale	20/19200	Речезыковой стереотип	С учетом этого Комиссия может также способствовать <u>межучрежденческому диалогу</u> на министерском уровне, на уровне межправительственных организаций, на уровне экспертных органов и т.п.	Речезыковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
La réponse ne manquera pas d'être différente selon le cadre choisi pour <u>l'interprétation juridique</u> .		Речезыковой стереотип	Ответы, несомненно, будут зависеть от выбора надлежащих рамок <u>правового толкования</u> .	Языковой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор

Продолжение Таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
La différence essentielle est que l'Accord sur les ADPIC établit en la matière des règles détaillées dont <i>l'interprétation juridique</i> et le respect sont assurés au niveau international par un mécanisme efficace de règlement des différends.		Речевой стереотип	Коренное различие заключается в том, что Соглашение по ТА-ПИС устанавливает регулирующие такую охрану широкие нормы, <i>международно-правовое толкование</i> и соблюдение которых обеспечиваются с помощью эффективного механизма разрешения споров.	Речевой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Il doit néanmoins être entendu que pour être qualifié comme tel, un acte unilatéral doit <i>produire des effets juridiques</i> de manière autonome, c'est-à-dire indépendamment de toute manifestation de volonté d'un autre sujet de droit international.	64/19700	Языковой стереотип	Чтобы быть квалифицированным в качестве такового, акт должен <i>производить правовые последствия</i> независимо от какого бы то ни было проявления воли другого субъекта международного права.	Речевой стереотип	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
Au premier niveau, celui de l'interprétation élémentaire, il s'agit de déterminer si un acte unilatéral entre dans la catégorie des actes devant être réglementés – en d'autres termes si, lorsqu'il a accompli l'acte, l'État entendait <i>produire des effets juridiques</i> .		Языковой стереотип	Есть так называемое толкование первого уровня или основное толкование, цель которого состоит в определении того, подпадает ли конкретный односторонний акт под категорию актов, подлежащих регулированию, иными словами, намеревалось ли государство при осуществлении этого акта <i>создать правовые последствия</i> .	Языковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Продолжение Таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
Cette hiérarchie informelle ne résulte d'aucune loi, mais constitue un aspect «légal» ou «naturel» du <u>raisonnement juridique</u> .	35/87600	Речезыковой стереотип	Эта неформальная иерархия вытекает не из каких-либо положений, принятых в законодательном порядке, а является «судебным» или «естественным» аспектом <u>теории права</u> .	Языковой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор
Les praticiens du droit doivent évidemment rester techniquement vigilants, selon un processus continu de <u>raisonnement juridique</u> afin de régler les conflits qui peuvent apparaître.		Речезыковой стереотип	Существует очевидная необходимость в том, чтобы в непрерывном процессе <u>правового обоснования</u> с целью разрешения возникающих коллизий практически работники проявляли профессиональную осторожность.	Речезыковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Une grande partie de la discussion a porté sur la nécessité de clarifier <u>la portée juridique</u> des principes directeurs.	10/2650	Речезыковой стереотип	Основное внимание в процессе изучения было уделено обеспечению <u>юридической значимости</u> положений руководящих принципов	Речезыковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Bon nombre d'Etats ont émis des réserves quant aux dispositions relatives à l'emploi et à la sécurité sociale, ce qui limite <u>la portée juridique</u> de ces dispositions.		Речезыковой стереотип	Многие государства сделали оговорки к положениям, касающимся занятости и социального обеспечения, ограничив тем самым их <u>юридическое действие</u> .	Языковой стереотип	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
Cela correspond aux catégories suivantes: a) Source réglementaire lorsqu'il existe des <u>passerelles juridiques</u> ; b) Source réglementaire lorsqu'une passerelle juridique serait nécessaire; c) Sources du secteur privé	2/213	Речезыковой стереотип	Они подразделяются на три категории: а) нормативные источники, на которые есть <u>законный выход</u> ; б) нормативные источники, на которые необходимо будет обеспечить законный выход; в) источники в частном секторе	Языковой стереотип	Адекватный перевод	Нисходящий вектор

Окончание Таблицы 5

1	2	3	4	5	6	7
Les personnes placées en détention sans motif valable peuvent <i>saisir une juridiction</i> de grande instance ou un tribunal d'instance en vue d'obtenir réparation	8/22900	Речезыковой стереотип	Лица, содержащиеся под стражей без надлежащих на то оснований, могут <i>требовать защиты</i> в высоком суде или окружном суде	Языковой стереотип	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
La Cour a estimé que la convention d'arbitrage n'interdisait pas au demandeur de <i>saisir une juridiction</i> étatique au motif que la convention d'arbitrage s'était révélée inapplicable en l'espèce		Речезыковой стереотип	Суд постановил, что арбитражное соглашение не лишает истца права <i>подавать иск в суд общей юрисдикции</i> , поскольку арбитражное соглашение в сложившихся обстоятельствах оказалось неосуществимым	Языковой стереотип	Эквивалентный перевод	Позитивный вектор
They also conducted <i>legal literacy</i> awareness sessions and established a solid network with non-governmental organizations dealing with women and child abuse.	319/7310	Языковой стереотип	Они также проводили занятия по повышению <i>юридической грамотности</i> и создали эффективную сеть с участием НПО, которая занимается рассмотрением вопросов грубого обращения с женщинами и детьми.	Языковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор
Non-governmental organizations had launched <i>legal literacy</i> campaigns to educate women about their entitlements.		Языковой стереотип	Неправительственные организации начали проведение кампаний <i>правовой грамотности</i> для информирования женщин об их правах.	Языковой стереотип	Гармоничный перевод	Восходящий вектор

Проиллюстрируем функционирование фиксированной юридической терминологической коллокации “**guardian of legality**” (где база – термин «legality» и коллокат – слово с размытой семантикой «guardian») в паре английский-французский языки и соотнесем эти данные с переводом той же коллокации в контексте/контекстах на русском языке при смене языковой пары.

Приведем фрагменты поля Reverso-контекстов, содержащих данную коллокацию, в парах А.Я. – Ф.Я. и А.Я. – Р.Я.:

<i>Reverso-Контексты с ЮТК в паре А.Я. – Ф.Я.</i>	<i>Reverso-Контексты с ЮТК в паре А.Я. – Р.Я.</i>
It is considered the guardian of legality .	1. Elle est considérée comme le garant de la légalité . Его рассматривают как стража правопорядка и законности .
The Court, which represents the principal legal systems of the world, is the guardian of legality under the Charter	2. La Cour, qui représente les principaux systèmes juridiques du monde, est la gardienne de la légalité en vertu de la Charte. В соответствии с Уставом Суд, представляющий собой главную юридическую систему мира, стоит на страже права .
We consider that the fact that the Prokuratura acts as both the representative of the state in court proceedings, as the general guardian of legality , and as an advocate for citizens against the state is incompatible with the principles of the rule of law	3. Nous considérons que le fait que la prokuratura agisse à la fois en tant que représentant de l'Etat dans les procédures judiciaires, et en tant que protecteur général de la légalité et défenseur des citoyens contre l'Etat est contraire aux principes de l'Etat de droit. –

Reverso-контекст коллокации «**guardian of legality**» представлен в трех вариантах, которые принадлежат к одной прецедентной сфере права – судебным инстанциям. В пределах внутриязыковой коллокационной цепочки в каждом варианте данная коллокация является контактной по типу сочетаемости базы и коллоката, что мы относим к речезыковым стереотипам. Что касается порождения межъязыковых коллокационных цепочек, приходим к следующим выводам:

– в языковой паре АЯ–ФЯ: 1) в первом случае происходит замена коллоката **guardian** (дословно с англ. – хранитель) на коллокат “**garant**” (дословно с фр. – гарант), что мы расцениваем как речезыковой стереотип, что характеризуется восходящим вектором комбинаторности стереотипности и креативности при переводе и определяется как переводческая гармония, а это означает сбалансированную

сочетательную ценность; 2) во втором случае база и коллокат терминологического сочетания сохранены «la gardienne de la légalité», что характеризуется нисходящим вектором комбинаторности стереотипности и креативности и определяется как адекватный перевод 3) в третьем случае представлена коллокация «protecteur général de la légalité», что можно определить как эквивалентный перевод, который характеризуется позитивным вектором комбинаторности стереотипности и креативности;

– в языковой паре АЯ–РЯ: 1) в первом случае «страж правопорядка и законности» порождается языковой стереотип, что мы признаем адекватным переводом, отражающим нисходящий вектор комбинаторности стереотипности и креативности; 2) во втором случае порождается коллокация «стоит на страже права», которую мы расцениваем так же, как языковой стереотип, и определяем как адекватный перевод, отражающий нисходящий вектор комбинаторности и несбалансированную сочетательную ценность.

Заключая, приведем результаты исследования:

1. *Внутриязыковая сочетательная ценность* стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций может быть выражена в виде следующего процентного распределения ЮТК: речевые креативы (20%), речезыковые креативы (31%), языковые стереотипы (30%), речезыковые стереотипы (19%);

2. *Межъязыковая сочетательная ценность* варьирует в зависимости от языковых и правовых культур, что выражено следующим распределением типов сочетательной ценности ЮТК: речевые креативы (9%), речезыковые креативы (23%), языковые стереотипы (44%), речезыковые стереотипы (24%);

3. Соотношение стереотипности и креативности ЮТК на межъязыковом уровне определяет комбинаторный потенциал стереотипности и креативности: негативный вектор комбинаторности – 13%, нисходящий – 37%, позитивный – 19%, восходящий – 31% и соответствующие им уровни гармоничности перевода: дисгармоничный, адекватный, эквивалентный, гармоничный;

4. В работе выявлен и описан когнитивный механизм стереотипности и креативности ЮТК.

Результаты исследования можно схематически представить следующим образом:

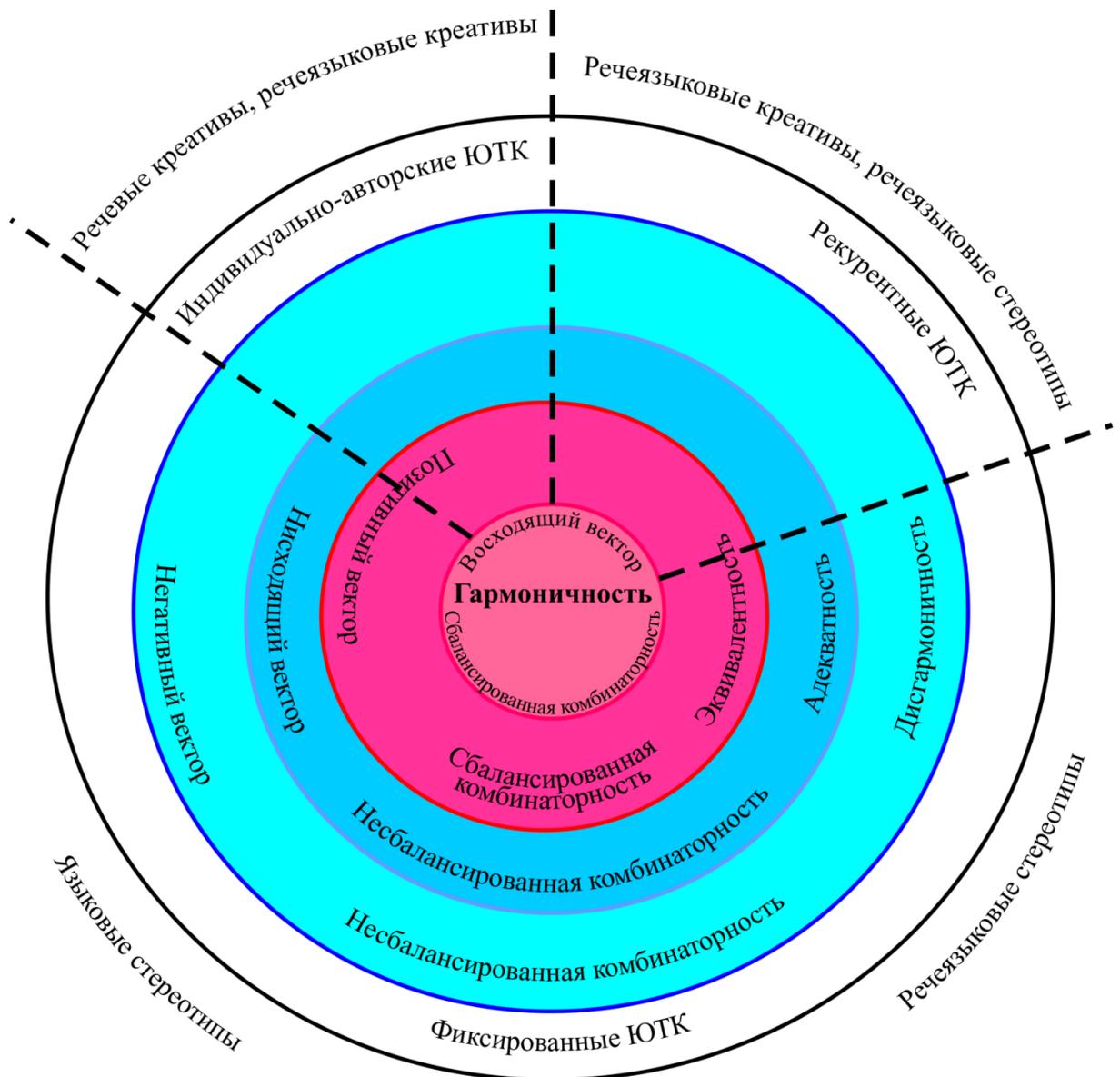

Рисунок 3 – Комбинаторность стереотипных и креативных коллокаций в специальном дискурсе

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Глава посвящена исследованию когнитивных механизмов взаимодействия стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций в специальном дискурсе. В результате проведения количественно-качественного анализа, лингвопереводческих экспериментов, а также изучения открытых поисковых систем Reverso-context, Google, Google Scholar были решены поставленные в исследовании цели и задачи.

Внутриязыковая комбинаторность стереотипных и креативных ЮТК была проанализирована на корпусе не переведенных ранее текстов на французском и английском языках, а также Reverso-контекстов. Были выявлены четыре типа внутриязыковых сочетаний стереотипных и креативных компонентов: речевые креативы, речезыковые креативы, речезыковые стереотипы, языковые стереотипы, комбинаторность которых была прослежена на межъязыковом уровне.

Межъязыковая комбинаторность стереотипных и креативных ЮТК была проанализирована на материале языковых пар: французский-русский, английский-русский, французский-английский, английский-французский-русский. Был проведен количественно-качественный анализ корпуса ЮТК и составлены три коллокационных ряда: 1) индивидуально-авторские (оказиональные) ЮТК; 2) рекуррентные ЮТК; 3) фиксированные ЮТК. Выявлены четыре типа межъязыковых сочетаний стереотипных и креативных компонентов: речевые креативы, речезыковые креативы, речезыковые стереотипы, языковые стереотипы, что позволило нам, во-первых, выявить сочетательную ценность стереотипности и креативности исследуемых коллокаций (гармоничность, эквивалентность, адекватность, дисгармоничность), во-вторых, определить вектор комбинаторности стереотипности и креативности ЮТК.

Лингвопереводческий анализ позволил нам описать когнитивный механизм коллокаций, который выражается комбинаторно обусловленным согласованием стереотипных и креативных коллокаций, обладающих дискурсообразующим потенциалом.

В работе выявлена следующая типология коллокаций, апробированная как на внутриязыковых, так и на межъязыковых коллокационных единицах:

1. Индивидуально-авторские ЮТК относятся к речевым креативам и речезыковым креативам.
2. Рекуррентные ЮТК относятся к речезыковым креативам и речезыковым стеретотипам.
3. Фиксированные ЮТК относятся к речезыковым стереотипам и языковым стереотипам.

Кроме того, для межъязыковых ЮТК был определен вектор сочетательной ценности, который варьирует в дискурсе и который может быть восходящим, позитивным, нисходящим, негативным в зависимости от того, насколько переводчику удастся установить взаимодействие лингвокультурных и правовых систем и обеспечить взаимопонимание коммуникантов. Если при переводе индивидуально-авторских ЮТК формируются речевые креативы или речезыковые креативы, то есть перевод признается гармоничным, мы констатируем сбалансированную, уравновешенную комбинаторность. В остальных случаях имеют место эквивалентность, адекватность, дисгармоничность.

В случае, когда вектор комбинаторности стереотипности и креативности оказывается позитивным, то перевод признается эквивалентным. В случае, когда вектор динамики является нисходящим, перевод признается адекватным. При негативном векторе динамики стереотипности и креативности перевод является дисгармоничным.

Если при переводе рекуррентных ЮТК формируются речезыковые креативы и речезыковые стеретотипы, перевод также является гармоничным, соответственно, проявляется сбалансированная, уравновешенная комбинаторность. В остальных случаях имеют место эквивалентность, адекватность, дисгармоничность.

Если при переводе фиксированных ЮТК формируются речезыковые стереотипы и языковые стереотипы, перевод является гармоничным, соответственно, мы констатируем сбалансированную, уравновешенную комбинаторность. В остальных случаях имеют место эквивалентность, адекватность, дисгармоничность перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено проблеме комбинаторности стереотипных и креативных коллокаций в специальном дискурсе. Комбинаторное направление исследований специального дискурса на материале юридических терминологических коллокаций показало дискурсообразующий потенциал когнитивных категорий стереотипности и креативности. Взаимообусловленность и взаимопритяжение таких оппозитивных категорий, как стереотипность и креативность, становятся своего рода движущей силой, которая не только реализует сочетательную ценность коллокаций, но главным образом осуществляет их коммуникативную нацеленность, определяющую развертывание как монопольной, так и двуязычной коммуникации.

В работе проводится анализ современных подходов к понятию «дискурс» с эпистемических позиций, что позволяет раскрыть его онтологический, методологический и аксиологический аспекты исследования, а также соотнести данное понятие с текстом и выявить жанровое разнообразие дискурса. Особое значение придается в работе специальному юридическому дискурсу, что потребовало выявления его места и роли среди других видов дискурса.

Понятийно-терминологический аппарат исследования складывался на основе нескольких общенаучных категорий и направлений исследований. Во-первых, речь идет о стереотипности и креативности (творчестве), которые являются предметом глубокого исследования представителей пермской школы функциональной стилистики, созданной М.Н. Кожиной, что нашло дальнейшее развитие в трудах М.П. Котуровой, Е.А. Баженовой и их коллег, убедительно доказавших, что проблема стереотипного и творческого начал в порождении текста имеет универсальный характер, а их взаимодействие пронизывает текстообразующую и дискурсообразующую деятельность. Во-вторых, мы опирались в работе на основные положения комбинаторной лингвистики, разработанные новосибирским ученым М.В. Влавацкой, что позволило нам вычленив единицу анализа стереотипности и креативности – коллокацию, трактуемую как словосочетание, основным призна-

ком которого является сохранение лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом.

Знакомство с работами отечественных исследователей по проблеме стереотипности и творчества в лингвистике позволило нам вычленить четыре типа явлений: языковые стереотипы, речезыковые стереотипы, речезыковые креативы и речевые креативы. Для анализа был выбран определенный тип коллокаций – юридические терминологические коллокации, функционирующие в специальном дискурсе. В работе была выстроена типология коллокаций: 1) индивидуально-авторские (оказиональные), 2) рекуррентные, 3) фиксированные. Исследование проводилось на материале двух языков: французского и русского с привлечением данных из английского языка.

Были изучены франкоязычные юридические терминологические коллокации, извлеченные из научных и научно-популярных текстов, и был прослежен вектор их комбинаторности при переводе на русский язык. Перевод индивидуально-авторских коллокаций выполнялся в рамках лингвопереводческого эксперимента переводчиками-лингвистами и переводчиком-юристом, который также выступал в роли эксперта. В работе был выполнен количественно-качественный анализ стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций и выстроены коллокационные ряды: индивидуально-авторские, рекуррентные, фиксированные ЮТК. Для анализа рекуррентных и фиксированных коллокаций, а также для выявления количественного показателя были привлечены контекстуальная база переводов Reverso-context, содержащие множественные варианты перевода одной и той же коллокации, и открытые поисковые системы Google, Google Scholar.

В результате проведенного исследования была доказана заявленная в работе гипотеза, согласно которой когнитивным механизмом процесса порождения специального дискурса является комбинаторно обусловленное согласование стереотипных и креативных компонентов юридических терминологических коллокаций, что выражается различными типами сочетательной ценности внутриязыковых и межъязыковых коллокаций и варьируется в рамках определенного лингвокультурного и лингвоправового пространства.

В работе установлено, что каждому типу комбинаторности соответствует определенный тип сочетательной ценности. При негативном векторе порождается дисгармоничный дискурс, что означает проявление переводческой ошибки и приводит в непониманию коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурам. При нисходящем уровне порождается адекватный дискурс. При позитивном уровне порождается эквивалентный дискурс. При восходящем уровне порождается гармоничный дискурс, в котором имеет место сбалансированная, соразмерная комбинаторность стереотипных и креативных коллокаций, что обуславливает согласование языковых и правовых систем контактирующих лингвокультур.

Проведенное исследование позволило выявить комбинаторный потенциал стереотипных и креативных юридических терминологических коллокаций, обуславливающих порождение специального дискурса.

Данное исследование открывает дальнейшие перспективы изучения терминологических коллокаций в разных типах специального дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева, И.С. Текст и перевод. Вопросы теории / И.С. Алексеева. – М.: Международные отношения, 2008. – 184 с.
2. Алексеева, Л.М. Термин и метафора / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та. – 1998. – 250 с.
3. Алексеева, Л.М. Типология перевода / Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012. – 198 с.
4. Алексеева, Л.М. Типологическая доминанта текста в переводе / Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2016. – 204 с.
5. Антонова, Н.А. Стратегии и тактики педагогического дискурса / Н.А. Антонова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – Вып. 7. – С. 230–236.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Архипова, Е.И. Способы лексикографического отражения английских безэквивалентных словосочетаний / Е.И. Архипова // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов 5-й Международ. науч.-метод. конф.; Новосибирск, 16–17 апр. 2014 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 123–129.
8. Ахманова, О.С. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем / О.С. Ахманова. – М., 1973. – 211 с.
9. Бабешко, Л.О. Рекуррентная коллокация / Л.О. Бабешко, А.М. Ясакова // Экономическое прогнозирование: модели и методы: материалы X Международной науч.-практ. конф.; – 5–7 июня 2014., г. Воронеж. – Воронеж, 2014. – С. 150–156.
10. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып.5. – С. 24–32.

11. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры / А.Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
12. Белозёрова, Н.Н. Когнитивные модели дискурса: учеб. пособие / Н.Н. Белозёрова, Л.Е. Чуфистова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2004. – 256 с.
13. Белозёрова, Н.Н. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учеб. пособие / Н.Н. Белозёрова, Л.Е. Чуфистова. – 2-е изд. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. – 296 с.
14. Белозёрова, Н.Н. Эколингвистика: в поисках методов исследования: монография / Н.Н. Белозёрова, Н.В. Лабунец. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, – 2012. – 256 с.
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
16. Богданов В.В. Текст и текстовое общение : учеб. пособие / В.В. Богданов; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1993. – 67 с.
17. Богин, Г.И. Филологическая герменевтика // Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1982. – 50 с.
18. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
19. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. – 4-е изд.– Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
20. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
21. Боровкова, М.В. Лингвостилистический статус текстов юридической интерпретации и юридического толкования (на материале немецкоязычных и русскоязычных текстов): монография / М.В. Боровкова. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургской академии современного искусства, 2010. – 250 с.
22. Борисова, Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е.Г. Борисова. – М.: Филология, 1995. – 49 с.

23. Братченко, С.Л. Экзистенциальная психология глубинного очищения. Уроки Джеймса Бюджентала. Ч. 2 [Электронный ресурс] / С.Л. Братченко. – URL: <http://hpsy.ru/public/x1400.htm>
24. Бушев, А.Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов / А.В. Бушев // Юрислингвистика. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2010. – № 10(10). – С. 21–25.
25. Бушев, А.В. Подъязыки права: постигая юридическую технику / А.В. Бушев // Юрислингвистика. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2011. – № 1(11). – С. 42–47.
26. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 279 с.
27. Васильев, С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста / С.А. Васильев; АН УССР, Ин-т философии. – Киев: Наукова думка, 1988. – 237 с.
28. Введение в синергетику перевода: монография / Л.В. Кушнина, И.Н. Хайдарова, С.С. Назмутдинова, [и др.] / под общ. ред. Л.В. Кушниной – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. – 278 с.
29. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая // Энн Арбор, 1985. – 178 с.
30. Викторова, Е.Ю. Вспомогательная система дискурса / Е.Ю. Викторова. – Саратов: Наука, 2015. – 404 с.
31. Виноградов, В.В. Из истории изучения русского синтаксиса: (От Ломоносова до Потебни и Фортунатов) / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 400 с.
32. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 259 с.
33. Влавацкая, М.В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики / М.В. Влавацкая. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. – 508 с.
34. Влавацкая, М.В. Типы сочетаемости слов по характеру связи между компонентами [Электронный ресурс] / М.В. Влавацкая // Международный науч-

но-исследовательский журнал. – № 7 (14). – Ч. 4. – 2013. – Режим доступа: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2011/10/7-414.pdf>

35. Влавацкая, М.В. Комбинаторная лингвистика. Аспекты изучения сочетаемости слов / М.В. Влавацкая. – Новосибирск, 2016. – 244 с.

36. Влавацкая, М.В. Оказиональные коллокации в функционально-семантическом аспекте / М.В. Влавацкая, А.В. Коршунова // Научный диалог. – 2016. – № 8(56). – С. 21–32.

37. Влавацкая, М.В. Когнитивный и психолингвистический аспекты изучения сочетаемости слов: трансформация синтагматических структур [Электронный ресурс] / М.В. Влавацкая. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kognitivnyu-i-psiholingvisticheskiy-aspekty-izucheniya-sochetaemosti-slov-transformatsiya-sintagmaticheskikh-struktur>

38. Володина, М.Н. Термин как средство специальной информации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 80 с.

39. Воронин, А.Н. Дискурсивные способности: теория, методы изучения, психодиагностика / А.Н. Воронин. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2015. – 176 с.

40. Гавриленко, Н.Н. Переводческий анализ лингвистических особенностей французского специального дискурса [Электронный ресурс] / Н.Н. Гавриленко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/perevodcheskiy-analiz-lingvisticheskikh-osobennostey-frantsuzskogo-spetsialnogo-diskursa>

41. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

42. Гаспаров, Б.М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.

43. Герд, А.С. Введение в изучение языков для специальных целей. Изд. 2-е, дополненное и переработанное / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Филол. факта, 2011. – 60 с.

44. Голев, Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы / редкол. Н.Д. Голев (отв. ред.), В.Д. Мансурова, Н.Б. Лебедева [и др.]. – Барнаул, 1999. – С. 11–58.
45. Голев, Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: проблемы и перспективы / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.
46. Голев Н.Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка [Электронный ресурс] / Н.Д. Голев // Юрислингвистика / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-yazyka-prava-v-sostave-obschenarodnogo-russkogo-yazyka>
47. Голев, Н.Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Н.Д. Голев // Сибир. филол. журнал. – Новосибирск: Изд-во Института филол. Сибир. отд. РАН, 2015. – № 4. – С. 138–148.
48. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука. – 2011. – 224 с.
49. Громова, Н.С. Конституирующие признаки экстремистского дискурса / Н.С. Громова // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия: материалы междунар. науч. конф.; Екатеринбург, 16–21 октября 2017 г. – Екатеринбург, 2017. – С. 241–245.
50. Данилевская, Н.В. Стилистическое согласование / Н.В. Данилевская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 495–499.
51. Данилевская, Н.В. Научный текст как динамика оценочных действий / Н.В. Данилевская // Вестник Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 2. – С. 20–28.
52. Данилевская, Н.В. Стереотипные единицы в научном диалоге / Н.В. Данилевская // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 14. – Пермь, 2010. – С. 177–185.

53. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Кутренэ, 2000. – 308 с.
54. Демьянков, В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 5–9.
55. Добровольский, Д.О. Корпус параллельных текстов и сопоставительная лексикология / Д.О. Добровольский // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 2015. – № 6(6). – С. 413–449.
56. Ивин, А.А. Аксиология / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
57. Иорданская, Л.Н. Смысл и сочетаемость в словаре: монография / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. – М.: Языки славян. культур, 2007. – 672 с.
58. Казакова, Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001.
59. Кара-Мурза, Е.С. Язык товарной категории в коммерческой рекламе: единство стереотипности и творчества / Е.С. Кара-Мурза // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 19. – Пермь, 2015. – С. 131–150.
60. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
61. Караулов, Ю.А. Русский язык и языковая личность / Ю.А. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
62. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде научного доклада, составленная на основе опубликованных работ, представленная к защите ... докт. филол. наук: 10.02.19 [Электронный адрес] / А.А. Кибрик. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/kibrik/DA_cognitive_perspective@Diss_2003.pdf
63. Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. – Т.2, ч. 1. – С.73–89.
64. Кожина, М.П. Стилистика русского языка: учеб. пособие / М.П. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.

65. Колесникова, Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный адрес] / Л.В. Колесникова. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/188558/a?#?page=1>

66. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 820 с.

67. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990.

68. Косоногова, О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О.В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Том 7. – № 1. – С. 61–68.

69. Котюрова, М.П. Стереотипность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.П. Котюрова. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 398–401.

70. Котюрова, М.П. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие / М.П. Котюрова, Е.А. Баженова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 279 с.

71. Котюрова, М.П. Стилистика научной речи / М.П. Котюрова. – М.: Академия, 2010. – 240 с.

72. Котюрова, Т.С. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / Т.С. Котюрова, Н.В. Тихомирова, Соловьева. – Пермь, 2011. – 304 с.

73. Котюрова, М.П. Об эталонном научном тексте / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2016. – Вып. 20. – С. 63–71.

74. Котюрова, М.П. Современный научный текст: (сквозь призму дискурсивных изменений) / М.П. Котюрова, Н.В. Соловьева. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2017. – 203 с.

75. Кочеткова, Н.А. Статистические языковые методы. Коллокации и коллигации [Электронный адрес] / Н.А. Кочеткова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/statisticheskie-yazykovye-metody-kollokatsii-i-kolligatsii>

76. Кравченко, А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А.В. Кравченко. – 2-е изд. исправ. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.

77. Крапивкина, О.А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса / О.А. Крапивкина // Вестник Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология. – Иркутск, 2010. – № 4 (12). – С. 27–34.

78. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

79. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова. – М., 1991.

80. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–37.

81. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. Сер. Теория и история языкознания / РАН. ИНИОН; Центр гум. науч.-информ. исслед.; отдел языкознания; редкол.: отв. ред. С.А. Ромашко [и др.]. – М.: Изд-во Ин-та науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2000. – С. 5–13.

82. Кубрякова, Е.С. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М., 1997. – С. 152–156.

83. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Известия Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. – М.: Наука, 2004. – Т. 63, № 3. – С. 3–12.

84. Кузнецов, А.М. Юрислингвистика: Язык и право: Научно-аналитический обзор / А.М. Кузнецов, Л.С. Бурдин, Н.В. Солнцева. – М.: ИНИОН, 2006. – 69 с.

85. Кушни́на, Л.В. Взаимодействие языков и культур: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Кушни́на. – Пермь, 2004.
86. Кушни́на, Л.В. Гармония и дисгармония как переводческие категории (в рамках концепции переводческого пространства) / Л.В. Кушни́на // Восьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – 2007. – Вып. 8. – С. 240–245.
87. Кушни́на, Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л.В. Кушни́на. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2009. – 278 с.
88. Кушни́на, Л.В. Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2014. – Вып. 18. – С. 55–64.
89. Кушни́на, Л.В. Культурная парадигма перевода / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2016. – Вып. 20. – С. 130–139.
90. Кушни́на, Л.В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры / Л.В. Кушни́на // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2017. – Вып. 21. – С. 23–31.
91. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995.
92. Левитан, К.М. Юридическая педагогика: учебник [Электронный адрес] / К.М. Левитан. – М.: Норма, 2008. – 432 с. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1765387/>
93. Лейчик, В.М. К определению философских основ терминоведения / В.М. Лейчик // Отраслевая терминология и ее экстралингвистическая обусловленность. – Воронеж, 1986. – С. 14–25.
94. Лейчик, В.М. Термин и его определение / В.М. Лейчик // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток, 1987. – С. 135–145.
95. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
96. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2004. – 704 с.

97. Лыкова, Н.Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков) / Н.Н. Лыкова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 308 с.
98. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
99. Малиновская, Е. Стереотип чиновника Текст. / Е. Малиновская // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Пермс. гос. ун-та, 2002. – С. 361—371.
100. Манаенко, Г.Н. Когниция – языковое выражение – коммуникация / Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставроп. отд. РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 15. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – С. 24–39.
101. Мансурова, В.Д. Инстанция истины: О соотношении норм языка и права в общественной коммуникации [Электронный ресурс] / В.Д. Мансурова // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – Режим доступа: http://gendocs.ru/v1973/юрислингвистика_1999_01
102. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине. – М.: Либроком: Лингвистическое наследие XX века, 2009. – 226 с.
103. Матвеева, Н.А. Специальный текст по аэронавигации как объект исследования: типология и особенности / Н.А. Матвеева, А.В. Матвеев // *Lingua mobilis*. – 2014. – № 2 (48). – С. 73–80.
104. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
105. Матвеева, Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности / Т.В. Матвеева // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 40–49.
106. Мельников, Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003.
107. Мельчук, И.А. Язык: от смысла к тексту / И.А. Мельчук. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.

108. Москальская, О.И. Текст как лингвистическое понятие (обзорная статья) / О.И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 4. – С. 112–122.
109. Музычук Т.Л. Качественный квантификатор и его языковая репрезентация в русском невербальном дискурсе персонажа художественной прозы / Т.Л. Музычук // Вестник ИрГТУ. – № 6 (46). – 2010. – С. 310–312.
110. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Конспект лекций / Л.Н. Мурзин. – Пермь: Перм. ун-т, 1984. – 56 с.
111. Мурзин, Л.Н. Текст и его восприятие / Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. – Свердловск.: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 172 с.
112. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. ... дис. канд. филол.наук: 10.02.20/ С.С. Назмутдинова. – Тюмень, 2008. – 21 с.
113. Нефедова, Л.А. Креативность в переводе как один из когнитивных критериев компетентности (на основе материалов специализированного перевода) / Л.А. Нефедова, И.Н. Ремхе // Гуманитарные исследования. Humanities. 2015. – Т. 1, № 2(2). – С. 70–77.
114. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
115. Новодранова, В.Ф. Когнитивные аспекты терминологии / В.Ф. Новодранова // Материалы I Междунар. школы-сем. по когнитивной лингвистике. – Тамбов, 1998. – С. 13–16.
116. Палашевская, И.В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты [Электронный адрес] / И.В. Палашевская // Известия ВГПУ. – 2010. – С. 28–32. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanry-yuridicheskogo-diskursa-formaty-stsenarii-teksty>
117. Пантелеева, Т.Ю. Метаязыковая сущность юридического дискурсивного пространства / Т.Ю. Пантелеева, М.П. Ахеджакова // Образование и педагогические науки. – С. 254–257.

118. Парамонова, В.В. Прагматика метаязыковой аспектности перевода правоведческой лексики во французском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.В. Парамонова. – Краснодар, 1999.

119. Пермякова Т.М. Проблема «творческое-стереотипное» (по работам, реферируемым лингвистическим сайтом и его поисковой системой) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2002. – С. 376–381.

120. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе / М.В. Пименова // Ментальность и язык: коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 16-61.

121. Пластинина, Н.А. Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на примере переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Пластинина. – Ижевск, 2018. – 24 с.

122. Плеханов, А.Е. Лексическая сочетаемость слов в идиоэтническом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Е. Плеханов. – Самара, 1999. – 20 с.

123. Попов, К. Квалитативная иквантитативная семантико-стилистическая роль лейтмотивных слов в художественной речи / К. Попов // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2007. – С. 326–336.

124. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

125. Попова, Е.В. Природа судебного дискурса / Е.В. Попова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2016. – № 6 (194). – С. 24–29.

126. Попова, Л.Е. Формы интерпретации юридического текста / Л.Е. Попова // Вестник МГОУ: науч.-популяр. журн. – 2004. – № 2(15). – С. 68–72.

127. Попова, Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: прагматический и семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Попова. – Краснодар, 2005. – 166 с.

128. Пушина, Н.И. Роль лингвистики в обеспечении единства филологии как науки о языке / Н.И. Пушина // Филология на рубеже XX–XXI веков: тез.

междунар. науч. конф., посв. 80-лет. Перм. ун-та; 19–22 нояб. 1996 г. / гл. ред. Т.И. Ерофеева. – Пермь, 1996. – С. 72–73.

129. Пушина, Н.И. Межкатегориальные связи в грамматике неличных форм (на материале современного английского языка в сопоставлении с данными русского и удмуртского языков): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / Н.И. Пушина. – Ижевск – 2001. – 297 с.

130. Рахилина, Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: от сочетаемости к семантике / Е.В. Рахилина. – М.: Азбуковник, 2000. – 448 с.

131. Рубцова, О.В. Понятие дискурса в современной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2018/4/philology/Rubtsova2.pdf>

132. Рябцева, Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

133. Рябцева, Н.К. Стереотипность и творчество в переводе / Н.К. Рябцева // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. тр.– Пермь: Изд-во Гос. ун-та, 2008. – Вып. 12. – С. 12–26.

134. Рябцева, Н.К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект / Н.К. Рябцева. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 224 с.

135. Садуов, Р.Т. Политический дискурс Барака Х.Обамы в преломлении лингвокультурного и семиотического аспектов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/politicheskiy-diskurs-baraka-h-obamy-v-prelomlenii-lingvokulturnogo-i-semioticheskogo-aspektov>

136. Салимовский, В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В.А. Салимовский. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 236 с.

137. Сараева, Н.А. Язык юридического дискурса / Н.А. Сараева // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказ. федерал. ун-та, 2009. – С. 331–337.

138. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 184 с.

139. Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М., 2006. – 448 с.
140. Серио, П. Как читают тексты во Франции / Серио П. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 14–53.
141. Силанова, М.А. Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ / М.А. Силанова: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – 260 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/zhurnalistika/mediatizacija-juridicheskikh-terminov-v-diskurse-sovremennyh-smi.html>
142. Скрипичникова, Н.С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации: автореф. ... дис. канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н.С. Скрипичникова. – Екатеринбург, 2016. – 23 с. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/40495/1/urgu1575.pdf>
143. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 2000. – 273 с.
144. Степанов, Ю.С. Семантика / Лингвистический энциклопедический словарь / Ю.С. Степанов; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
145. Ступникова, Л.В. Сущность и особенности юридического дискурса английского языка / Л.В. Ступникова // Вестник МГЛУ. 519. Ч. I. – С. 213–220.
146. Суперанская, А.В. Общая терминология: Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева; отв. ред. Т.Л. Канделаки. – М.: Наука, 1989.
147. Табанакова, В.Д. Идеографическое описание научной терминологии / В.Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
148. Табанакова, В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу / В.Д. Табанакова. – Тюмень, 2013. – 208 с.
149. Табанакова, В.Д. Семантические критерии отбора терминологических коллокаций в словарь комбинаторного типа / В.Д. Табанакова, А.Ю. Левенкова // Прикладная лингвистика в науке и образовании. ALPAC REPORT – полвека после разгрома: тр. VIII Междунар. науч. конф.; Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г. – СПб.: 2016. – С. 97–102.

150. Табанокова, В.Д. Омонимичность естественно-научного термина в дискурсе и словаре / В.Д. Табанокова, И.С. Трифонова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. – 140 с.
151. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М., 1981.
152. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
153. Терехова, Е.В. Рекуррентные конструкции и окказионализмы: сходства и различия [Электронный ресурс] / Е.В. Терехова. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2010_02/10.pdf
154. Тураева, З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика / З.Я. Тураева. – М.: Либроком, 2012. – 144 с.
155. Туранин, В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 [Электронный ресурс] / В.Ю. Туранин. – Белгород, 2017. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/42841456-Yuridicheskaya-terminologiya-v-sovremennom-rossiyskom-zakonodatelstve-teoretiko-pravovoe-issledovanie.html>
156. Ушакова А.О. Текстовая категория техничности и её функционирование в оригинале и переводе: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / А.О. Ушакова. – Ижевск, 2017. – 24 с.
157. Факторович, А.Л. Амбивалентная языковая личность: взаимопритяжение и обособленность стереотипов и неповторимости / А.Л. Факторович // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2014. – С. 41–54.
158. Факторович, А.Л. Взаимодействие стереотипов как источник творческой сущности текста (на материале «медиаголосов» в повести Т. Капоте «Завтрак у Тиффани») / А.Л. Факторович // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2015. – С. 46–60.
159. Факторович, А.Л. Пушкинский образ «спор славян между собою» в современных славянских медиа: корреляции творчества и стереотипности /

А.Л. Факторович // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 2016. – Вып. 20. – С. 47–62.

160. Фаритов, В.Т. Онтологический статус феномена дискурса / В.Т. Фаритов // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 1 (39). – С. 124–136.

161. Федулова, М.Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.Н. Федулова. – М.: Военный университет, 2010. – 173 с.

162. Фесенко, Т.А. Креативность и проблема перевода / Т.А. Фесенко // Вопросы когнитивной лингвистики, 2005. – № 1. – С. 49–54.

163. Филлмор, Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре / Ч.Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – М., 1983.

164. Хижняк, С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе: на материале юридической терминологии: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / С.П. Хижняк. – Саратов, 1998. – 39 с.

165. Хомутова, Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект / Т.Н. Хомутова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 96–106.

166. Храмцова, Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография / Н.Г. Храмцова. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. – 180 с.

167. Храмцова, Н.Г. Правовой дискурс в теории права [Электронный ресурс] / Н.Г. Храмцова // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovoy-diskurs-v-teorii-prava>

168. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов [Электронный ресурс] / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2000. – 432 с. – Режим доступа: <http://lawdiss.org.ua/books/215.doc.html>

169. Чернышев, А. Юридический дискурс и его основные характеристики [Электронный адрес] / А. Чернышев. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/yuridicheskiy-diskurs-i-ego-osnovnyye-harakteristiki>
170. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
171. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2013. – 208 с.
172. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М., 2014. – 248 с.
173. Шевчук, В.Н. Некоторые когнитивные аспекты письменного перевода / В.Н. Шевчук // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: материалы науч.-практ. конф. – М., 1999.
174. Шепелев, А.Н. Терминосистема и роль терминов в языке права [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. Вып. 2 (30). – 2003. – С. 50–52. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/terminosistema-i-rol-terminov-v-yazyke-prava>
175. Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2002.
176. Шейгал, Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Жанры речи-3. – Саратов: Колледж, 2002 – С. 205–214.
177. Широнин, В.М. Когнитивная среда и институциональное развитие, 2013.-: учебное пособие / В.М. Широнин. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2013 – 264 с.
178. Шлепнев, Д.Н. О дидактике юридического перевода [Электронный ресурс] / Д.Н. Шлепнев // Перспективы науки и образования, 2013. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-didaktike-yuridicheskogo-perevoda-obshchiy-ocherk>
179. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: монография / Л.В. Щерба; Академия наук СССР; Отд-е литературы и языка; Комиссия по истории филологических наук. – Л.: Наука, Ленинград. отд., 1974. – 425 с.
180. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе/ У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.

181. Юдина, Е.Н. Французская юридическая терминология как объект терминоведения / Е.Н. Юдина // Филол. науки в МГИМО. – 2003. – № 15.
182. Юдина, Н.В. Сочетания «прилагательное+существительное» в лингвокогнитивном аспекте / Н.В. Юдина. – М., Владимир, 2006. – 427 с.
183. Юрислингвика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 370 с.
184. Якобсон, Р.О. О лингвистических аспектах перевода / Р.О. Якобсон // Избранные труды по лингвистике. – Благовещенск, 1987. – С. 361–368.
185. Vocquet, C. La traduction juridique: fodement et methode / C. Vocquet. – Bruxelles, De Voeck. Brand, Oliver coll. Traducto, 2008. – 122 p.
186. Cornu, G. Linguistique juridique / G. Cornu. – P.: Montchrestien, 1990.
187. Cousin, J. Les langues speciales / J. Cousin // Memorial des etudes des langues. – P.: Les Belles lettres, 1943.
188. Delisle, J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction / J. Delisle // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction. 2014. Suceava. Editura Universitatii din Suceava (Румыния, г. Сучава, ун-т им. Штефана Великого). – Vol. 1. – № 21. – P. 37–60.
189. Gautier, R. Pour et contre stéréotypes / R. Gautier // Le Stéréotype: Usages, formes et stratégies. / Actes du 21e Colloque d'Albi – Languages et significations. – Toulouse: Université de Toulouse-le Mirail, 2001. – P. 207–210.
190. Gémar, J-Cl. La traduction juridique et son enseignement / J-Cl. Gémar // Meta, 1979. – Vol. 24. – Num. 1. – P. 35–53.
191. Gémar, J.-Cl. La traduction juridique: art ou technique d'interprétation? 2002 [Электронный ресурс] / J.-Cl. Gémar. – Режим доступа: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/1988-v33-n2-meta320/002850ar/>
192. Gémar, J.-Cl. Langage du droit et (juri)linguistique. États et fonctions de la jurilinguistique / Gémar, J.-C. et N. KASIRER (dir.). Jurilinguistique: entre langues et droits, Montréal/Bruxelles. – Éditions Thémis/Bruylant, 2005. – P. 5.–22.
193. Haussman F.J. Un dictionnaire de collocations est-il possible? / F.J. Haussman // Travaux de Linguistique et de Litterature XVII(1), Centre de philologie et de littérature romanes de l'université de Strasbourg, 1979. – P.187–195.

194. Marillaud, P. Introduction. / P. Marillaud // *Le Stéréotype: Usages, formes et stratégies*. Actes du 21e Colloque d'Albi – Toulouse: Université de Toulouse-le Mirail, 2001. – P. 9–18.
195. Martinet, A. Structural variation in language / A. Martinet // *Proceedings of the IX International Congress of Linguistics*. – The Hague, 1964.
196. Monjean-Decaudin, S. Approche juridique de la traduction de droit [Электронный ресурс] / S. Monjean-Decaudin. – URL: <http://www.tradonline.fr/blog/wp-content/uploads/2010/01/sylvie-monjean-decaudin-traduction-juridique-2010.pdf>
197. D'Amelio, Nadia. Pour une épistémologie de la recherche en traductologie / Nadia D'Amelio // *La recherche en interprétation : fondements scientifiques et illustrations méthodologiques*. – Editions CIPA, Mons, Belgique, 2013. – P. 7–15.
198. Nasufi, E. Quelques obstacles à la traduction des textes de droit / E. Nasufi // *Atelier de traduction Dossier: La traduction caduque, retraduction et contexte culturel (en diachronie)* / Muguraş Constantinescu. – Suceava: Editura Universităţii, 2001. – № 15. – P. 145–156.
199. Othmau, G. Les représentations sémantiques en terminologie / G. Othmau. – P.: Masson, 1996.
200. Otto, W. Die Paradoxie einer Fachsprache Text / Walter Otto // *Der öffentliche Sprachgebrauch*. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. – P. 44–57.
201. Peshkov, K. (Sapojnikova). Le discours juridique en russe et en français : une approche typologique / K. Peshkov. – Linguistique. Aix-Marseille Université, 2012. Français. <NNT : 2012AIXM3073>. <tel-00997016>
202. Politis, M. Le sort des référents pragmatologiques dans le texte d'arrivée en traduction juridique [Электронный ресурс] / M. Politis, M. Canellopoulou-Botti. – URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Politis.pdf>
203. Seleskovitch, D., Lederer M. Interpréter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer. – Paris: Didier, 1996. – 311p.
204. Skibińska, E. La retraduction, manifestation de la subjectivité du traducteur [Электронный ресурс] / E. Skibińska. – URL: <http://www.tradulex.com/Actes2000/Politis.pdf>

205. Tiersma P. Legal Language / P. Tiersma. – Chicago: University of Chicago Press, 1999.

206. Vass H. Sociocognitive aspects of hedging in two legal discourse genres / H. Vass // Iberica 7. – P. 125–141.

207. Wroblewski J. Les langues juridiques : une typologie. [Электронный ресурс] / J. Wroblewski // Droit et Société. – 1988. – № 8. – Pp. 13–27. – URL: https://www.persee.fr/doc/dreso_0769-3362_1988_num_8_1_983

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

208. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2001.

209. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.

210. Мачковский, Г.И. Французско-русский юридический словарь / Г.И. Мачковский. – М.: Руссо, 1995. – 448 с.

211. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. – М.: Азбуковник, 1998.

212. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf

213. Современный философский словарь / Под общей редакцией д. ф. н. профессора В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. – 1064 с.

214. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2-е изд., стер. / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

215. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

216. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicale. – URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/juridisme>

217. Dictionnaire d'analyse du discours / Sous la direction de P. Charaudeau, D. Maingueneau. – Paris: Editions du Seuil, 2002.

218. Garner B.A. A Dictionary of Modern Legal Usage / B.A. Garner. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1995 – 953 p.

219. Glossaire Juridique, Boursier et Financier. – URL: <http://www.lexinter.net/JF/saisie.htm>

220. Macmillan Collocations Dictionary. Oxford: Macmillan Education, 2010. 1748 p.

221. TLFi : Trésor de la langue Française informatisé. – URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>

МЕДИАГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Barraud B. L'échelle de juridicité : un outil pour mesurer le droit et fonder une théorie syncrétique (première partie : présentation). – Archives de philosophie du droit, 2013. – 365 p.

2. Eberhard Ch., Gupta N. Legal pluralism in India: an introduction / [Electronic resource] / Ch. Eberhard, N. Gupta. – URL: <https://ru.scribd.com/document/209565113/1-Legal-Pluralism-in-India>

3. Gémar J.-Cl. Le droir qui s'écrit / [Electronic resource] / J.-Cl. Gémar. – URL: https://ssl.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/20697_13-GEMAR.pdf

4. Gervais M.-Cl., Séguin M.-Fr. Le bijuridisme au Canada et dans le monde: quelques considérations / M.-Cl. Gervais, M.-Fr. Séguin. – URL: <https://www.justice.gc.ca/fra/pr-rp/sjc-csj/harmonization/hlf-hfl/f2-b2/bf2.pdf>

5. Hadi M.A. La juritraductologie et le problème des équivalences des notions juridiques en droit des pays arabes / M.A. Hadi // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie, 2002. – № 3. – P. 71–78.

6. Hubert R. Christian Atias, Savoir des juges et savoir des juristes. Mes premiers regards sur la culture juridique québécoise / R. Hubert // Philosophiques. – Montréal: Société de philosophie du Québec, 1992. – Vol. 19, Number 1. – URL: <https://www.erudit.org/en/journals/philoso/1992-v19-n1-philoso1794/027176ar.pdf>

7. Houbert F. Blog consacré à la traduction juridique, à la jurilinguistique et au langage du droit. Atricle de vendredi 28 décembre 2018 / F. Houbert. – URL: <http://juritraducteur.blogspot.com/>

8. Houbert F. Le droit mauricien, ou la quintessence du métissage juridique Atricle du lundi 23 janvier 2017 / F. Houbert. – URL: <http://juritraducteur.blogspot.com/2017/01/le-droit-mauricien-ou-la-quintessence.html>

9. Lavault-Olléon, E. Traduction spécialisée: pratique, théories, formations / E. Lavault-Olleon. – Bern: Peter Lang SA, Editions scientifiques internationales. – 2007. – 269 p.

10. Tomlinson E.C. Mediation and Legal Literacy / E.C. Tomlinson // Community literacy journal. – Vol. 5. – Iss. 2. – P. 75–85. – URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=2ahUKEwjwm52Wx6vgAhVKkywKHQUqAA4QFjACegQIARAB&url=https%3A%2F%2Fwww.researchgate.net%2Fpublication%2F235953500_Mediation_and_legal_literacy&usg=AOvVaw0aaRkDj0EZAo_u1IUvyA02

11. Tuori K. Ratio and Voluntas: The Tension Between Reason and Will in Law / [Electronic resource]/ K. Tuori. – URL: <https://books.google.ru/books?id=EgHtCwAAQBAJ&pg=PA69&lpg=PA69&dq=%22However+a+notion+of+legal+sedimentation+is+essential+for+grasping+the+manner+in+which+modern+legal%22&source=bl&ots=q8wnCstMgt&sig=ACfU3U0MjkeTGoQYVeXpJf6kcNJmxaUI5g&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiekJuL1KvgAhWJ3SwKHb4uCWIQ6AEwAHoECAAQAQ#v=onepage&q=%22However%20a%20notion%20of%20legal%20sedimentation%20is%20essential%20for%20grasping%20the%20manner%20in%20which%20modern%20legal%22&f=false>

Список иллюстративных Reverso-контекстов:

12. Produire des effets juridiques / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/produire+des+effets+juridiques>

13. Formation parajuridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/formation+parajuridique>

14. Pluralisme juridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/pluralisme+juridique>

15. Le statut juridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/Le+plan+renforce+le+statut+juridique+des+femmes+par+la+promotion>

16. L'interprétation juridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/1%27interpr%C3%A9tation+juridique>

17. Raisonnement juridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/Raisonnement+juridique>

18. La portée juridique / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/La+port%C3%A9e+juridique>

19. Passerelles juridiques / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/passerelles+juridiques>

20. Saisir une juridiction / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/Saisir+une+juridiction>

21. Legal literacy / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/legal+literacy>

22. Guardian of legality / [Electronic resource]. – URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-французский/guardian+of+legality>

Глоссарий ключевых терминов

Гармоничный перевод/ Гармония	Гармоничный текст перевода выражает те же смыслы, что и исходный текст, интегрируя их в культуру реципиента. <...> миссия переводчика состоит в гармонизации смыслов текстов оригинала и перевода таким образом, чтобы, с одной стороны, не нарушить лингвоспецифичность и культурнос-пецифичность каждого текста, с другой стороны – стремиться к тому, чтобы текст перевода естественным образом вписался в новую культурную парадигму» [Кушина 2014: 42-43]. «Гармония <...– это качественно новый уровень перевода, который является результатом освоения переводчиком гармоничного переводческого мировоззрения, вбирающего в себя все многосмыслие исходного текста, за счет чего происходит многосмыслие текста оригинала <...> гармоничных переводов может быть неисчислимо множество» [Кушина 2014: 41].
Дисгармоничный перевод/ Дисгармония	Дисгармония как проявление переводческих ошибок и несоответствий [Кушина 2009: 146].
Дискурс	«...совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2014: 112].
Дистрибуция	«... во-первых, совокупность всех линейных окружений данной языковой единицы, во-вторых, – совокупность всех сочетаний исследуемой языковой единицы» [Влавацкая 2016: 78].
Индивидуально-авторская юридическая терминологическая коллокация	Коллокационная единица, которая характеризуется единичной или минимальной встречаемостью в корпусе текстов, при порождении которой имеет место изменение лексической, морфо-синтаксической или функционально-семантической связи между стереотипным и креативным компонентами базы и коллоката, и которая соотносится с конкретным коммуникативно-правовым событием (в работе).
Квантитативный показатель	Количество точных совпадений по Google/Google Scholar или Reverso-context. Синонимы: «частотность словоупотреблений», «встречаемость» единиц анализа по корпусам текстов (в работе).
Коллокация	«...характерные, часто встречающиеся сочетания слов, чье появление рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается не грамматическими, а чисто семантическими факторами...» [Влавацкая 2011: 583–584]; «Основной признак коллокаций – сохранение лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом и отсутствие или ослабление значения образности и эмоционально оценочной нагрузки» [Влавацкая 2011: 80].

	В широком смысле это комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к «совместной встречаемости» [Влавацкая 2011: 81].
Коллокационная единица	Терминологическая коллокация на ИЯ и ПЯ, состоящая из ситуативно-, семантически-, эктарлингвистически- обусловленного коллоката (присоединяемого слова) и базы (главного компонента) (в работе).
Коллокационный ряд	Способ классификации терминологических коллокаций, основанный на рассмотрении их семантических признаков, служащий для выявления комбинаторного потенциала (сочетательной ценности) стереотипности и креативности в контекстах при переводе специального дискурса (в работе).
Комбинаторность	1. Одноуровневые отношения языковых знаков, основанные на линейном характере языка и реализующиеся в последовательности элементов в потоке речи [Влавацкая 2011: 427]. 2. Комбинаторика стереотипных и креативных языковых, речевых и речезыковых единиц в специальной сфере коммуникации, функционирующих в когнитивном пространстве специального юридического дискурса (в работе).
Стилистическое согласование/ Комбинаторно обусловленное согласование	«Грамматическая и семантико-стилистическая непротиворечивость языковых единиц в рамках одного контекста» [Данилевская 2003: 496] / Взаимная зависимость функционирования в дискурсе стереотипных и креативных компонентов коллокаций (в работе).
Контекст	«...это комбинаторно обусловленные фрагменты речи, в которых реализуется (полностью или частично) коммуникативная задача (смысл)» [Влавацкая 2011: 8].
Переводческое пространство	Синергетическая модель перевода Л.В. Кушниной [Кушникова 2004].
Reverso-контекст	Фрагмент текста, отобранный из поисковой базы для переводов Reverso-context (в работе).
Reverso-context	Поисковая система для переводов в контексте (URL: http://context.reverso.net/перевод/)
Рекуррентная юридическая терминологическая коллокация	Коллокационная единица, которая характеризуется относительно средней встречаемостью и в семантике которой креативный коллокат сочетается с воспроизводимой стереотипной базой, что соотносится с определенными правовыми событиями в заданной лингвокультуре (в работе).
Специальный юридический дискурс	Периферийное семиотическое пространство, на уровне которого функционируют комбинаторно-обусловленные стереотипные, креативные и стереотипно-креативные элементы, совокупным денотатом которых является мир права в пределах языковой лингвокультуры-источника и лингвокультуры-реципиента в совокупности с экстралингвистическими факторами (в работе).
Стереотипность / Креативность	Оппозитивные взаимно обусловленные когнитивные категории (в работе).

Текст	1. Объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. [Гальперин 1981: 18]; 2. Текст – это не просто продукт речевой деятельности, но и сам процесс создания такого продукта [Мурзин 1991]; 3. Результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранению человеческого знания [Чернявская 2014].
Фиксированная юридическая терминологическая коллокация	Коллокационная единица, лексическая и функционально-семантическая связь внутри которой нормирована, а частотность употребления в корпусах текстов на ИЯ и ПЯ определяется как средняя, высокая или максимально высокая (в работе).
Эпистемическая ситуация	«...совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического <...> компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста и определяющих его целевую специфику» [Котюрова, Баженова 2007: 48-49].
Юридическая терминологическая коллокация	Двусоставная (многосоставная) единица, включающая в себя базу в виде лексем «juridique» – для франкоязычных коллокаций, «legal» – для англоязычных коллокаций (или морфем «jugi» – для франкоязычных и «leg» – для англоязычных коллокаций) и <i>коллокат</i> (в работе).

Текст на французском языке в сфере юрислингвистики

LE BIJURIDISME AU CANADA ET DANS LE MONDE : QUELQUES CONSIDÉRATIONS

[<https://www.justice.gc.ca/fra/pr-rp/sjc-csj/harmonization/hlf-hfl/f2-b2/bf2.pdf>]

Par Marie-Claude Gervais,
conseillère juridique,
Bureau de la Francophonie,
Secteur du droit civil et de la gestion ministérielle,
ministère de la Justice du Canada

Par Marie-France Séguin,
conseillère spéciale – droit civil,
Bureau du sous-ministre délégué,
Secteur du droit civil et
de la gestion ministérielle,
ministère de la Justice du Canada

Introduction générale

Une société produit des discours et elle les met en scène. Elle apprend ainsi à se connaître et à évoluer. Elle se sémiotise. Le droit y joue un rôle et ce rôle se définit par sa relation à des modes de raisonnement et de régulation, par son identification à des valeurs qui en assure la cohérence. *La saisie du juridique* à travers les modes de légifération intéresse certes plus d'une discipline.

La saisie du plurijuridisme au sein d'une même collectivité pose quant à elle des défis plus grands, encore tant les *différentes traditions juridiques* qui coexistent ont leur identité propre. Mais la représentation linéaire que nous serions tentés de donner au mode de développement des *traditions juridiques* peut être dans ce contexte commode, mais inexacte. Trop de rencontres conceptuelles et fortuites ont façonné l'histoire de ces traditions pour que l'on ignore ce qui les apparente et ce qui les lie. Cela intéressera bien davantage les sociologues et les historiens du droit. Nous ne sommes ni les uns ni les autres. Nous ne nous intéressons pas tant aux actants du droit non plus qu'aux *représentations socio-juridiques* mais aux relations signifiantes entre les discours différents du droit, voire entre *les traditions juridiques*. Ce sont les zones de superposition, les zones d'appropriation, les zones de complémentarité qui nous conduisent à *penser le bijuridisme* en son lieu propre pour qui la mondialisation nous oblige, aujourd'hui, à consacrer des espaces multidimensionnels et des ères communes, des champs de cohabitation ou d'assimilation conceptuelle.

Le bijuridisme désigne, dit-on, la coexistence, au sein d'un même État, de deux *traditions juridiques*. La common law et le droit civil y coexistant, dans les deux langues officielles, on dit du Canada qu'il est *un pays bijuridique*.

Bien que de nombreux pays sont eux aussi régis par une combinaison de plusieurs systèmes de droit, la combinaison droit civil/common law est beaucoup plus rare; on la trouve dans à peine une quinzaine d'États. Selon les pays, *le bijuridisme prend différents visages*.

Dans une présentation intitulée *Le bijuridisme au Canada*, l'honorable Michel Bastarache, juge à la Cour suprême du Canada, soulignait en effet qu'« il y a relativement peu de pays où coexistent deux *régimes juridiques* fondamentalement différents. Le Canada est l'un de ces pays. Le « bijuridisme » ou « bijuralism » au Canada désigne la coexistence des traditions de la common law anglaise et du droit civil français, dans un pays possédant un système fédéral ». Le texte qui suit souhaite dégager un lieu de signification destiné à une meilleure compréhension de la nature des liens qui unissent deux des *grandes traditions juridiques contemporaines*. En cela, le but de notre communication est d'exposer les différentes formes que revêt la coexistence des deux *traditions juridiques* au Canada et sans exhaustivité, ailleurs dans le monde, en faisant référence notamment à l'entreprise d'harmonisation mise en œuvre par le ministère de la Justice du Canada, soucieux de développer et de partager cette expertise en devenir.

PARTIE I

PARTICULARITÉS DES DEUX TRADITIONS JURIDIQUES ET ÉLÉMENTS DE CONTEXTE

Repères historiques

L'on se rappellera la boutade de George Bernard Shaw, « England and America are two countries separated by the same language ». Que dire alors, questionne à juste titre l'honorable Pierre Viau, juge à la Cour supérieure du Québec, de notre situation au Canada et plus particulièrement au Québec, où, dans le cadre d'une audition, on passe volontiers d'une langue à l'autre, du droit public au droit privé, de la législation québécoise à la législation fédérale, du droit civil à la common law.

Le Canada est *un pays bijuridique* puisqu'il applique deux droits communs en matière privée : la common law et le droit civil. L'existence de deux droits communs s'explique par l'histoire, par la colonisation de l'Amérique par les Anglais et les Français. La colonie a d'abord été soumise au droit français puis, avec la victoire des Britanniques, à la common law. Le maintien de *la dualité juridique* au Canada résulte des rapports de complémentarité historiques que la common law et le droit civil ont entretenus et qui ont été consacrés par l'Acte de Québec de 1774 et, plus tard, par le partage des compétences législatives prévu dans la Loi constitutionnelle de 1867.

L'Acte de Québec précise en effet que le droit français s'applique aux questions relatives à la propriété et aux droits civils et le droit anglais à celles touchant le droit public et criminel. L'Acte de l'Amérique du Nord Britannique partage les compétences législatives entre le gouvernement fédéral et les législatures des provinces. Le paragraphe 92(13) a permis *le maintien de la dualité juridique* nationale puisqu'il prévoit que la propriété et les droits civils relèvent de la compétence provinciale. Le Québec a ainsi pu conserver son droit civil et les autres provinces, la common law.

En conférant aux provinces une compétence exclusive sur la propriété et les droits civils, le paragraphe 92(13) est à l'origine de la complémentarité du droit fédéral et du droit privé provincial. En effet, seules les normes adoptées en conséquence par les législatures provinciales peuvent compléter les textes fédéraux silencieux sur un aspect qui relève de la propriété et des droits civils et qui s'avère essentiel à leur application. Plusieurs matières ayant une portée en droit privé ont été confiées à *la juridiction fédérale*, telles les lettres de change, la faillite, le mariage et le divorce. Les lois fédérales portant exclusivement sur des questions relevant du droit privé sont peu nombreuses. Toutefois, plusieurs lois interagissent avec le droit privé provincial, qui dans le cas du Québec, est le droit civil.

Cependant, cet heureux partage devient parfois moins heureux lorsqu'on imagine mettre l'un à côté de l'autre le droit public et le droit privé dans une même loi, voire la common law retenue par le législateur fédéral et le droit civil du Québec. Nous n'ignorons pas que la rédaction législative dans ces champs obéit à des fondements différents. D'ailleurs, affirme l'honorable Juge Viau, « Deux langues, c'est d'abord deux styles, en matière de rédaction du moins. Et ailleurs aussi. Lois françaises et lois anglaises sont conçues différemment. Les mêmes idées ne se dissimulent pas de la même façon derrière des mots dont le sens et la portée sont parfois difficiles à cerner. » À cet égard, il cite Louis-Philippe Pigeon, plus tard juge à la Cour suprême du Canada, lequel illustre particulièrement bien cette situation : « Le style législatif anglais subordonne toute autre considération à la recherche de la précision. On s'efforce de tout dire, de tout définir, de ne rien sous-entendre, de ne jamais présumer de l'intelligence du lecteur. Par conséquent, on commence, en formulant une règle, par faire la réserve de toutes les exceptions [...] Dans le style français, qui tend malheureusement à disparaître en France parce que l'on y légifère beaucoup plus par décret-loi que par loi, la recherche de la concision revêt une importance primordiale. On s'attache à rechercher le mot précis, à formuler une règle générale au lieu d'énoncer de multiples applications. » Donnons donc alors un peu plus de détails sur ces deux *traditions juridiques*.

Particularités des deux *traditions juridiques*

- La tradition de droit civil

Le droit civil est souvent défini comme un droit qui trouve sa source, son inspiration en droit romain mais cette définition ne révèle qu'une partie de l'essence du droit civil. Les pays civilistes comptent certes, pour la plupart, des règles dont les origines peuvent être retracées jusqu'au droit romain, mais ils possèdent généralement aussi des règles d'origine canonique ou coutumière. Ce qui caractérise le droit civil, c'est peut-être plus justement son « style », voire « une certaine manière de concevoir, d'exprimer, d'appliquer la règle de droit et qui transcende les politiques législatives mouvantes selon les époques de l'histoire d'un peuple »

Ce style a su conquérir l'Amérique, en passant par le Québec, la Louisiane et plusieurs pays d'Amérique du Sud. L'héritage français demeure en effet bien vivant et les formes particulières qu'il prend contribuent à enrichir l'ensemble des pays partageant cette *culture juridique*. Ainsi, tout en demeurant résolument civiliste dans sa forme, le droit privé québécois se distingue du droit français et comporte des règles originales, parfois inspirées du droit anglais. Le droit civil désigne l'ensemble des règles fondamentales du droit privé – les principes généraux du droit, les règles concernant le statut des personnes et de la famille, le régime des biens et la théorie des obligations –, qui en constituent le droit commun.

Текст на английском языке в сфере юрислингвистики

Multilingual Legal Drafting, Translators' Choices and the Principle of Lesser Evil

[<https://www.erudit.org/en/journals/meta/2013-v58-n1-meta01275/1023809ar.pdf>]

Karolina Stefaniak
European Commission, Luxembourg, Luxembourg
karolina.stefaniak@ec.europa.eu

1. Introduction

When drafting the Treaty of Paris, it was decided not to prioritize any of the languages of the founding Member States, since the imposition of one language only would certainly have spurred new conflicts, and this was exactly what the new Community was meant to prevent. Thus, a multilingual system was devised; however, until 1958, there were no specific rules in force that regulated the language regime. In 1958, Council Regulation No. 1 was adopted that provides a level playing field for the official languages of the today's European Union, with a view to enable its citizens an active and conscious participation in democracy and public debate by making sure they enjoy an unbridled access to the institutions as well as understand their rights and obligations.

The Council Regulation provides for all *legal acts* of general application to be drafted in all official languages of the EU, whereby all the language versions are declared authentic. Similarly, the Official Journal is to be published in all official languages. Documents sent by a European institution to Member States or their citizens are to be written in the language of that Member State, whereas the public authorities and citizens of Member States can choose the language of communication with European institutions among all the official languages, and can expect to receive an answer in the same language.

Such a system guarantees the equality of the Member States, but does it also guarantee the quality of law? Divergences between language versions of the same text are rather unavoidable. However, while some see them as a problem, others point out to advantages. For example, Schilling (2010) argues that if a uniform interpretation of the diverging provisions is somehow achieved, this privileges some language versions over the others and violates the principle of their equal authenticity. On the other hand, if the authenticity of all language versions is respected and decisions in a particular case are made based on the version that concerns the given citizen, this inevitably splits the uniformity of the EU *legal system*. In contrast, Solan (2009) considers the existence of various language versions as an opportunity, not a hindrance, to facilitate the statutory interpretation of *legal texts*. The comparison of various versions of the same text is supposed to provide more evidence to the meaning of the text and the regulator's intent than monolingual legislation, without having to resort to external knowledge.

Nonetheless, these divergences are most often perceived as a result of drafting errors, and EU translators are the first to blame. The critics, however, rarely put importance on the fact that what they criticise are in fact *legal texts*, not *legal translations*. Moreover, they are usually unaware of the place translators have in the *legal machinery* of the EU and are ill-equipped to tell apart a mistake from a conscious choice. This article aims at giving some insights into the particularities of the position of EU translation in respect to *legal drafting* and that of EU translators in respect to the draftspersons. It is argued that EU translation is a process whereby one *legal text* expressed in many languages is drafted, so that translators are in fact involved in *legal drafting*. In spite of that they do not enjoy the same rights as the draftspersons, although they are often attributed the same responsibility. This causes internal tensions and contradictions and consequently results in intellectual and ethical dilemmas of the translators.

2. Multilingual drafting or *legal translation*?

Given the high importance of translation in the smooth functioning of the EU, one cannot help but wonder about the lack of mention of translation in the formal documents on the subject. The Council Regulation itself never uses the term “translation,” but instead refers to “language versions.” Neither is translation mentioned in the Interinstitutional agreement on common guidelines for the quality of drafting of Community legislation, nor in the Interinstitutional agreement on better law-making, nor in the Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission for persons involved in the drafting of legislation within the Community institutions.

This is because the production of EU *legal texts* is supposed to take the form of multilingual *legal drafting*, and not *legal translation*. Multilingual drafting is usually distinguished from plain *legal translation* in that it is said to aim at creating one *legal text* (a single original) expressed in several languages, while *legal translation* is supposed to be performed for information purposes only, and only the version in the source language is authentic. This is not the case of the EU, where all language versions of a piece of legislation are published in the Official Journal and start applying at the same time. At this point it is not possible and not important to know which version preceded the others, since all of them are equally authentic. Šarčević is right when she claims that “from the *legal point of view*, it is improper to use the terms source and target texts when referring to authentic *legal texts*” (Šarčević 1997: 64). Joseph goes even further and suggests that the very authority of a *legal text* depends on the disappearance of the author and consequently that of the *legal translation* – on the disappearance of the translator (Joseph 1995: 18-19).

Nonetheless, the notion of multilingual drafting is still a little misleading, since drafting in the European institutions actually takes place in one language only and the preparation of the versions in the other official languages takes the form of translation. In the case of delegated acts or implementing acts translation is a separate phase between drafting and *legal revision* and in the case of ordinary legislative procedure there are several phases of drafting, translating and *legal revision* that follow each other.

In an ordinary legislative procedure, the law-making starts with a Commission proposal that is drafted in a single language, most often English, in a Directorate General competent for the subject matter. The draft proposal is then submitted for inter-service consultations to other directorates-general, the *legal service* and the editing service of the DGT, who may improve the linguistic and *legal quality* of the original text. Generally, the text should be sent to DGT for translation only after it has been finalized after inter-service consultations. However, it often happens that DGT receives the text before it is finalized, as a result of which new versions of the text, which is written and rewritten until its adoption by the College of Commissioners, are still received. New versions can also be the result of translators’ comments and questions to the text sent to the requesting DG, pointing out errors and inconsistencies.

Once ready, all the translations of the Commission’s proposal are sent to the Parliament and the Council, who work on the text in parallel. At this point there is no clearly identifiable master version of the text. The Council working group works on the proposal in its source language; nevertheless, Member States’ experts in the working groups have the text available in their mother tongues, so that, in the end, Council amendments may be reflected in all language versions. The Council translators then receive the modifications to the Commission’s proposal to translate; however, since they do not participate in the working groups’ meetings, they lack the context and have no means of knowing why a particular term, phrase or wording has been chosen. They produce the language versions of the modified draft text, which is then submitted to the Committee of Permanent Representatives (COREPER) and to the Council for political agreement.

Simultaneously, the Parliament’s competent committee works on the same text. Again the committee makes the amendments to the original language version, and the amendments along with a draft report are first sent for translation into only the working languages of the committee. After the committee has voted on the amendments, the final report is translated into all official languages and sent to the plenary session in the Parliament.

In order for the text to be adopted in the first reading, the Parliament has to agree to incorporate the Council's suggestions into its own first reading amendments, and the Council has to commit itself to accept the legislative proposal as amended by the Parliament. These agreements are reached in informal meetings known as trilogues, where all the parties agree on the contents of the text, working in the source language of the proposal. In the first reading it is the Parliament who is the master of the text, which means that the text is adopted in the wording corresponding to the position of the Parliament. In practice this also means that only the substance of the Council working group's amendments is reflected in the Parliament's position, and the wording changes affecting particular language versions, agreed with Member States' experts or with Commission translators, are lost.

The translation of the *legal acts* adopted by the Commission, i.e., the delegated acts and implementing acts, is simpler, but also in this case *legal drafting* precedes translation. Delegated acts are prepared in a single language in a similar way to legislative proposals that are adopted by the Parliament and the Council; however, all translations must be available and ready by the time of adoption by the College of Commissioners. The drafting of these acts foresees the involvement of Member States' experts in a consultative way only. As for implementing acts, they should be available in the national languages before the work in committees begins; this might often lead to a slowing down of the whole procedure of adoption, especially if urgent measures are needed. Thus, Member States' representatives in the committees often refrain from invoking this right. If they do request and receive versions in their own languages, they may introduce linguistic and terminology changes into them, although it is the Commission that will decide on the final wording of the text.

Unlike some practices in Canada or Switzerland, which apply several methods to coordinate the time and place of parallel *legal drafting* (e.g., Šarčević 1997: 100- 103), the multilingual drafting process in the EU at present, as demonstrated above, is closer to the traditional process of *legal translation*, although the result of this process cannot be treated as translation (Doczekalska 2009: 132). Thus, from the point of view of the product, EU does practice multilingual *legal drafting*, creating equally authentic language versions of a single *legal text*. From the point of view of the process, these language versions are produced by means of translation, with the source text existing in some form before the commencement of translation and with translators reconstructing the intent of the legislator in their respective languages on the basis of this source text.

3. Translators' dilemmas and the principle of lesser evil

Legal translation itself is not as special as some of its practitioners would like to see it, and it is difficult to discern characteristics that differentiate it from other types of specialized translation (Harvey 2002). There are however certain characteristics that make the *translation of legal texts* in EU institutions different from translation elsewhere. Let us start with the features of the source text. As observed before, the *drafting of a legal text* is a process of negotiating the substance of the text, and for practical reasons this is done in a single language, both in the Commission and in the Parliament and the Council, with translation and *legal revision* following later. It becomes more and more frequent though that these stages overlap. In the Commission, it is not uncommon for the translators to be working on the translation, the lawyers on the *legal substance*, the editing service on the quality of the source text, and the DG requesting translation on the final version of the text. This leads to numerous versions of the same text: some passages are added, others are deleted, concepts are redefined and terminology is changed. More or less substantial changes to the source text may also come at a later stage, when the translation has been finalized and sent back, and the translator introducing these changes does not have to be the same translator that originally worked on the translation.

How the instability of the source text affects translations is demonstrated by an analysis performed by Koskinen (2008). She discovered that the more the text is processed, the higher the degree of both readability and institutionalisation; this applies equally to the originals as well as to the translations. Koskinen analyzed the shifts in the subsequent versions of a Communication from the Commission, in English and Finnish. She observed that there had been a clear attempt to improve the readability and clarity of the English original; however, this attempt was neutralized by the tendency to put the

institution to the forefront by the use of bureaucratic expressions or buzz words. The changes in the translation followed the same pattern: simplifying the text in some places and reproducing institutional jargon in others.

This tendency towards general rather than particular, and neutral rather than culturally marked is supposed to reduce the burden of translation by identifying and removing the sources of possible mistranslations already at the stage of source text drafting. For example, the Joint Practical Guide (see Note 5) states in point 5.2. that “the original text must be particularly simple, clear and direct, since any overcomplexity or ambiguity, however slight, could result in inaccuracies, approximations or real mistranslations in one or more of the other Community languages.” Similarly, the Interinstitutional agreement on common guidelines for the quality of drafting advises the draftspersons in point 5 that “concepts or terminology specific to any one *national legal system* are to be used with care” to take into account the multilingual *character of legal drafting*. Thus “hybrid texts” (Schäffner and Adab 2001) are produced, situated at an intersection of cultures, being amalgamates of various linguistic and rhetorical features, blurring the boundaries between languages and cultures, and felt to be foreign even by the native speakers of the language of the original. Whether this actually simplifies the translator’s task is doubtful. Translators are rarely aware of why particular phrases were used or why certain changes to previous versions have been made, nor do they receive feedback to their translations. With context and co-text reduced to a minimum, translators are often not able to understand where they are going and what they want to achieve. On the other hand, the amount of information of a paradigmatic character increases: specific instructions for the translation of terms, guidelines as to the wording of particular phrases, requests to translate only selected fragments or to leave them untranslated. Texts are deprived of their intratextual cohesion, while intertextual relations gain on importance (Pym 2011a). The use of machine translation tools during the translation process does not help diminish this lack of linearity. Forced by the architecture of the system, translators segment texts into smaller units and translate them independently from each other, on a sentence basis.

Faced with these constraints, translators’ strategies to deal with such texts differ first of all depending on the *type of legal act* that is being translated. Regulations apply directly and have to be applied together with the national legislation, so terms originated in the national legislation are preferred. Directives, which are binding with respect to their results and have to be first implemented into the national legislation, are more general in scope by nature and usually EU terms are given priority. In this way different terminology may be used in the same domain, which creates confusion. More difficulties arise, when a sector previously regulated by a Directive begins to be regulated by a Regulation, or a Regulation implements the provisions of a Directive. In these cases translators, in the *interest of legal clarity* and certainty, usually stick to the terminology of the main act and give priority to the terms used previously in the Directives, although these may have been long declared deprecated and ceased to be used in newer documents.

It is, however, not the translation of technical terms that is mostly problematic, but the treatment of the EU specific vocabulary, designating new policies, instruments or bodies. Several strategies are used to render such names in the national languages. Neologisms, calques or semantic innovations are commonly used. In the case of concepts that pose particular difficulties to translators into certain languages (and what is difficult in one language is not always difficult in another), lengthy descriptions are sometimes used, optionally with the English term in brackets. Sometimes the English term is used solely. Very often, translators decide to resort to literal translation, to bring the translated term closer to the original and make it more easily recognizable as a new and specifically European concept.

Thus, some critics argue that EU translations introduce new and unnecessary words and expressions into a language that already has more suitable and well-established equivalents. This is, however, a misunderstanding. As David Bellos rightly notices, “both the damage translation does and the benefits it brings to the receiving language do not lie in translation itself, but in the nature of the texts that it spreads” (Bellos 2011: 194). EU law is an *autonomous legal order* with its own *legal instruments* and *legal terminology*, and the translation is not supposed to produce *national legal acts*, but *EU legal acts* expressed in national languages. Therefore EU specific terms cannot be translated using national terms; if an autonomous concept is used, this should be reflected in language, and translators are ad-

vised to be cautious when using language-specific terminology, or to avoid it completely. And since translators do not have an insight into the political compromises behind a particular language choice and they do not know what may yet happen with the wording of the text they translate, they prefer not to be too creative. As mentioned above, drafting and translating are separated in space and time, and translators and drafters have very little contact, if any. Unlike in multilingual drafting, they do not consult each other as to the best wording, nor do they alternate in their roles as drafters and translators. In fact, EU translators are not supposed to engage in any *kind of legal drafting*, they are rather expected to remain faithful to the source text, maintaining the surface-level similarity and striving for formal correspondence between the original and the translation (e.g., Koskinen 2008).

This restrictive understanding of fidelity is regarded as a legacy of Bible translation (e.g., Joseph 1995; Pym 2000; Harvey 2002) or of the even more ancient profession of oral translators (Bellos 2011). Nowadays, it is probably more related to the “lawyers’ mistrust,” the unwillingness of lawyers to grant the translators the right *to interpret legal texts*, although most specialists in *legal translation* have already redefined fidelity to refer to “the uniform intent of the single instruments, i.e., what the legislator or negotiators intended to say” (Šarčević 1997: 112). This is not to say that translators should be equalled with the authors or draftspersons in this case, since they do not have the same responsibility as the latter or, as Pym (2011b) puts it, they are not required to commit to the truth of the text they translate, which is expected from the author. Still, to require literal translation is to admit that texts have one meaning fixed by the author, over which the translator has no control. However, as Schilling reminds, “no two texts in different languages will ever have exactly the same meaning” (Schilling 2010: 50). Not even *parallel legal texts*. Determinacy in law is a fiction, since law cannot be separated from language, and it is virtually impossible *to have a legal term* that has not originated in any *legal system of the EU Member States*. Meaning is not hidden in the textual representation of an utterance, but is the result of interaction between the sender and the receiver, so it is quite normal that each reader, including translators, may construct a different meaning from the same text. As with any other kind of text processing, translation requires interpretation: the reception of a text by a translator is a creative act and translators cannot be expected to deliver quality work if they are relegated to the role of passive mediators.

4. Conclusions

If ethical behavior involves taking responsibility for one’s own actions (Hewson 2007), EU translators live with the constant guilt that they can never conform to the ethics of their profession. In order to take responsibility for the texts they produce, EU translators would have to have the possibility of choice while translating. As demonstrated in the article, the conditions in which they work, including among others the quality of the source text and time available for translation, considerably limit this possibility, forcing them to make decisions based on formal fidelity and consistency rather than adequacy of meaning and uniformity of intent. Additionally, the unclear role of translators in *the process of legal drafting results* in conflicting demands being placed upon them. EU translators are not allowed to deviate from the original text, yet they are expected to contribute to *the quality of legal drafting*. They are not allowed to interpret the text they translate, yet they are blamed for the lack of clarity and readability. Is this the price of multilingualism?